ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

47
2026
ЧАСТЬ VI

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (650) / 2026

Издается с декабря 2008 г. Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

© Оформление. ООО «Издательство «Молодой ученый», 2026

Международный редакционный совет:
Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максутович, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Александр фон Гумбольдт* (1769–1859) — немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник, один из основоположников физической географии, биогеографии и сравнительной климатологии, младший брат лингвиста и реформатора образования Вильгельма фон Гумбольдта.

Гумбольдт родился в Берлине в состоятельной прусской семье. Рано лишившись отца, он получил образование у частных учителей, затем изучал естественные науки, экономику и горное дело во Франкфурте-на-Одере и Гёттингене, а также в горной академии Фрайберга под руководством Абраама Готлиба Вернера. В 1792–1796 годах служил горным инспектором во Франконии: рационализировал добычу руды, основал горные училища для рабочих и провёл первые опыты с гальваническим током, увлёкшие в молодости самого Алессандро Вольта. Тогда же у него завязалась дружба с Гёте, которому Гумбольдт передавал идеи сравнительной анатомии и морфологии растений и с которым устраивал совместные опыты в йенском доме поэта. К концу столетия он путешествовал по Германии, Швейцарии и Италии, изучая минералогию и строя планы далёких странствий.

Определяющим событием жизни стала экспедиция в испанскую Америку в 1799–1804 годах, предпринятая вместе с французским ботаником Эме Бонпланом на средства собственного наследства, полученного после смерти матери. Разрешение на поездку Гумбольдт выпросил лично у испанского короля; всё снаряжение и приборы он вёз за свой счёт, а само плавание из Ла-Коруньи едва не закончилось крушением в штормовую ночь.

Путешественники прошли и проплыли около 65 тысяч километров по Венесуэле, Кубе, Колумбии, Эквадору, Перу и Мексике, переправились через Анды и исследовали истоки Амазонки. В июне 1802 года на вулкане Чимборасо они поднялись до высоты 5878 метров — рекордной для человека того времени, остановившись менее чем в 400 метрах от вершины. В трактате «Идеи о физиогномике растений» и на знаменитом графике Naturgemälde Гумбольдт впервые наглядно изобразил высотную поясность растительности, связав высоту, температуру и характер флоры в единую картину. Он ввёл в науку понятие изотерм, описал холодное Перуанское течение, позже названное его именем, измерил магнитное поле Земли от Атлантики до Тихого океана и первым задокументировал связь геомагнитных возмущений с полярными сияниями. Наблюдения за вырубкой лесов и обмелением озера Валенсия в Венесуэле позволили ему одним из первых указать на изменение климата под влиянием деятельности человека. Малоизвестный эпизод той же экспедиции: для изучения электрических угрей Гумбольдт ставил опыты на коровах и лошадях, одна из которых пала от разряда, а сам естествоиспытатель был сбит ударами тока с ног.

Возвратившись в Европу, он более двадцати лет жил в Париже, обрабатывая материалы экспедиции; итогом работы стали тридцать томов «Путешествия в равноденственные области Нового Света» и «Политический очерк Королевства Новая Испания» — труд, полвека остававшийся образцом экономико-географического страноведения. В очерке о Кубе Гумбольдт дал бескомпромиссную критику рабовладения, за что испанские власти изъяли и уничтожили значительную часть тиража. В 1829 году по приглашению Николая I он совершил путешествие по России — от Петербурга через Урал до Алтая и Каспия — и на основе собранных данных обосновал направление поисков алмазов в уральских россыпях, где вскоре и были найдены первые алмазы. В 1827–1828 годах Гумбольдт прочёл в Берлине цикл публичных лекций, собравший, по свидетельствам современников, до тысячи слушателей; их переработка легла в основу «Космоса».

Последние десятилетия ученого прошли в Берлине: он был камергером Фридриха Вильгельма III, меценатом и покровителем молодых исследователей, среди которых были Жан Луи Агассис и Юстус Либих.

Главным делом жизни Гумбольдта стал пятитомный «Космос» (1845–1862) — опыт единого естественнонаучного описания мира; последние тома были изданы по черновикам автора и вышли посмертно. Историки называют созданный им стиль исследований «гумбольдтовской наукой» — комплексным и инструментально точным изучением взаимосвязей природных явлений.

Гумбольдт состоял членом почти всех европейских академий, отказался от профессорских кафедр ради научной независимости и израсходовал состояние на экспедиции и издания, доживая на жалованье при дворе. Он не создал семьи, разделял дом с братом и его семьёй, а после смерти Вильгельма жил в апартаментах при Потсдамском дворце; король Фридрих Вильгельм IV называл его «старейшим чиновником моего двора». Известен Гумбольдт и как меценат литературы: он выплачивал пожизненное содержание Генриху Гейне.

Гумбольдт умер 6 мая 1859 года в Берлине, не дожив четырёх месяцев до девяноста лет, и был похоронен в семейном склепе в имении Тегель под Берлином. Его имя носит холодное течение, пингвин, кальмар, лилия, кратер и море на Луне, а также университеты и научные общества в Берлине и других городах мира.

Информацию подготовила ответственный редактор
Екатерина Осянина

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Минх Е. В.
Актуальные проблемы компенсации морального вреда 375

Михайлова Е. В.
Злоупотребление договорным преимуществом в кредитных и заемных отношениях: проблемы правовой квалификации и противодействия 378

Михайлова Е. В.
Проблемы обеспечения баланса интересов в отношениях между потребителями и профессиональными участниками финансового рынка 381

Михеев С. А.
Негаторный иск как способ защиты права собственности в арбитражном процессе 384

Морозова М. С.
Защита прав предпринимателей: правовые средства, способы и формы 386

Морозова М. С.
Коммерческие организации как субъекты предпринимательского права 392

Мухин Д. Ю.
Правовой режим таунхаусов в Российской Федерации 396

Нагимова С. Р.
Проблемы правоприменительной практики и основные угрозы безопасности дорожного движения 399

Нахманович К. В.
Проблема преюдициального значения лингвистических экспертиз при расследовании преступлений экстремистской направленности: коллизия статей 17 и 90 УПК РФ 401

Нугуманова Н. М., Корякин И. В.
Международные договоры и Конституция: коллизия и пути ее разрешения 403

Оплеснин Р. О.
Права и обязанности государственных гражданских служащих в России: правовая регламентация и содержание 405

Орищенко Т. С.
Цифровое государство: современные концепции и правовые основы формирования 408

Орлов Д. Д.
Уголовная ответственность за преступления в сфере экономической деятельности: современные тенденции 410

Пак Я. С.
Проблемы уголовно-правовой квалификации мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий 412

Паскевич У. Ф.
Проблемы регулирования криптовалют на государственном уровне 415

Педченко В. М.
Исковая давность в гражданском праве: сущность, условия и проблемы правоприменения 417

Петричева В. П.
Защита прав предпринимателей: правовые средства, способы и формы 421

Пехота К. Д.
Причинение смерти по неосторожности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика, проблемы предупреждения бытовой и профессиональной неосторожной преступности 425

Пономарева Е. А.
Заключение под стражу: обоснование рисков и оценка возможности применения более мягкой меры пресечения 426

Порватова А. К.
Правовые аспекты и статистический анализ цифрового образования в регионах России 433

Потемкина Е. С.
Профессионализация сотрудников уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации 436

Потемкина Е. С.
Актуальные вопросы обеспечения безопасности и противодействия терроризму и экстремизму в уголовно-исполнительной системе 438

Рюмин Б. А.
Место военных судов в судебной системе России 439

Рюмина В. В.
Понятие и виды примирительных процедур в современном праве 441

Сабусов И. А.
Ятрогенные преступления: правовые проблемы и особенности правоприменительной практики 443

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Актуальные проблемы компенсации морального вреда

Минх Евгения Витальевна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются проблемы определения размера компенсации морального вреда в Российской Федерации. На основе анализа гражданского законодательства, правовых позиций высших судов и научной литературы исследованы критерии оценки страданий и пределы судебного усмотрения. Показано, что основная трудность состоит в обосновании связи между установленными обстоятельствами дела и присуждаемой суммой. Предложено разграничивать основания возникновения права на компенсацию и факторы, определяющие её размер, а также раскрывать значение существенных обстоятельств в судебном решении и использовать сопоставимые дела как вспомогательный ориентир. Сделан вывод о необходимости конкретизации требований к обоснованию размера компенсации при сохранении индивидуального подхода к потерпевшему.

Ключевые слова: *компенсация морального вреда, физические и нравственные страдания, размер компенсации, критерии оценки, судебное усмотрение, мотивированность судебного решения, правовая определённость*

Current Issues in Compensation for Non-Pecuniary Damage

Minkh Yevgeniya Vitalyevna, master's degree student
Chelyabinsk State University

The article examines the determination of compensation for non-pecuniary damage in the Russian Federation. It analyses civil legislation, legal positions of the highest courts and scholarly literature to explore assessment criteria and judicial discretion. The main difficulty lies in explaining the connection between the facts established in a case and the amount awarded. The article proposes distinguishing the grounds for entitlement to compensation from the factors affecting its amount, explaining the significance of material circumstances in the judgment and using comparable cases as a supplementary reference. It concludes that requirements for judicial reasoning should be clarified while preserving an individual assessment of the injured person's circumstances.

Keywords: *compensation for non-pecuniary damage, physical and mental suffering, amount of compensation, assessment criteria, judicial discretion, judicial reasoning, legal certainty*

Введение

Компенсация морального вреда представляет собой способ защиты гражданских прав и меру гражданско-правовой ответственности. Её правовую основу составляют статьи 12, 150 и 151, а также статьи 1099–1101 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [5; 6]. Денежная выплата призвана смягчить последствия нарушения, хотя она не способна устранить пережитые страдания и далеко не во всех случаях может восстановить утраченное благо.

Практическую сложность вызывает определение суммы, соразмерной последствиям нарушения. Закон связывает её с характером страданий, особенностями потерпевшего, обстоятельствами причинения вреда и — в предусмотренных законом случаях — со степенью вины причинителя вреда. Требования разумности и справедливости нуждаются в раскрытии применительно к конкретному делу. Одно лишь их перечисление не объясняет, почему суд присуждает определённую сумму.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совместить индивидуальную оценку страданий с предсказуемостью судебной защиты. Различие присуждаемых сумм может объясняться особенностями дел. Проблема возникает, когда значимые различия не установлены или не отражены в мотивировке. Поэтому предметом исследования выступают способы обоснования размера компенсации и пределы судебного усмотрения.

Материалы и методы исследования

Цель исследования — выявить трудности применения критериев определения размера компенсации морального вреда и предложить способы повышения обоснованности судебных решений. Использованы формально-юридический метод, сравнительный анализ научных подходов и анализ отдельных материалов судебной практики. Исследованы нормы ГК РФ, постановления Конституционного суда Российской Федерации и Пленума Верховного суда Российской Федерации, материалы Верховного суда Российской Федерации за 2026 г., работы Э. П. Гаврилова, Д. В. Котова, М. Н. Малеиной и А. М. Эрделевского. Рассмотренные примеры позволяют установить проблемы юридической аргументации, но не оценить их распространённость во всей судебной практике.

Результаты исследования и их обсуждение

Моральный вред следует отличать от размера его компенсации и имущественного ущерба. Моральный вред выражается в физических или нравственных страданиях, тогда как размер компенсации представляет собой денежную сумму, определяемую с учётом юридически значимых обстоятельств. По пункту 3 статьи 1099 ГК РФ компенсация осуществляется независимо от возмещения имущественного вреда. Самостоятельность требования не исключает необходимости установить основания ответственности. Согласно статье 1101 ГК РФ компенсация присуждается в денежной форме; её размер нельзя определять напрямую исходя из стоимости имущества или величины убытков [6, ст. 1099, 1101].

Оценочный характер критериев обусловлен предметом защиты: длительность страданий, изменение образа жизни или утрата возможности общаться с близкими не имеют установленного денежного эквивалента. Поэтому отсутствие универсальной формулы расчёта не следует безоговорочно признавать пробелом законодательства. Вместе с тем индивидуальная оценка требует объяснения того, какие обстоятельства установлены и как они влияют на итоговую сумму. Без этого возникает риск произвольного решения.

Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» (далее — постановление № 33) конкретизирует порядок такой оценки. В пунктах 25–28 предусмотрено учитывать действия причинителя вреда, тяжесть страданий, фактические обстоятельства дела и индивидуальные особенности потерпевшего. К последним относятся, в частности, возраст, состояние здоровья, профессия и род занятий. Пункт 30 требует оценивать значимость присуждаемой суммы с учётом обычного уровня жизни и общего уровня доходов граждан [7, пп. 25–30]. Эти разъяснения позволяют связать общие положения закона с обстоятельствами конкретного спора, однако сами по себе не заменяют судебной мотивировки.

Представляется необходимым различать два этапа рассмотрения требования. Сначала суд устанавливает право на компенсацию: определяет нарушенное право или нематериальное благо, причинённые страдания, причинную связь и другие условия ответственности. Вопрос о вине разрешается с учётом предусмотренных законом исключений. Затем суд определяет размер выплаты и объясняет значение влияющих на него обстоятельств. Смешение этапов приводит к тому, что признание факта нарушения подменяет оценку его последствий.

Э. П. Гаврилов указывал, что ссылка на разумность и справедливость не обеспечивает конкретного обоснования присуждаемой суммы [1, с. 21]. Это замечание сохраняет значение после принятия постановления № 33. Указание возраста потерпевшего, характера травмы и длительности лечения не позволяет оценить страдания. Необходимо объяснить, например, как длительное ограничение самостоятельности усиливает последствия нарушения и каким образом это учтено при определении компенсации.

Показателен пример, приведённый в пункте 11 Обзора судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 1 (2026), утверждённого постановлением Президиума Верховного суда Российской Федерации от 25 марта 2026 г. № 5А/2026. Мать работника, погибшего в результате несчастного случая на производстве, обратилась с требованием о компенсации морального вреда. Суд первой инстанции взыскал 1 500 000 рублей, оценив последствия утраты сына и поведение работодателя. Апелляционный суд уменьшил сумму до 1 000 000 рублей, сославшись на вину погибшего работника. Верховный суд Российской Федерации признал выводы апелляционной и кассационной инстанций основанными на неправильном применении норм материального права и существенном нарушении норм процессуального права, подчеркнув необходимость обоснования размера компенсации, в том числе с учётом степени вины работодателя [9, п. 11].

Пример показывает, что проверке подлежит и основание изменения суммы. Ссылка на поведение погибшего не заменяет оценки обязанностей работодателя по обеспечению безопасных условий труда и последствий утраты сына для истца. При снижении компенсации вышестоящая инстанция должна раскрыть ошибки первоначальной оценки и их влияние на размер выплаты. Сам факт различия сумм не доказывает отсутствия общих критериев, но требует проверки последовательности их применения.

Другой пример опубликован на официальном сайте Верховного суда Российской Федерации 20 июля 2026 г. в сообщении «Суды не вправе произвольно снижать сумму компенсации морального вреда». После операции на позвоночнике пациент утратил возможность самостоятельно передвигаться и ему установили первую группу инвалидности. Суд первой инстанции присудил ему 1 000 000 рублей, апелляционный суд снизил сумму

до 500 000 рублей, а кассационная инстанция поддержала этот вывод. Верховный суд Российской Федерации взыскал 4 000 000 рублей и указал на обязанность судов мотивировать уменьшение заявленной суммы [10]. Данный материал подтверждает значение оценки тяжести последствий и обоснования итоговой выплаты; он используется здесь как официальная информация о деле, а не как самостоятельное нормативное предписание.

А. М. Эрделевский предлагает подход, основанный на базовом размере компенсации и корректирующих коэффициентах; его методика рассмотрена и Д. В. Котовым [2; 4]. Такая модель упорядочивает оценку, однако применение коэффициента не объясняет, почему выбрано конкретное значение. Если оно определяется без обоснования, неопределённость сохраняется в исходных показателях. Расчётная модель может служить вспомогательным инструментом, но не заменяет оценки доказательств и мотивировки.

М. Н. Малеина предлагает систему общих и частных критериев с учётом особенностей нарушенных гражданских, семейных и трудовых прав, а также оснований увеличения или уменьшения размера компенсации [3]. Этот подход позволяет уточнить обстоятельства, существенные для определённого вида нарушения. При причинении вреда здоровью важны длительность лечения и ограничения повседневной активности, а при разглашении сведений о частной жизни — характер информации и последствия её распространения.

Сопоставление подходов позволяет предложить общий порядок обоснования размера компенсации без установления обязательного денежного тарифа. Суду следует последовательно определить нарушенное право, установить подтверждённые последствия для потерпевшего, оценить их продолжительность и интенсивность, затем раскрыть значение иных существенных обстоятельств. Это делает рассуждения проверяемыми и позволяет отделить доказанные факты от предположений о переживаниях потерпевшего.

Индивидуальные особенности потерпевшего имеют значение, если помогают установить последствия нарушения. Так, ограничение двигательной активности может по-разному отражаться на повседневной жизни людей с разным родом занятий. При этом профессия, доход или общественное положение не должны становиться самостоятельной шкалой ценности личности. Разницу в размере компенсации необходимо объяснять характером страданий и возникших ограничений, а не абстрактной оценкой социального статуса.

Имущественное положение причинителя вреда оценивается отдельно. Пункт 29 постановления № 33 допускает учёт подтверждённого тяжёлого имущественного положения ответчика-гражданина [7, п. 29]. Поэтому одного заявления о затруднительности выплаты недостаточно: требуются доказательства и оценка их значения. Нельзя автоматически переносить это разъяснение на юридическое лицо. Уменьшение суммы должно иметь конкретное обоснование и сохранять связь с последствиями нарушения.

Для повышения предсказуемости решений целесообразно обращаться к сопоставимым делам, учитывая вид нарушенного права, тяжесть и длительность последствий, особенности потерпевшего. Совпадения категории спора недостаточно: дела о причинении вреда здоровью различаются по ограничениям самостоятельности и прогнозу восстановления. Ранее присуждённые суммы могут служить ориентиром, но не обязательным тарифом. Суду следует объяснять сходство сравниваемых дел и различия, влияющие на размер выплаты.

Отдельная проблема связана с компенсацией при нарушении имущественных прав. По общему правилу пункта 2 статьи 1099 ГК РФ, моральный вред, причинённый действиями, нарушающими имущественные права гражданина, компенсируется в предусмотренных законом случаях [6, ст. 1099]. Вместе с тем имущественный характер основного нарушения не исключает одновременного посягательства на нематериальные блага. Поэтому квалификация спора как имущественного сама по себе не позволяет разрешить вопрос о наличии права на компенсацию.

В постановлении от 26 октября 2021 г. № 45-П Конституционный суд Российской Федерации признал недопустимым отказ в компенсации исключительно на том основании, что совершённое преступление квалифицировано как посягательство на собственность. Суд должен исследовать, нарушены ли при этом личные неимущественные права потерпевшего либо затронуты принадлежащие ему нематериальные блага и причинены ли вследствие этого физические или нравственные страдания [8]. Следовательно, речь идёт об оценке действительных последствий деяния. Эта позиция не означает автоматического возникновения права на компенсацию при любом имущественном споре и не отменяет необходимости установить предусмотренные законом основания.

Уточнение критериев следует связывать прежде всего с требованиями к аргументации. В решении необходимо отдельно обозначать основания компенсации, факторы её размера и причины отклонения существенных доводов сторон. При изменении суммы требуется раскрывать ошибку предшествующей оценки. В обобщениях судебной практики целесообразно, наряду с присуждёнными суммами, отражать обстоятельства, определившие результат.

Заключение

Основная трудность определения размера компенсации морального вреда заключается в конкретном обосновании оценочных законодательных критериев. Универсальная формула не устраняет эту трудность, поскольку её исходные показатели также нуждаются в юридической оценке. Поэтому совершенствование правоприменения следует направить на раскрытие связи между доказанными последствиями нарушения и итоговой суммой.

Предлагается разграничивать основания права на компенсацию и факторы её размера, объяснять значение существенных обстоятельств и при уменьшении суммы указывать ошибки первоначальной оценки. Сопоставимые дела следует использовать как вспомогательный ориентир с учётом различий в последствиях нарушения. В обобщениях практики необходимо систематизировать эти обстоятельства вместе с присуждёнными суммами.

В имущественных спорах требуется отдельно проверять, затронуты ли личные неимущественные права или нематериальные блага гражданина. Отказ только по признаку имущественного характера спора не соответствует рассмотренной позиции Конституционного суда Российской Федерации. Предложенный порядок направлен на повышение обоснованности компенсации и возможности содержательной проверки судебного решения.

Литература:

1. Гаврилов, Э. П. Как определить размер компенсации морального вреда? // Российская юстиция. — 2000. — № 6. — С. 21–22. — URL: https://base.garant.ru/971095/ (дата обращения: 20.11.2026).
2. Котов, Д. В. Критерии определения размера компенсации морального вреда // Адвокат. — 2004. — № 8. — URL: https://base.garant.ru/4007587/ (дата обращения: 20.11.2026).
3. Малеина, М. Н. Система критериев определения компенсации неимущественного вреда как способа защиты гражданских, семейных и трудовых прав граждан // Журнал российского права. — 2015. — № 5. — С. 59–73. — DOI: 10.12737/10721.
4. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва : Волтерс Клувер, 2007. — 304, [1] с.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. —1994. — № 32. — Ст. 3301.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. —1996. — № 5. — Ст. 410.
7. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 15.11.2022 № 33. — URL: https://vsrf.ru/documents/all/31761/ (дата обращения: 20.11.2026).
8. По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. Ф. Шиловского: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.10.2021 № 45-П. — URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision562927.pdf (дата обращения: 20.11.2026).
9. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 1 (2026): утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 25.03.2026 № 5А/2026. П. 11. — URL: https://vsrf.ru/documents/all/35663/ (дата обращения: 20.11.2026).
10. Суды не вправе произвольно снижать сумму компенсации морального вреда // Верховный суд Российской Федерации : официальный сайт. — URL: https://vsrf.ru/news/37387 (дата обращения: 20.11.2026).

Злоупотребление договорным преимуществом в кредитных и заемных отношениях: проблемы правовой квалификации и противодействия

Михайлова Елизавета Владимировна, студент магистратуры
Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове

Злоупотребление договорным преимуществом в кредитных и заемных отношениях представляет собой особую форму недобросовестного поведения. Ее сущность состоит в использовании экономического, информационного или организационного превосходства одной стороны для формирования условий, существенно ухудшающих положение контрагента. При этом само наличие более сильной стороны не является противоправным. Банк, микрофинансовая организация или профессиональный займодавец закономерно обладают большими возможностями для подготовки договора и оценки финансовых рисков.

Граница между свободой договора и злоупотреблением в подобных отношениях является особенно сложной. Формально заемщик выражает согласие посредством подписания договора, однако фактически он нередко не участвует в определении его содержания [14, с. 192].

Конституционные пределы договорной свободы в рассматриваемой сфере определяются необходимостью соблюдения баланса частных интересов. Часть 1 ст. 34 Кон-

ституции РФ [1] гарантирует свободу экономической деятельности, а ч. 1 и 2 ст. 35 охраняют частную собственность. Однако экономическая свобода не предполагает возможности использовать ее в ущерб правам другой стороны. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 3 апреля 2023 г. № 14-П [7] подчеркнул, что законодатель не может ограничиваться формальным признанием юридического равенства участников договора. Экономически слабой и зависимой стороне должны предоставляться дополнительные гарантии. В отношениях с профессиональными участниками рынка такой стороной прежде всего является потребитель. Конституционный Суд также отметил, что отсутствие у гражданина реальной возможности влиять на содержание договора фактически ограничивает свободу договора.

Основным ориентиром квалификации выступают ст. 421, 428 и 10 ГК РФ [2]. Свобода договора ограничивается запретом недобросовестного осуществления прав. Особое значение имеет ст. 428 ГК РФ, защищающая сторону, лишенную реальной возможности влиять на условия договора. Как отмечает К. С. Казанцева, заемщик зачастую вынужден принимать условия банка. При наличии явно обременительных условий договор может быть изменен или расторгнут, в том числе при неравенстве переговорных возможностей сторон [13, с. 141].

Именно п. 3 ст. 428 ГК РФ позволяет точнее раскрыть природу злоупотребления договорным преимуществом. Для его установления недостаточно доказать, что условие оказалось невыгодным заемщику. Необходимо оценивать обстоятельства заключения сделки, возможность обсуждения спорных положений, профессиональный статус сторон и экономический смысл условия. Существенное значение имеет и прозрачность распределения рисков. По нашему мнению, юридически значимое договорное преимущество возникает тогда, когда сильная сторона не просто предлагает более выгодные для себя условия, а фактически лишает контрагента разумной возможности участвовать в их формировании и использует эту ситуацию для существенного нарушения баланса интересов.

При этом злоупотребление договорным преимуществом необходимо отличать от кабальной сделки. Согласно п. 3 ст. 179 ГК РФ сделка является кабальной, если лицо было вынуждено совершить ее на крайне невыгодных условиях вследствие стечения тяжелых обстоятельств, чем другая сторона воспользовалась.

Следовательно, высокая процентная ставка или срочная потребность гражданина в денежных средствах сами по себе еще не образуют состава кабальной сделки. Необходимо доказать одновременно наличие тяжелых обстоятельств, вынужденность заключения договора на крайне невыгодных условиях и сознательное использование этой ситуации контрагентом.

Специальный механизм предусмотрен и п. 5 ст. 809 ГК РФ [2]. Если договор займа заключен между гражданами либо между гражданином-заемщиком и юридическим лицом, которое профессионально не занимается предоставлением потребительских займов, чрезмерные проценты могут быть признаны ростовщическими. Для этого их размер должен в два и более раза превышать обычно взимаемые при сравнимых обстоятельствах проценты и одновременно быть чрезмерно обременительным для должника. Суд вправе уменьшить их до обычного уровня. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 25 декабря 2023 г. № 60-П [8] подтвердил, что договорная свобода при определении процентов не является безграничной. Суд должен оценивать соответствующее условие с позиций разумности и справедливости.

В сфере профессионального потребительского кредитования действует более детальная система ограничений. Части 7 и 9 ст. 5 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» [5] имеют принципиальное значение. Общие условия договора не могут возлагать на заемщика обязанность заключить иной договор или приобрести за плату дополнительные услуги. Кредитор также не вправе требовать платежи, не предусмотренные индивидуальными условиями. При этом сами индивидуальные условия должны согласовываться кредитором и заемщиком.

Однако обозначение условия как «индивидуального» еще не доказывает наличие реальных переговоров. Формально подписанный стандартный бланк может сохранять признаки договора присоединения. Именно поэтому оценка должна производиться с учетом фактического характера взаимодействия сторон, а не только названия соответствующего документа.

Дополнительной гарантией служит ст. 6 Закона № 353-ФЗ. Она обязывает раскрывать полную стоимость потребительского кредита как в процентах годовых, так и в денежном выражении. В расчет включаются и платежи за дополнительные услуги, если их приобретение фактически влияет на условия предоставления кредита.

Такое регулирование препятствует сокрытию действительной стоимости финансирования за внешне низкой процентной ставкой и множеством сопутствующих платежей.

Особенно распространенной формой использования договорного преимущества остается навязывание страхования и иных дополнительных услуг. Часть 2 ст. 7 Закона № 353-ФЗ требует отдельного согласия заемщика и запрещает кредитору заранее проставлять отметки о согласии либо выражать такое согласие вместо заемщика. Часть 2.2 той же статьи обязывает предоставить возможность получить кредит без личного страхования, если его обязательность не установлена законом. В этом случае допускается иной размер процентной ставки. Для ряда дополнительных услуг действует тридцатидневный период отказа. Закон также устанавливает механизм возврата денежных средств.

Сходный подход закреплен в ст. 16 Закона РФ «О защите прав потребителей» [6]. Пункт 2 прямо относит к недопустимым условиям положения, связывающие приобретение основной услуги с обязательным приобретением другой, а также условия о дополнительных платных услугах без согласия потребителя. Пункт 3.1 этой статьи

запрещает навязывание дополнительных товаров, работ и услуг. Более того, обязанность доказать наличие согласия возлагается на исполнителя.

Это специальное правило имеет важное процессуальное значение, поскольку корректирует общий принцип распределения бремени доказывания, закрепленный ч. 1 ст. 56 ГПК РФ [4].

Показательной является практика Верховного Суда РФ по делу № 49-КГ22–23-К6, рассмотренному 14 февраля 2023 г [10]. Спор первоначально рассматривался Калининским районным судом г. Уфы по делу № 2–5151/2021 [11]. Заемщик оспаривал условие, связывавшее сохранение процентной ставки с личным страхованием, а также последующее увеличение банком ставки. Верховный Суд направил дело на новое рассмотрение. Он указал на необходимость проверить соответствие условий требованиям законодательства о потребительском кредите и учесть добросовестное поведение заемщика, самостоятельно заключившего договор страхования.

Дело показывает, что формально предусмотренная договором вариативность процентной ставки сама по себе не освобождает кредитора от обязанности соблюдать баланс интересов сторон.

Еще более наглядно проблема проявилась в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 2 июня 2025 г. № 305-ЭС24–24318 по делу № А40–206328/2023 [12]. Спор возник из договора инвестиционного займа. Его условия предусматривали минимальную ежемесячную плату за пользование займом и продолжение начисления процентов фактически до прекращения реализации проекта, подтверждаемого исключением заемщика из ЕГРЮЛ. Верховный Суд отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение. Коллегия обратила внимание на необходимость установить действительную правовую природу соглашения и оценить его условия с учетом принципов добросовестности, разумности и баланса интересов.

Судебное противодействие злоупотреблению договорным преимуществом не должно сводиться к признанию всего договора недействительным. Правовое последствие зависит от характера нарушения. Явно обременительное, но не противоречащее императивной норме условие может корректироваться посредством ст. 428 ГК РФ. При доказанном злоупотреблении правом применяются последствия, предусмотренные п. 2 ст. 10 ГК РФ, включая полный или частичный отказ в защите соответствующего права. Если договорное условие непосредственно нарушает императивный законодательный запрет, возникает вопрос о применении ст. 168 ГК РФ либо специальных последствий, прямо установленных законом. Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 [9] также допускает признание сделки недействительной, если ее совершение нарушает запрет, установленный п. 1 ст. 10 ГК РФ.

Процессуальные гарантии дополняют материально-правовые средства защиты. Часть 7 ст. 29 ГПК РФ позволяет потребителю предъявить иск по месту своего жительства или пребывания, а также по месту заключения либо исполнения договора. Статья 17 Закона о защите прав потребителей дополнительно освобождает потребителя от уплаты государственной пошлины в предусмотренных законом случаях.

Эти нормы уменьшают процессуальные издержки экономически слабой стороны и делают судебную защиту реально доступной.

Таким образом, основная проблема правовой квалификации злоупотребления договорным преимуществом состоит в разграничении допустимой реализации свободы договора и недобросовестной эксплуатации неравенства переговорных возможностей. Формальное согласие заемщика не должно рассматриваться как безусловное подтверждение справедливости любого условия. Вместе с тем сама невыгодность договора также не свидетельствует о злоупотреблении. Полагаем, что наиболее обоснованным является комплексный подход. Суду необходимо исследовать порядок формирования условий, их прозрачность, экономическую обоснованность и наличие реальной возможности обсуждения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учётом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru, 06.10.2022. — № 0001202210060013.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.96 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 18.11.2002. — № 46. — Ст. 4532.
5. О потребительском кредите (займе): Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 23.12.2013. — № 51. — Ст. 6673.
6. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.92 № 2300-I (ред. от 28.12.2025) // Ведомости СНД и ВС РФ. — 09.04.92. — № 15. — Ст. 766.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.04.2023 № 14-П [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — Режим доступа URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443913/ (дата обращения: 20.09.2026).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.12.2023 № 60-П [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — Режим доступа URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465694/ (дата обращения: 20.09.2026).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — Режим доступа URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 20.09.2026).
10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2023 № 49-КГ22–23-К6 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — Режим доступа URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=750897#EhDCkVVkDDSlKP8m (дата обращения: 20.09.2026).
11. Решение Калининского районного суда г. Уфы по делу № 2–5151/2021 [Электронный ресурс] // Судебные решения РФ: [сайт]. — Режим доступа URL: https://судебныерешения.рф/63778679?ysclid=mu9ic4kd121060223 (дата обращения: 20.09.2026).
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 02.06.2025 № 305-ЭС24–24318 по делу № А40–206328/2023 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — Режим доступа URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=856561#3uZCkVVcnrjZEZEj2 (дата обращения: 20.09.2026).
13. Казанцева, К. С. Актуальные проблемы правового регулирования кредитного договора / К. С. Казанцева // Оригинальные исследования. — 2025. — Т. 15, № 4. — С. 140–143.
14. Хазиева, Р. Р. Правовые последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения кредитного договора / Р. Р. Хазиева, А. Р. Нигаматьянов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 3–1(90). — С. 191–194.

Проблемы обеспечения баланса интересов в отношениях между потребителями и профессиональными участниками финансового рынка

Михайлова Елизавета Владимировна, студент магистратуры
Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саратове

Проблема обеспечения баланса интересов потребителя и профессионального участника финансового рынка обусловлена фактическим неравенством их возможностей. В. С. Хархалёва и З. Р. Джеппарова отмечают, что «взаимодействие спроса и предложения приводит к формированию рыночной цены, которая удовлетворяет и покупателя, и продавца» [10, с. 527]. Финансовая организация обладает специальными знаниями, информацией о продукте и опытом заключения однотипных сделок. Кроме того, именно она обычно формирует договорную документацию и определяет технологию взаимодействия с клиентом. Потребитель, напротив, оценивает продукт преимущественно по сведениям, которые предоставляет сама организация. Е. А. Храпунова и О. В. Шикина справедливо отмечают, что «подобная асимметрия возможностей ставит одну сторону в зависимость от другой и требует создания механизмов защиты». Поэтому формальное юридическое равенство сторон не всегда означает их фактическое равенство. Задача правового регулирования состоит не в предоставлении потребителю необоснованных преимуществ. Необходимо компенсировать объективную информационную и организационную асимметрию [11, с. 65].

Одновременно должны сохраняться устойчивость финансового оборота и возможность профессионального участника управлять рисками.

При этом выражение «профессиональные участники финансового рынка» применительно к исследуемым отношениям имеет собирательное значение. Отдельные федеральные законы устанавливают специальный статус банков, страховых организаций, микрофинансовых организаций, брокеров и иных субъектов. Пленум Верховного Суда РФ в п. 3 постановления от 28 июня 2012 г. № 17 [7] относит к финансовым услугам, в частности, предоставление кредитов и займов, открытие и ведение банковских счетов, привлечение вкладов и обслуживание банковских карт. В силу п. 2 данного постановления при наличии специального регулирования Закон РФ от 7 февраля 1992 г.

№ 2300–1 «О защите прав потребителей» [4] применяется в части, которая специальным законом не урегулирована.

Такой подход формирует многоуровневую модель защиты. Общие положения гражданского и потребительского законодательства дополняются специальными гарантиями, установленными для конкретного сегмента финансового рынка.

Наиболее существенной причиной нарушения баланса остается информационная асимметрия. Потребитель может понимать экономическую цель продукта, но не располагать знаниями для оценки его полной стоимости, связанных рисков и условий досрочного прекращения договора. Именно поэтому ст. 10 Закона о защите прав потребителей требует предоставлять необходимую и достоверную информацию, позволяющую сделать правильный выбор. Ненадлежащее исполнение такой обязанности влечет последствия, предусмотренные ст. 12 данного Закона. Особое значение имеет п. 44 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 17. Суды должны исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о свойствах и характеристиках приобретаемой услуги. Иной подход фактически переносил бы на гражданина риск непонимания сложного финансового продукта, содержание которого сформировал профессиональный участник рынка.

В кредитных отношениях законодатель пытается устранить эту асимметрию посредством стандартизации раскрываемой информации. Так, ч. 9 ст. 5 Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» [3] определяет перечень индивидуальных условий договора. Они должны согласовываться кредитором и заемщиком. Частью 12 той же статьи предусмотрено их размещение в установленной форме с первой страницы договора. Кроме того, ч. 7 ст. 5 запрещает включать в общие условия обязанность заемщика заключать другие договоры или приобретать платные услуги.

Эти ограничения направлены не против экономических интересов кредитора. Их назначение заключается в том, чтобы цена финансового продукта была понятной еще до возникновения обязательства.

Особенно остро проблема проявляется при реализации дополнительных услуг. Пункт 3.1 ст. 16 Закона о защите прав потребителей допускает их продажу только с согласия потребителя. Автоматическое проставление отметок и иные способы формирования согласия за гражданина прямо запрещены. Более того, обязанность доказать действительное наличие такого согласия возлагается на исполнителя. Это положение имеет важное значение с точки зрения процессуального баланса. Общее правило ч. 1 ст. 56 ГПК РФ [2] предполагает, что каждая сторона доказывает обстоятельства, на которые ссылается. Однако в отношениях с профессиональным участником обычное распределение доказательственного бремени способно поставить потребителя в заведомо затруднительное положение.

Именно финансовая организация располагает анкетами, электронными журналами и сведениями о порядке оформления услуги.

Поэтому специальное возложение на нее обязанности подтвердить согласие представляется оправданной правовой компенсацией фактического неравенства.

Однако проблема баланса не ограничивается кредитованием. Она проявляется и при предложении гражданам инвестиционных инструментов. Для неквалифицированного инвестора неправильная оценка риска способна привести не к дополнительным расходам, а к утрате значительной части вложенных средств. В этой связи ст. 51.2–1 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» [6] предусматривает тестирование физического лица. В предусмотренных законом случаях брокер вправе исполнить поручение неквалифицированного инвестора только при положительном результате такого тестирования согласно ст. 3.1 Закона № 39-ФЗ.

Полагаем, что сущность данного механизма состоит не в ограничении гражданской дееспособности инвестора. Его назначение заключается в проверке минимального понимания рисков сложного продукта. Вместе с тем тестирование не должно превращаться в формальную процедуру.

Иначе законодательная гарантия сохраняется только документально, а информационное превосходство финансовой организации остается неизменным.

Практика Верховного Суда РФ подтверждает, что соблюдение формальной процедуры не всегда означает достижение реального баланса. Показательно Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 марта 2024 г. № 16-КГ24–2-К4 [8]. Первоначально спор рассматривался Ворошиловским районным судом г. Волгограда по делу № 2–2583/2022. Заемщик при заключении кредитного договора был подключен к программе коллективного страхования и внес плату за весь период услуги. После досрочного погашения кредита он потребовал возвратить часть денежных средств. Верховный Суд поддержал подход, согласно которому при длящейся услуге потребитель вправе требовать возврата платы за неистекший период. Финансовая организация при этом должна подтвердить фактически понесенные расходы.

Дело демонстрирует принципиальный подход: экономический интерес банка не может служить основанием для удержания платы за период, в течение которого соответствующая услуга уже не предоставляется.

Иная сторона проблемы проявилась в Определении Верховного Суда РФ от 16 декабря 2025 г. № 5-КГ25–143-К2 [9]. В первой инстанции дело рассматривал Мещанский районный суд г. Москвы под № 2–3635/2023. С банковского счета гражданина были совершены операции, которые клиент отрицал. Нижестоящие суды исходили преимущественно из факта использования корректных персональных средств доступа. Верховный Суд счел такой анализ недостаточным. Было указано, что суды не оценили действия банка с позиции добросовестности, разумности и осмотрительности. Особое значение имело то, что клиент незадолго до спорных операций сообщал

банку о подозрительной активности. Кроме того, банк не представил полный массив электронных данных об аутентификации и обстоятельствах совершения операций. Судебные акты были отменены, а дело направлено на новое рассмотрение. Данный пример показывает, что профессиональный статус финансовой организации предполагает повышенные требования к организации безопасного обслуживания. Нельзя механически переносить весь технологический риск на потребителя только потому, что операция была подтверждена стандартным идентификатором.

Самостоятельной проблемой остается доступность защиты уже после возникновения спора. Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» [5] сформировал специальный механизм досудебного разрешения определенной категории конфликтов. В предусмотренных ч. 1 ст. 15 случаях финансовый уполномоченный рассматривает имущественные требования потребителя к финансовой организации. Для соответствующих споров обращение к нему является обязательным этапом. Однако ч. 1–3 ст. 25 Закона № 123-ФЗ сохраняют за потребителем возможность последующего обращения в суд. Такая конструкция должна рассматриваться во взаимосвязи с ч. 1 ст. 46 Конституции РФ [1], гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод.

Следовательно, финансовый уполномоченный должен снижать стоимость и продолжительность разрешения спора, но не заменять полноценную судебную защиту.

По нашему мнению, основной недостаток действующей модели заключается не в отсутствии защитных норм, а в их неоднородности и преимущественно реактивном характере. Значительная часть механизмов начинает действовать уже после того, как потребитель заключил невыгодный договор, приобрел ненужную услугу или понес финансовые потери.

Поэтому дальнейшее обеспечение баланса интересов должно быть связано прежде всего с предупреждением нарушения. Необходимы понятное раскрытие экономической сущности продукта, реальная фиксация согласия и индивидуальная оценка допустимости предложения сложных финансовых инструментов. Не меньшее значение имеет сохранение повышенного стандарта профессиональной осмотрительности финансовой организации.

Таким образом, баланс интересов потребителя и профессионального участника финансового рынка не означает их искусственного уравнивания. Он предполагает такое распределение прав, обязанностей и рисков, при котором профессиональное превосходство организации не превращается в правовое преимущество за счет гражданина. Одновременно защита потребителя не должна освобождать его от разумной осмотрительности. Действующее законодательство в целом содержит необходимые механизмы для достижения такого баланса. Основная проблема заключается в их последовательном применении, реальном устранении информационной асимметрии и недопустимости формального подхода к согласию потребителя.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учётом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru, 06.10.2022. — № 0001202210060013.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 18.11.2002. — № 46. — Ст. 4532.
3. О потребительском кредите (займе): Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 23.12.2013. — № 51. — Ст. 6673.
4. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.92 № 2300-I (ред. от 28.12.2025) // Ведомости СНД и ВС РФ. — 09.04.92. — № 15. — Ст. 766.
5. Об Уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг: Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 11.06.2018. — № 24. — Ст. 3390.
6. О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22.04.96 № 39-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 22.04.96. — № 17. — Ст. 1918.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс: [сайт]. — Режим доступа URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131885/ (дата обращения: 20.09.2026).
8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.03.2024 № 16-КГ24–2-К4 [Электронный ресурс]// Законы Кодексы и НПА РФ: [сайт]. — Режим доступа URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05032024-n-16-kg24–2-k4/ (дата обращения: 20.09.2026).
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2025 № 5-КГ25–143-К2 [Электронный ресурс] // Законы Кодексы и НПА РФ: [сайт]. — Режим доступа URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16122025-n-5-kg25–143-k2-uid-77rs0016–02–2023–003468–79/ (дата обращения: 20.09.2026).

10. Хархалева, В. С. Баланс рынка: взаимодействие спроса и предложения / В. С. Хархалева, З. Р. Джеппарова // Национальные экономические системы в контексте трансформации глобального экономического пространства, 2024. — С. 525–528.
11. Храпунова, Е. А. Проблема соблюдения баланса интересов сторон в отношениях потребительского займа / Е. А. Храпунова, О. В. Шикина // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2025. — Т. 12, № 1. — С. 64–70.

Негаторный иск как способ защиты права собственности в арбитражном процессе

Михеев Сергей Андреевич, студент
Московский университет «Синергия»

Среди вещно-правовых способов защиты права собственности негаторный иск занимает особое место. В отличие от виндикационного иска, направленного на возврат вещи из чужого незаконного владения, негаторное требование адресовано нарушению, которое не соединено с лишением владения: собственник продолжает владеть вещью, однако претерпевает действия третьих лиц, препятствующие осуществлению его правомочий.

Сам термин «негаторный иск» в российском законодательстве не употребляется. Статья 304 Гражданского кодекса Российской Федерации описывает такой иск через его содержание — требование об устранении всяких нарушений права, хотя бы эти нарушения и не были соединены с лишением владения [1]. Отсутствие легального наименования оборачивается практической проблемой: арбитражные суды по-разному квалифицируют требования об устранении препятствий, смешивая негаторные иски с обязательственными требованиями, исками о признании права отсутствующим и виндикационными требованиями. К. И. Скловский справедливо отмечал, что границы вещно-правовой защиты в отечественном праве очерчены менее строго, чем в пандектных правопорядках, что и порождает квалификационную неопределённость [13].

Актуальность темы усиливается недавними решениями Конституционного Суда РФ. В постановлениях от 28 января 2025 г. № 3-П и от 29 октября 2026 г. № 63-П высшая судебная власть обозначила пределы негаторной защиты, указав, что этот механизм не может использоваться для обхода гарантий добросовестного приобретателя и для разрешения споров о праве [5, 6].

Негаторный иск восходит к римскому праву, где actio negatoria предоставлялся собственнику, «отрицающему» за ответчиком право пользоваться его вещью. Как отмечает К. А. Усачева, в римской конструкции этот иск был тесно связан с сервитутами и служил средством отрицания чужого права на вещь собственника [11]. В русском дореволюционном праве аналогом негаторного иска выступал иск «о праве собственности и о праве пользования», а советское законодательство закрепило конструкцию, близкую к современной ст. 304 ГК РФ. По словам К. А. Усачевой, действующая редакция ст. 304 ГК РФ «поглотила» и конфессорные требования: российский негаторный иск защищает не только собственника, но и титульных владельцев, тогда как в классической традиции конфессорный иск обслуживал именно титульное владение [11].

Е. А. Суханов рассматривает негаторный иск в качестве «универсального» вещно-правового требования, подчёркивая, что его удобство объясняется неприменимостью исковой давности и возможностью получения реального, а не денежного удовлетворения [9].

Материально-правовая характеристика негаторного иска складывается из трёх элементов: субъектного состава, предмета и содержания требования. Истцом выступает прежде всего собственник. Помимо него, на основании ст. 305 ГК РФ негаторной защитой пользуются и титульные владельцы — лица, владеющие имуществом на праве хозяйственного ведения, оперативного управления, аренды либо на ином законном основании. Пленум Верховного суда и Высшего Арбитражного Суда РФ ещё в постановлении от 29.04.2010 № 10/22 подтвердил, что титульные владельцы обладают теми же вещно-правовыми возможностями, что и собственник [3].

Ответчиком по негаторному иску является любое лицо, чьими действиями создаются помехи в осуществлении права: закон не требует, чтобы ответчик имел в отношении спорной вещи какое-либо собственное правомочие.

Предметом требования выступает устранение длящегося нарушения. Содержание судебного решения может охватывать как позитивные обязанности ответчика (демонтаж постройки, перенос инженерных коммуникаций, восстановление доступа), так и негативные — воздержание от совершения определённых действий в будущем.

Ключевой задачей правоприменителя остаётся разграничение негаторного иска со смежными требованиями. Во-первых, с виндикационным, если нарушение соединено с лишением владения, применяется ст. 301 ГК РФ.

Во-вторых, с иском о признании права отсутствующим: по смыслу разъяснений Конституционного Суда РФ эти механизмы не могут применяться одновременно, поскольку направлены на разные юридические ситуации [5].

Важнейшей материально-правовой особенностью негаторного иска является неприменимость к нему исковой давности (ст. 208 ГК РФ) [1]. Пленум Верховного Суда РФ № 22 и Пленум ВАС № 10 в п. 48 разъяснил, что исковая давность не распространяется на требования об устранении нарушений права, не связанных с лишением владения, поскольку такое нарушение носит длящийся характер [3].

В арбитражном процессе существует ряд особенностей рассмотрения дел, связанных с защитой права собственности при помощи негаторного иска. Негаторные иски в отношении недвижимого имущества предъявляются по правилам исключительной подсудности: согласно ч. 1 ст. 38 Арбитражного процессуального кодекса РФ иски о правах на недвижимое имущество предъявляются в арбитражный суд по месту нахождения этого имущества [2]. Практика распространяет это правило и на требования об устранении препятствий в пользовании недвижимостью, поскольку они непосредственно связаны с правами на объект [7]. Если же препятствие создано движимым имуществом или действиями, не привязанными к конкретному объекту недвижимости, применяется общая подсудность по месту нахождения ответчика (ст. 35 АПК РФ).

В рамках негаторного иска не разрешается спор о праве, если устранение препятствия невозможно без предварительного ответа на вопрос, кому принадлежит право на объект, в иске должно быть отказано, а истцу разъяснено право на предъявление соответствующего иска [4, 8]. Эта позиция восходит к постановлению Президиума ВАС РФ от 11.03.2014 № 15324/13 [8].

Решение по негаторному иску о понуждении к действию подлежит исполнению по правилам гл. 31 АПК РФ, при этом суд в силу ч. 3 ст. 174 АПК РФ устанавливает срок и порядок исполнения. Если ответчик уклоняется от исполнения, истец может обратиться с заявлением об изменении способа и порядка исполнения (ст. 324 АПК РФ) — например, о замене обязанности демонтажа денежной компенсацией. В доктрине дискутируется вопрос о допустимости астрента, то есть судебной неустойки за неисполнение негаторных требований, сегодня он применяется ограниченно, однако потребность в действенном стимуле к исполнению есть.

Существует также ряд спорных вопросов, связанных с защитой права собственности с помощью негаторного иска.

Первая группа проблем связана с пограничными случаями между негаторным и виндикационным исками. Верховный Суд РФ в определении от 21.06.2024 № 305-ЭС24–4471 указал, что негаторный иск не подлежит удовлетворению, если он по существу направлен на устранение последствий, уже урегулированных в рамках виндикационного требования: после отказа в виндикации вследствие пропуска исковой давности собственник не может добиться того же результата через негаторную форму [7]. Тем самым пресекается попытка использовать неприменимость давности по негаторному иску как обход ограничений, установленных для виндикации.

Вторая группа проблем — соотношение негаторной защиты с гарантиями добросовестного приобретателя. Конституционный Суд РФ в своих постановлениях от 28.01.2025 № 3-П и от 29.10.2026 № 63-П исходит из того, что механизм защиты от нарушений, не связанных с лишением владения, не может применяться в противоречии с правилами об обороте недвижимости. Негаторный иск не подлежит удовлетворению, если его реальной целью является изъятие имущества у добросовестного приобретателя или разрешение спора о самом праве, а не устранение длящегося помехового состояния [5, 6]. Суды, рассматривающие такие требования, обязаны проверять, не является ли заявленное «устранение нарушения» скрытой формой оспаривания зарегистрированного права третьего лица. Схожей логики придерживается и М. А. Ерохова с соавторами, комментируя обзор практики: негаторный иск рассчитан на бесспорность титула истца; возникновение спора о праве переводит дело в иную процессуальную плоскость [12].

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы: негаторный иск остаётся базовым вещно-правовым средством защиты права собственности и титульного владения, однако его границы в российском праве определяются не столько буквой ст. 304 ГК РФ, сколько разъяснениями высших судебных инстанций. Арбитражные суды рассматривают негаторные требования в особом процессуальном режиме: с учётом исключительной подсудности, ограниченного предмета доказывания, недопустимости разрешения спора о праве в рамках негаторного процесса и специальных правил присуждения и исполнения.

Представляется целесообразным дополнить ст. 304 ГК РФ указанием на условия применения негаторного иска: сохранение владения, противоправность нарушения, допустимость требования о предотвращении угрозы нарушения, и на недопустимость использования негаторной формы в обход правил о виндикации и правах добросовестных приобретателей. В процессуальном отношении заслуживает развития практика применения судебной неустойки по негаторным требованиям, а также уточнение правил о совместном участии собственника и титульного владельца. Наконец, важную роль способно сыграть принятие Верховным Судом РФ системного обзора практики по вещно-правовым искам, который устранил бы колебания в квалификации требований и обеспечил единообразие арбитражного правоприменения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп.).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (с изм. и доп.).

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».
4. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.01.2013 № 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения».
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.2025 № 3-П.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.10.2026 № 63-П.
7. Определение Верховного Суда РФ от 21.06.2024 № 305-ЭС24–4471 по делу № А40–35024/2023; определение Верховного Суда РФ от 24.09.2018 № 308-ЭС18–13828 по делу № А15–3163/2017.
8. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.03.2014 № 15324/13.
9. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. — М.: Статут, 2017.
10. Гражданское право: учебник в 4 т. Т. 2: Вещное право / отв. ред. Е. А. Суханов. — М.: Статут.
11. Усачева К. А. Негаторный иск в исторической и сравнительно-правовой перспективе (части I и II) // Вестник гражданского права. — 2013. — № 5, № 6.
12. Ерохова М. А., Усачева К. А. Комментарий к Обзору судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения // Вестник ВАС РФ. — 2013. — № 8.
13. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. — М.: Статут.

Защита прав предпринимателей: правовые средства, способы и формы

Морозова Мария Сергеевна, студент магистратуры
Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета

В данной статье раскрываются понятие, цели и принципы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности. Анализируется эволюция системы государственных и негосударственных органов защиты, а также рассматривается эффективность деятельности уполномоченных по защите прав предпринимателей. Помимо этого, исследуется судебная практика по спорам с участием предпринимателей, что позволяет выявить пробелы в законодательстве о государственном контроле.

Ключевые слова: *предпринимательские отношения, защита прав предпринимателей, федеральный закон, судопроизводство, предприниматели, уполномоченный при Президенте РФ.*

Protection of entrepreneurs' rights: legal remedies, methods, and forms

Morozova Maria Sergeevna, master's degree student
Volzhsky Humanitarian Institute (branch) of Volgograd State University

This article explains the concept, objectives, and principles of protecting the rights of business entities. It analyses the evolution of the system of state and nonstate protection bodies and also examines the effectiveness of the work of ombudsmen for the protection of entrepreneurs' rights. In addition, it studies judicial practice in disputes involving entrepreneurs, which helps to identify gaps in the legislation on state control.

Keywords: *business relations, protection of entrepreneurs' rights, federal law, legal proceedings, entrepreneurs, the Commissioner (Ombudsman) for the Protection of Entrepreneurs' Rights under the President of the Russian Federation.*

Защита прав предпринимателей представляет собой совокупность правовых средств, направленных на предупреждение, пресечение нарушений и восстановление нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности.

Предпринимательские отношения включают не только частноправовой, но и публично-правовой компонент — отношения с контролирующими органами, лицензионные, разрешительные процедуры.

Понятие защиты предпринимательских прав необходимо отграничивать от категории охраны. Если охрана — это вся совокупность мер, обеспечивающих нормальное осуществление прав (превентивные, организационные, информационные меры), то защита представляет собой узкое понятие, связанное с применением принудительных мер в ответ на состоявшееся или потенциальное нарушение [1].

А. В. Габов справедливо указывает, что в механизме правового регулирования предпринимательской деятель-

ности защита выполняет восстановительную и превентивную функции одновременно [2]. Восстановительная функция реализуется через компенсацию имущественных потерь, возмещение убытков, применение реституции. Превентивная функция связана с угрозой применения санкций, что стимулирует участников оборота к добросовестному поведению.

Цели защиты прав предпринимателей можно дифференцировать на общие и специальные, к общим относятся:

— восстановление нарушенного права или законного интереса;

— компенсация имущественных потерь, причиненных правонарушением;

— предупреждение новых нарушений со стороны обязанных лиц;

— обеспечение стабильности гражданского оборота и предсказуемости правовых последствий;

— стимулирование добросовестного осуществления предпринимательской деятельности.

Специальной целью выступает минимизация вмешательства государства в экономическую деятельность при сохранении эффективного контроля за соблюдением публичных интересов. Эта цель закреплена в преамбуле Федерального закона № 294-ФЗ, который устанавливает баланс между контрольными полномочиями государства и правами проверяемых субъектов [3].

Принципы защиты прав предпринимателей можно разделить на общеправовые и специальные. К общеправовым относятся законность, справедливость, соразмерность применяемых мер характеру правонарушения, добросовестность участников правоотношений. Специальные принципы обусловлены природой предпринимательства:

— принцип свободы экономической деятельности, закрепленный в статье 8 Конституции РФ и предполагающий минимальное вмешательство в хозяйственную самостоятельность субъектов;

— принцип риска, означающий, что предприниматель несет неблагоприятные последствия своих решений, если иное не установлено законом или договором;

— принцип равенства участников гражданского оборота независимо от организационно-правовой формы;

— принцип презумпции добросовестности и разумности действий предпринимателя;

— принцип предсказуемости и стабильности правового регулирования, который в условиях частых изменений законодательства сложно реализовать на практике.

В. В. Витрянский отмечал, что принцип свободы договора служит основой для защиты предпринимательских интересов в сфере договорных отношений, поскольку позволяет сторонам самостоятельно определять способы обеспечения исполнения обязательств и механизмы разрешения споров [4]. Однако свобода договора не абсолютна — она ограничена императивными нормами, защищающими слабую сторону (потребителей, работников) или публичные интересы.

Особое значение приобретает принцип пропорциональности государственного вмешательства. Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что ограничения экономических прав должны быть необходимыми и соразмерными конституционно значимым целям[7]. Избыточное регулирование или необоснованные запреты нарушают баланс частных и публичных интересов.

Принцип состязательности и равноправия сторон в судебном процессе обеспечивает независимость судебной защиты от воли более сильного участника спора. Арбитражные суды при рассмотрении дел с участием предпринимателей применяют повышенный стандарт доказывания, исходя из профессионализма субъектов [5]. Предполагается, что предприниматель обладает специальными знаниями и должен предвидеть правовые последствия своих действий.

Статья 12 Гражданского кодекса РФ содержит открытый перечень способов защиты гражданских прав, который применим и к предпринимательским отношениям[5]. К числу наиболее востребованных способов относятся:

— признание права, используемое в спорах о праве собственности, праве на результаты интеллектуальной деятельности, корпоративных правах;

— восстановление положения, существовавшего до нарушения права;

— пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения (применяется при недобросовестной конкуренции, незаконном использовании товарных знаков);

— признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности;

— взыскание убытков — универсальный способ защиты имущественных прав предпринимателей;

— компенсация морального вреда (ограниченно применяется к юридическим лицам);

— неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону.

Взыскание убытков остается наиболее сложным в доказывании способом защиты. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 23.06.2015 № 25 разъяснил, что предприниматель должен доказать факт нарушения, наличие убытков, причинную связь и размер убытков [6]. Практика показывает, что суды предъявляют к предпринимателям повышенные требования к обоснованию размера убытков, отклоняя расчеты, основанные на предположениях.

Процессуальные средства защиты определяются формой судопроизводства. Предприниматели обращаются преимущественно в арбитражные суды, руководствуясь Арбитражным процессуальным кодексом РФ [7]. К процессуальным средствам относятся иск, заявление, жалоба, ходатайство, а также обеспечительные меры.

Обеспечительные меры играют важнейшую роль в защите прав предпринимателей, поскольку позволяют предотвратить утрату предмета спора или значительное ухуд-

шение финансового положения должника до вынесения решения. Статья 90 АПК РФ предусматривает различные виды обеспечительных мер:

— наложение ареста на денежные средства или иное имущество;

— запрещение ответчику совершать определенные действия;

— приостановление реализации имущества в случае предъявления иска об освобождении от ареста;

— приостановление взыскания по оспариваемому исполнительному документу.

Арбитражные суды применяют обеспечительные меры с учетом разумного баланса интересов сторон. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 45 указывает, что заявитель должен обосновать необходимость обеспечительных мер, представив доказательства того, что непринятие мер может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта [8].

В административном праве процессуальные средства защиты прав предпринимателей регулируются Кодексом административного судопроизводства РФ и главой 24 АПК РФ. Предприниматели вправе оспаривать:

— нормативные правовые акты, затрагивающие их права и законные интересы;

— ненормативные правовые акты, решения и действия (бездействие) государственных органов;

— результаты контрольных мероприятий, выраженные в предписаниях, актах проверок, постановлениях о привлечении к административной ответственности.

Соотношение материально-правовых способов и процессуальных средств защиты можно охарактеризовать как соотношение цели и инструмента. Материально-правовой способ определяет желаемый результат (восстановление положения, взыскание убытков), процессуальное средство — механизм его достижения (исковое заявление, ходатайство о применении обеспечительных мер). Неправильный выбор процессуального средства может привести к отказу в защите права даже при обоснованности материально-правового требования.

В. В. Витрянский отмечал, что единство материально-правовых и процессуальных норм проявляется в институте исковой давности [9]. Пропуск срока исковой давности — материально-правовое основание для отказа в иске, однако применяется этот институт исключительно в процессуальной форме — по заявлению ответчика. Специфика предпринимательских отношений проявляется в том, что суды применяют к профессиональным участникам оборота строгий стандарт осмотрительности и ожидают своевременного обращения за защитой.

Особую категорию составляют внесудебные способы защиты — досудебный порядок урегулирования спора, медиация, третейское разбирательство. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» предоставляет предпринимателям возможность разрешить конфликт без обращения в суд [10]. Однако применение медиации в предпринимательских спорах остается ограниченным из-за недостаточной информированности субъектов и отсутствия культуры примирительных процедур.

Система органов, обеспечивающих защиту прав предпринимателей, прошла длительный путь развития.

Первый этап (1991–2000 годы) характеризовался становлением арбитражных судов как основного механизма разрешения экономических споров.

Принятие Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» заложило основу для формирования специализированной судебной системы [11]. Арбитражные суды получили исключительную компетенцию по рассмотрению споров с участием юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Однако отсутствие единообразия в правоприменительной практике и длительные сроки рассмотрения дел снижали эффективность судебной защиты.

Второй этап (2001–2011 годы) связан с расширением внесудебных форм защиты. В 2001 году создана Федеральная антимонопольная служба России, получившая полномочия по защите конкуренции и пресечению злоупотреблений хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение. ФАС России рассматривает дела о нарушении антимонопольного законодательства в административном порядке, что существенно ускоряет процесс по сравнению с судебным разбирательством [12].

Ключевым этапом стало принятие Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [13]. Закон установил базовые гарантии для проверяемых субъектов:

— ограничение периодичности плановых проверок (не чаще одного раза в три года для большинства видов деятельности);

— обязательность предварительного уведомления о проверке;

— право на обжалование результатов проверки в административном и судебном порядке;

— право на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями контролирующих органов.

Третий этап (2012–2020 годы) ознаменовался созданием института уполномоченных по защите прав предпринимателей. Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ учредил должность Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей и уполномоченных в субъектах РФ [14]. Уполномоченные наделены правом:

— рассматривать жалобы предпринимателей на решения и действия органов власти;

— направлять обязательные для рассмотрения обращения в государственные органы;

— инициировать проверки деятельности должностных лиц;

— обращаться в суд в защиту прав неопределенного круга предпринимателей.

Создание в 2016 году корпорации «Мой бизнес» как инфраструктурного проекта поддержки малого и среднего предпринимательства добавило еще один уровень в систему защиты прав бизнеса. Центры «Мой бизнес» оказывают консультационные услуги по правовым вопросам, помогают в подготовке документов для обжалования действий контролирующих органов, однако не обладают властными полномочиями.

Четвертый этап (с 2021 года по настоящее время) связан с переходом к риск-ориентированному подходу в контрольно-надзорной деятельности. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» заменил прежний закон № 294-ФЗ, введя качественно новую модель взаимодействия [15]. Риск-ориентированный подход предполагает дифференциацию интенсивности контроля в зависимости от уровня потенциального вреда, который может причинить деятельность проверяемого субъекта.

Негосударственные формы защиты прав предпринимателей представлены несколькими институтами. Торгово-промышленная палата РФ на протяжении более двух десятилетий осуществляет третейское разбирательство экономических споров через Международный коммерческий арбитражный суд и Морскую арбитражную комиссию. Преимуществами третейского разбирательства выступают конфиденциальность, гибкость процедуры и возможность выбора арбитров, обладающих специальными знаниями в соответствующей отрасли [16].

Особое место занимает институт медиации, регулируемый Федеральным законом от 27.07.2010 № 193-ФЗ. Процедура медиации позволяет предпринимателям разрешить спор без обращения в суд, сохранив деловые отношения [17]. Медиатор не выносит решения, а содействует сторонам в выработке взаимоприемлемого варианта урегулирования конфликта. Применение медиации в предпринимательских спорах затруднено из-за низкой осведомленности и недоверия к новым механизмам.

Эволюция системы защиты прав предпринимателей демонстрирует постепенный переход от репрессивной модели государственного контроля к превентивно-консультационной. Формируется многоуровневая система, сочетающая судебные, административные и альтернативные механизмы. Тем не менее, сохраняется проблема несогласованности действий различных органов и дублирования полномочий.

Институт уполномоченных по защите прав предпринимателей, созданный в 2013 году, задумывался как механизм оперативного внесудебного разрешения конфликтов между бизнесом и органами власти.

Однако эффективность деятельности уполномоченных существенно варьируется по регионам. В субъектах РФ с развитой экономикой и активной позицией региональных властей (Москва, Санкт-Петербург, Татарстан, Свердловская область) уполномоченные располагают реальными рычагами влияния.

Ключевая проблема — отсутствие императивных полномочий. Обращения уполномоченных носят рекомендательный характер, контролирующие органы вправе не согласиться с позицией уполномоченного и обосновать свое решение. Статья 5 Федерального закона № 78-ФЗ устанавливает, что органы власти обязаны рассмотреть обращение уполномоченного, но не обязывает удовлетворить его требования [18]. Эффективность работы уполномоченного зависит от его личного авторитета, связей в органах власти и способности убеждать.

Вторая проблема связана с процедурой назначения уполномоченных. В соответствии со статьей 2 Федерального закона № 78-ФЗ, Уполномоченный при Президенте РФ назначается Президентом РФ сроком на пять лет, уполномоченные в субъектах РФ — высшими должностными лицами субъектов [18].

Третья проблема — ограниченность ресурсов. Согласно данным доклада за 2023 год, в среднем на одного регионального уполномоченного приходится 1,5 штатных единицы аппарата. Такая нагрузка исключает возможность глубокой проработки каждого обращения и вынуждает концентрироваться на наиболее резонансных делах.

Четвертая проблема касается недостаточной правовой грамотности предпринимателей. Многие субъекты малого бизнеса не знают о существовании института уполномоченных или ошибочно полагают, что уполномоченный обладает властными полномочиями по отмене решений контролирующих органов.

Перспективы развития института уполномоченных связаны с расширением полномочий и усилением независимости.

Судебная форма защиты остается основным способом восстановления нарушенных прав предпринимателей. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 году арбитражными судами рассмотрено 1 847 326 дел, из которых 43 % составили споры о взыскании задолженности, 18 % — споры, связанные с применением законодательства о банкротстве, 12 % — споры об оспаривании ненормативных актов органов власти [19].

В Постановлении Пленума от 23.06.2015 № 25 Верховный Суд указал, что лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны проявлять разумную осмотрительность при выборе контрагентов и заключении сделок [20]. От предпринимателя ожидается проверка правоспособности контрагента, полномочий его представителей, наличия лицензий на осуществление лицензируемых видов деятельности.

Верховный Суд РФ выработал также правовую позицию о недопустимости злоупотребления правом на судебную защиту. В определениях по конкретным делам Судебная коллегия по экономическим спорам указывала, что заявление требований, направленных исключительно на причинение вреда другому лицу или извлечение необоснованной выгоды, является злоупотреблением правом и влечет отказ в защите [21]. Практическое применение этой позиции вызывает дискуссии, поскольку критерии

разграничения добросовестного осуществления права и злоупотребления остаются оценочными.

Существенное значение имеет правовая позиция о бремени доказывания при взыскании убытков. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 установило, что истец обязан доказать факт нарушения, наличие убытков, их размер и причинно-следственную связь между нарушением и убытками [20]. Каждый из этих элементов должен быть подтвержден достаточными доказательствами.

Арбитражные суды предъявляют строгие требования к обоснованию размера упущенной выгоды.

Суды отклоняют расчеты, основанные на предположениях о возможных доходах, и требуют документального подтверждения реальной возможности получения прибыли. Предприниматель должен доказать, что при отсутствии нарушения он с высокой степенью вероятности получил бы соответствующий доход.

Особого внимания заслуживает практика рассмотрения споров об оспаривании ненормативных актов контролирующих органов. Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 17.11.2015 № 50 разъяснил, что при оспаривании актов, решений, действий (бездействия) контролирующих органов обязанность доказывания законности оспариваемых актов возлагается на орган, который их принял [22]. Эта правовая позиция облегчает положение предпринимателей, поскольку избавляет их от необходимости доказывать незаконность акта.

Несмотря на это, практика показывает, что арбитражные суды нередко отказывают в удовлетворении требований об оспаривании актов контролирующих органов из-за недостаточной активности предпринимателей в процессе доказывания.

Судебная защита прав предпринимателей осложняется длительными сроками рассмотрения дел и высокими издержками на юридическое сопровождение. Средний срок рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции составляет 4–6 месяцев, с учетом апелляционного и кассационного обжалования — 1,5–2 года. Для малого бизнеса такие сроки неприемлемы, поскольку приводят к утрате ликвидности и невозможности продолжения деятельности.

Законодательство о государственном контроле прошло путь от тотальной проверочной деятельности к риск-ориентированному подходу. Федеральный закон № 248-ФЗ, вступивший в силу с 1 июля 2021 года, заменил прежний закон № 294-ФЗ и должен был стать качественным прорывом в системе контрольно-надзорной деятельности [23]. Однако практика применения нового закона выявила ряд пробелов и проблем.

Первый пробел связан с нечеткостью критериев отнесения субъектов к категориям риска. Статья 23 Федерального закона № 248-ФЗ устанавливает шесть категорий риска — от низкого до чрезвычайно высокого[23]. Однако критерии отнесения определяются положениями о видах контроля, утверждаемыми Правительством РФ и федеральными органами исполнительной власти. Эти критерии существенно различаются по видам контроля, не всегда прозрачны и понятны предпринимателям.

Отсутствие единых методических подходов к определению категорий риска приводит к ситуациям, когда однотипные субъекты в разных регионах относятся к различным категориям. Это создает неравные конкурентные условия и порождает коррупционные риски.

Вторая проблема — отсутствие эффективных механизмов обжалования отнесения к категории риска. Статья 24 Федерального закона № 248-ФЗ предусматривает право контролируемого лица обжаловать решение об отнесении к определенной категории риска в административном и судебном порядке [23]. Однако на практике контролирующие органы ограничиваются формальными ответами, а суды занимают позицию невмешательства в дискреционные полномочия администрации.

Третья проблема касается профилактических мероприятий. Федеральный закон № 248-ФЗ вводит новые виды профилактических мероприятий — информирование, обобщение правоприменительной практики, объявление предостережения, консультирование [23]. Замысел законодателя заключался в том, чтобы перейти от карательной модели контроля к превентивно-консультационной. Однако контролирующие органы не готовы к такому переходу — отсутствуют методические материалы, не выделяются ресурсы на консультирование, а должностные лица продолжают воспринимать профилактику как формальность.

Предостережение о недопустимости нарушения обязательных требований, предусмотренное статьей 49 Федерального закона № 248-ФЗ, должно было стать инструментом предупреждения нарушений [23]. На практике предостережения зачастую выносятся формально, без детального анализа ситуации, что снижает их эффективность. Контролируемое лицо вправе направить возражения на предостережение, однако контролирующие органы редко учитывают эти возражения и назначают проверку.

Четвертая проблема — избыточность контрольных мероприятий, проводимых различными органами. Несмотря на декларируемое сокращение проверок, предприниматели жалуются на параллельные проверки различных ведомств по одним и тем же вопросам. Отсутствует координация между контролирующими органами, что приводит к дублированию функций и увеличению административной нагрузки на бизнес.

Пятая проблема — неопределенность правовых последствий самообследования. Статья 52 Федерального закона № 248-ФЗ предусматривает право контролируемого лица провести самообследование и устранить выявленные нарушения [23]. Однако не установлены последствия проведения самообследования для дальнейших контрольных мероприятий. Если предприниматель выявил нарушения и устранил их, это не исключает проведения плановой проверки и привлечения к ответственности за те же нарушения.

Шестая проблема касается обязательных требований, соблюдение которых оценивается при проведении контрольных мероприятий. Статья 15 Федерального закона № 248-ФЗ устанавливает принцип исчерпывающего перечня обязательных требований [7]. Однако на практике перечни обязательных требований содержат отсылки к техническим регламентам, ГОСТам, санитарным правилам, что делает их объемными и трудно применимыми.

Анализ судебной практики свидетельствует о нарастающем числе споров, связанных с применением нового законодательства о контроле. Арбитражные суды вырабатывают подходы к толкованию норм Федерального закона № 248-ФЗ, однако единообразие практики пока не сформировалось.

Пути повышения результативности защиты предпринимательских интересов можно сгруппировать по нескольким направлениям. Во-первых, необходима систематизация и упрощение обязательных требований. Создание цифровых реестров обязательных требований с понятными формулировками и примерами правоприменения позволит предпринимателям самостоятельно оценивать соответствие своей деятельности требованиям закона.

Во-вторых, целесообразно расширить применение предупредительных мер вместо административных санкций. Замена штрафов на предписания об устранении нарушений для субъектов, впервые допустивших незначительные нарушения, снизит карательную составляющую контроля.

В-третьих, необходимо усилить координацию деятельности контролирующих органов. Создание единого реестра контрольных мероприятий, доступного предпринимателям, позволит избежать параллельных проверок.

В-четвертых, требуется повышение квалификации должностных лиц контролирующих органов. Многие нарушения прав предпринимателей обусловлены не злым умыслом, а низкой правовой культурой инспекторов. Регулярные обучающие программы, включающие изучение судебной практики и правовых позиций Верховного Суда РФ, повысят качество контрольной деятельности.

В-пятых, целесообразно расширить применение института медиации в спорах между предпринимателями и контролирующими органами. Внесудебное урегулирование конфликтов на ранней стадии сохранит деловые отношения и снизит нагрузку на суды.

В-шестых, необходимо совершенствование процедуры досудебного обжалования решений контролирующих органов. Установление сокращенных сроков рассмотрения жалоб (не более 15 дней), обязанности мотивировать отказ в удовлетворении жалобы и права на личное участие в рассмотрении жалобы повысит эффективность административного обжалования.

Литература:

1. Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2017. С. 342.
2. Габов А. В. Проблемы гражданско-правовой ответственности в корпоративных отношениях // Журнал российского права. 2016. № 11. С. 28.
3. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (последняя редакция) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.
4. Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2017. С. 156–157.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
7. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 45 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами обеспечительных мер» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 2.
9. Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2017. С. 412.
10. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (последняя редакция) // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
11. Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (последняя редакция) // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.
12. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (последняя редакция) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.
13. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (последняя редакция) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.
14. Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» (последняя редакция) // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2305.

15. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (последняя редакция) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5007.
16. Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (последняя редакция) // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. 1). Ст. 2.
17. Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (последняя редакция) // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
18. Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» (последняя редакция) // СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2305.
19. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных арбитражных судов в 2023 году // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=80 (дата обращения: 20.09.2026).
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
21. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12.03.2020 № 305-ЭС19–23304 // СПС «КонсультантПлюс».
22. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.
23. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (последняя редакция) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. 1). Ст. 5007.

Коммерческие организации как субъекты предпринимательского права

Морозова Мария Сергеевна, студент магистратуры
Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета

В данной статье рассматривается специфика правового статуса коммерческих организаций. Анализируется структура управления коммерческими организациями, также функции и полномочия органов управления. Кроме того, в статье рассматривается взаимодействие коммерческих организаций с внешней средой.

Ключевые слова: *коммерческие организации, акционерные общества (АО), общества с ограниченной ответственностью (ООО), конкурентоспособность, корпоративные отношения, партнерские отношения.*

Commercial organizations as subjects of business law

Morozova Maria Sergeevna, master's degree student
Volzhsky Humanitarian Institute (branch) of Volgograd State University

This article discusses the specifics of the legal status of commercial organizations. The management structure of commercial organizations is analyzed, as well as the functions and powers of management bodies. Further, the article reflects the interaction of commercial organizations with the external environment.

Keywords: *commercial organizations, joint-stock companies (AO), limited liability companies (LLC), competitiveness, corporate relations, partnerships.*

Стоит обратить внимание, что коммерческие организации можно определить как юридические лица, созданные для осуществления предпринимательской деятельности с целью получения прибыли. Именно это определение подчеркивает ключевой аспект их деятельности — стремление к прибыли, что отличает их от некоммерческих организаций.

К наиболее распространенным формам в российском законодательстве относятся: акционерные общества (АО), общества с ограниченной ответственностью (ООО), производственные кооперативы, а также индивидуальные предприниматели (ИП). Каждая из этих форм имеет свои особенности, связанные с вопросами управления, распределения прибыли и ответственности перед третьими лицами.

Кроме классификации по организационно-правовым формам, коммерческие организации также могут быть классифицированы по видам деятельности. К ним от-

носятся товаропроизводители, оптовые и розничные продавцы, поставщики услуг и другие. Данная классификация позволяет более точно определить, какие законодательные нормы и требования должны применяться к конкретной организации в зависимости от ее деятельности [1].

Исследование определения и классификации коммерческих организаций позволяет выявить не только специфические особенности различных форм организаций, но и их влияние на правоприменительную практику, а также на хозяйственную деятельность в целом.

Одним из ключевых аспектов, влияющих на успешность работы коммерческой организации, является выбор ее правовой формы. Правовая форма определяет юридический статус организации, ее режим налогообложения, степень ответственности участников и организационную структуру.

Первым шагом в выборе правовой формы является оценка целей и задач, которые ставит перед собой компания. Для малых и средних предприятий, стремящихся минимизировать риски, наиболее подходящей формой часто оказываются общества с ограниченной ответственностью (ООО), поскольку участники ООО отвечают только в пределах своих взносов в уставный капитал, что позволяет защитить личные активы от возможных убытков бизнеса [2].

Коммерческие организации также могут быть классифицированы по видам деятельности. К ним относятся товаропроизводители, оптовые и розничные продавцы, поставщики услуг и другие. Данная классификация позволяет более точно определить, какие законодательные нормы и требования должны применяться к конкретной организации в зависимости от ее деятельности [1].

Определение и классификации коммерческих организаций позволяет выявить не только специфические особенности различных форм организаций, но и их влияние на правоприменительную практику, а также на хозяйственную деятельность в целом. Понимание этих основополагающих понятий играет ключевую роль в формировании эффективной правовой среды для предпринимательства и создании условий для его успешного развития.

Одним из ключевых аспектов, влияющих на успешность работы коммерческой организации, является выбор ее правовой формы. Первым шагом в выборе правовой формы является оценка целей и задач, которые ставит перед собой компания.

Для малых и средних предприятий, стремящихся минимизировать риски, наиболее подходящей формой часто оказываются общества с ограниченной ответственностью (ООО). Участники ООО отвечают только в пределах своих взносов в уставный капитал, что позволяет защитить личные активы от возможных убытков бизнеса. Это основное преимущество стимулирует предпринимателей к выбору данной формы, особенно на старте их деятельности [2].

Большие компании или желающие привлечь значительные инвестиции чаще выбирают акционерные общества (АО). Преимуществом этой формы является возможность привлечения капитала путем продажи акций. Публичные акционерные общества могут разместить свои акции на фондовом рынке, что значительно увеличивает их шансы на успешное развитие. Важность этой формы также заключается в том, что она создает более широкий доступ к финансированию, позволяя организациям реализовывать крупные инвестиционные проекты и расширять свое присутствие на рынке [3].

Основной закон, регулирующий общие правила создания и деятельности коммерческих организаций, содержится в Гражданском кодексе Российской Федерации (ГК РФ), который устанавливает нормы о юридических лицах, их правах и обязанностях, а также механизме защиты прав хозяйствующих субъектов.

Гражданский кодекс делит коммерческие организации на различные виды, определяет их организационно-правовые формы и устанавливает основы для формирования уставного капитала.

В дополнение к Гражданскому кодексу важную роль играют специальные законы, такие как Закон о государственном регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, который описывает процедуру регистрации компаний, их реорганизации и ликвидации [4].

Понимание текущей практики правоприменения имеет ключевое значение для успешного ведения бизнеса, поскольку это способствует минимизации правовых рисков [5].

Ключевыми элементами нормативной базы также являются налоговое законодательство, регулирующее процесс налогообложения коммерческих организаций. Налоговый кодекс Российской Федерации определяет виды налогов, которые должны уплачиваться различными субъектами, а также устанавливает механизмы расчета и уплаты.

Не менее важным для регулирования деятельности коммерческих организаций является антимонопольное законодательство, которое охватывается Федеральным законом о защите конкуренции.

Основными типами структур управления коммерческими организациями являются функциональная, дивизионная и матричная. Функциональная структура основывается на разделении труда, где каждый отдел отвечает за свою функцию: маркетинг, продажи, бухгалтерия, юриспруденция и т. д. [4].

Дивизионная структура более гибкая и ориентирована на результат. Особенность заключается в том, что каждая дивизия или подразделение отвечает за определенную продуктовую линейку или географический рынок.

Матричная структура сочетает в себе элементы функциональной и дивизионной моделей, позволяя организовать сотрудников по проектам и функциональным группам одновременно [6].

Выбор структуры управления в коммерческой организации должен быть основан на четком понимании ее стратегических целей, масштабов, а также рыночной среды, в которой она функционирует. Разные модели управления имеют свои плюсы и минусы, и их успешное применение напрямую зависит от контекста, в котором работают предприятия. Организации должны быть готовы адаптировать свою структуру в ответ на внешние факторы и внутренние изменения, чтобы оставаться конкурентоспособными и эффективными на современном рынке.

В рамках управления коммерческой организацией имеет значение четкое распределение функций и полномочий между ее органами управления.

В классической структуре управления коммерческой организацией можно выделить несколько ключевых органов: общее собрание участников, совет директоров (или управляющий совет) и руководство (исполнительный орган).

Общее собрание участников — это высший орган, который принимает решения по стратегическим вопросам, таким как утверждение годового отчета, распределение прибыли и изменение устава [5].

Совет директоров, как правило, состоит из числа участников компании и может включать внешних членов, способствующих принятия независимых решений. Основная функция совета состоит в стратегическом управлении и контроле за деятельностью исполнительного органа [7].

Исполнительный орган, как правило, представлен генеральным директором и его заместителями, и отвечает за текущее управление компанией. Эта структура управления должна эффективно сопоставлять ресурсы с установками стратегии, управлять персоналом и координировать действия всех подразделений.

Помимо четкого распределения функций, важно также, чтобы полномочия органов управления были четко прописаны в уставе компании или внутренних регламентах.

В современном бизнесе наблюдается тенденция к децентрализации функций управления, что позволяет применять более гибкие подходы к принятию решений и повышению эффективности работы. Распределение ответственности и полномочий между различными департаментами может улучшить взаимодействие и вовлеченность сотрудников, что в свою очередь способствует общему успеху организации.

В корпоративной среде нередко случаются конфликты. Одной из наиболее распространённых причин конфликтов в корпоративной среде является несовпадение интересов акционеров и менеджмента. Акционеры стремятся к максимизации доходности своих инвестиций, в то время как управленцы могут фокусироваться на долгосрочных стратегиях развития компании, которые могут требовать временных затрат и снижения краткосрочной прибыли. Это расхождение может привести к недовольству среди акционеров и конфликтам с исполнительным органом. С другой стороны, существует риск, что менеджмент может принимать решения, не учитывающие интересы акционеров, что также создает напряжённость в корпоративных отношениях [8].

Кроме того, внутренние конфликты могут возникать из-за недостатка прозрачности в принятии решений, неопределённости полномочий и непродуманных кадровых решений.

Подходы к разрешению конфликтов в корпоративной среде часто включают как формальные, так и неформальные методы. Формальные методы включают механизмы внутреннего регулирования, такие как процессы медиации и арбитража, которые могут быть предусмотрены уставом или внутренними положениями компании. Эти методы позволяют обеспечить легитимность процесса разрешения споров и минимизировать негативные последствия для корпоративной культуры.

Неформальные методы разрешения конфликтов, напротив, основаны на прямой коммуникации между спорящими сторонами и могут включать в себя переговоры, совместные заседания и поиск компромиссных решений. Этот подход часто является более быстрым и менее затратным, чем формальные процедуры, однако требует высокой степени доверия и открытости между участниками [8]

В современном бизнесе партнерские отношения и договорное регулирование играют ключевую роль в обеспечении стабильности и успешности деятельности коммерческих организаций. Партнерство делает возможным объединение ресурсов, навыков и знаний сторон для достижения общих целей, что, в свою очередь, способствует повышению конкурентоспособности на рынке.

Договорные отношения между партнерами возникают на основе соглашений, которые фиксируют права, обязанности и ответственность сторон. К наиболее распространенным типам договоров, регулирующим партнерские отношения, относятся договоры поставки, комиссии, аренды, подрядные и услуги.

Ключевым аспектом успешного договорного регулирования является точность формулировок, так как любой неясный или многозначный пункт может привести к спорам и недопониманию в будущем. Строгое соблюдение условий договора и наличие четко прописанных механизмов разрешения споров могут предотвратить негативные последствия для всех участников сделки [9].

Современные технологии также оказывают значительное влияние на партнерские отношения и условия договорного регулирования. Электронные системы для заключения контрактов, обмена документами и отслеживания выполнения обязательств значительно упрощают процесс взаимодействия и делают его более прозрачным.

Часто компании стремятся установить долгосрочные отношения, где основное внимание уделяется совместному развитию, инновациям и адаптации к изменениям рынка. В таком контексте важной составляющей является наличие гибких условий в договорах, что позволяет адаптироваться к изменениям и избегать конфронтации при возникновении новых обстоятельств [10].

В ходе реализации своей деятельности коммерческие организации сталкиваются с высокой конкуренцией в своей нише. Конкурентная среда представляет собой совокупность всех факторов, которые влияют на способность коммерческих организаций успешно вести свою деятельность на рынке.

В условиях повышенной конкуренции, компании вынуждены постоянно адаптироваться, развивать стратегии и улучшать свои предложения, чтобы сохранять свою позицию на рынке [1].

Среди стратегий адаптации можно выделить несколько подходов. Один из них — дифференциация. Подходы к дифференциации могут включать в себя инновационный дизайн, улучшенное качество, дополнительные услуги или особые условия обслуживания. Таким образом, бренды могут создать ценность и лояльность у клиентов, что является решающим фактором в условиях сильной конкурентной борьбы.

Другой важной стратегией является ценовая конкуренция. При этом компании стремятся предложить более низкие цены, чем их конкуренты, что может привлечь дополнительное количество потребителей. Важно понимать, что ценовая политика должна быть тщательно сбалансирована, чтобы не ухудшить репутацию и качество обслуживания компании [4].

Ключевым аспектом успешной адаптации к конкурентной среде является регулярный мониторинг рынка. Компании должны отслеживать действия конкурентов, анализировать динамику покупательского спроса и вносить изменения в свои стратегические планы на основании полученной информации.

Реализация деятельности коммерческих организаций невозможно без взаимодействия с различными государственными органами. Взаимодействие коммерческих организаций с государственными органами играет ключевую роль в обеспечении стабильности и прибыльности бизнеса. Государственные органы регулируют множество аспектов деятельности коммерческих предприятий, обеспечивая соблюдение законности, защиту прав потребителей и поддержание конкурентной среды в экономике.

Первый аспект взаимодействия — это лицензирование и разрешительная деятельность. Многие виды бизнеса, такие как продажи алкоголя, фармацевтика или банковские услуги, требуют получения лицензий от государственных органов. Лицензирование, как правило, связано с серьезными требованиями и проверками, что делает работу государственных органов необходимым этапом в становлении бизнеса необходимым этапом в становлении бизнеса [8].

Кроме этого, государственные органы играют важную роль в налоговом регулировании. Налоговые органы следят за соблюдением налоговых обязательств, что требует от компаний прозрачности в ведении финансового учета и отчетности [3].

Также стоит отметить, что государственные органы предоставляют различные формы поддержки коммерческим организациям. Это может быть в виде грантов, субсидий или налоговых льгот, которые направлены на стимулирование бизнеса, особенно для малых и средних предприятий. Такие меры могут включать поддержку стартапов через инновационные фонды, что позволяет новым компаниям легче входить на рынок и выживать в условиях конкуренции.

Литература:

1. В. Радаев. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. DOI 10.17323/1726–3247–2002–5–115–117 // Journal of Economic Sociology. 01.01.2002 URL: http://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf#page=115
2. А А. Гулый. Виктимизация юридических лиц — жертв корпоративного мошенничества. DOI 10.17805/ggz.2018.4.8 // Горизонты гуманитарного знания. 27.11.2018 URL: https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/850.
3. В. В. Никулин. Правовая концепция корпорации: особенности формирования российской модели. DOI 10.17277/pravo.2018.04.pp.053–064 // Pravo istoriya i sovremennost. 01.01.2018 URL: http://pravo.tstu.ru/pdf/2018/04/06.pdf.
4. Трофимова Е. В. Регистрационный режим легитимации субъектов предпринимательства в РФ: правовые проблемы и пути совершенствования. DOI 10.7256/1811–9018.2013.9.9065 // Право и политика. 01.09.2013 URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-25579.
5. Д. Н. Бандуров, Д. А. Мотузко. Проблемы правового регулирования распоряжения имуществом, закрепленным за государственными и муниципальными унитарными предприятиями. DOI 10.5922/2223–2095–2009–9–8 // Vestnik Immanuel Kant Baltic Federal University. 01.01.2009 URL: http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/370/wk-wttalwrhjnteed %20ia.fy., %20oyqksdzotmkpxh %20jr.hu._59–67.pdf.
6. Е. В. Попов, А. Веретенникова, К. М. Козинская. Социальное предпринимательство как объект институционального анализа. DOI 10.17072/1994–9960–2017–3–360–374 // Вестник Пермского университета Серия «Экономика» = Perm University Herald ECONOMY. 01.01.2017 URL: http://economics.psu.ru/index.php/econ/article/view/32/24.
7. Третьякова С. Б.. Саморегулируемая организация — особый субъект права. DOI 10.7256/1999–2807.2013.05.4 // Административное и муниципальное право. 01.05.2013 URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-24413
8. И. Авдеева, А. В. Полянин, Т. А. Головина. Цифровизация промышленных экономических систем: Проблемы и последствия современных технологий. DOI 10.18500/1994–2540–2019–19–3–238–245 // Izvestiya of Saratov Uni-

versity Economics Management Law. 01.01.2019 URL: https://eup.sgu.ru/ru/articles/cifrovizaciya-promyshlennyh-ekonomicheskih-sistem-problemy-i-posledstviya-sovremennyh
9. Аббасова Х. М.. Проблемы определения состава субъектов, связанных с предпринимательской деятельностью. DOI 10.32844/2618–1258.2019.2–1.8 // Scientific Journal of Public and Private Law. 01.01.2019 URL: http://www.nvppp.in.ua/vip/2019/2/tom_1/10.pdf.
10. Л. Гохберг, Т. Кузнецова. Стратегия 2020: Новые очертания российской инновационной политики. DOI 10.17323/1995–459x.2011.4.8.30 // Foresight-Russia. 30.12.2011 URL: http://foresight-journal.hse.ru/2011–5–4/44564658.html

Правовой режим таунхаусов в Российской Федерации

Мухин Дмитрий Юрьевич, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье исследуется правовой режим таунхаусов и иных объектов блокированной застройки в Российской Федерации, целью работы является выявление проблем правовой неопределённости статуса таких объектов и земельных участков под ними, возникших до и после введения в действие Федерального закона от 30.12.2021 № 476-ФЗ. На основе формально-юридического анализа норм Градостроительного и Жилищного кодексов РФ, положений п. 40 ст. 1 ГрК РФ, судебной практики (Определение Верховного Суда РФ от 04.06.2024 № 16-КГ24–1-К4) и доктринальных позиций ученых автор приходит к выводу о необходимости унификации подхода к блокированному дому и земельному участку под ним, а также обосновывает целесообразность делегирования полномочий по определению статуса ДБЗ органам местного самоуправления и возложения идентификации признаков ДБЗ на лиц, сведущих в технической инвентаризации и кадастровой деятельности.

Ключевые слова: *таунхаус, дом блокированной застройки, правовой режим недвижимости, многоквартирный дом, кадастровый учет.*

Увеличение количества строящихся многоквартирных и частных домов вследствие урбанизации приводит к необходимости внесения изменений в федеральное законодательство. Так, «таунхаусы», «квадрохаусы, «дуплексы», «лейнхаусы» как объекты недвижимости приобретают значительную популярность как форма жилищного строительства.

Архитектурные решения первых «таунхаусов» в России основывались на британских культурных представлениях аристократии в Англии начала XVII века [7], в которой «таунхаусы» были своеобразными «родовыми гнёздами» [8] для представителей аристократии в Англии. Данные объекты предлагают интегрированное решение, сочетающее компактность жилого пространства с комфортом, характерным для квартир, и преимуществами жизни в частном доме. В конце 1970-х годов «таунхаусы», «дуплексы» начали массово строить в СССР в сельской местности [9] с целью укрупнения сельских населенных пунктов и переселение людей из «неперспективных» мелких деревень и хуторов в более крупные центральные усадьбы совхозов и колхозов.

В Советском Союзе не было проблем с правовой определенностью «таунхаусов», «дуплексов», так как категории права собственности на жилье отсутствовали, а гражданин получал ордер на право заселение от местного совета, но, начиная с 1991 года, во время появления права собственности на недвижимое имущество в Российской Федерации, данный «**юридический гибрид**» **стал более явным и проблемным для граждан.** Соответственно, более тридцати лет в законодательстве существовала системная правовая неопределённость, так как подобные дома фиксировались по техническому паспорту и в ЕГРН как многоквартирный дом. **Лаптев В. А. отмечает, что** введение в юридический лексикон понятия «дома блокированной застройки» потребовало приведения в соответствие сведений в ЕГРН об объектах недвижимости положениям действующего градостроительного законодательства [1].

Официальная правовая дефиниция «таунхаусов» в законодательстве Российской Федерации отсутствует, однако в пункте 40 статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее — ГрК РФ) — существует понятие «дом блокированной застройки» — жилой дом, блокированный с другим жилым домом (другими жилыми домами) в одном ряду общей боковой стеной (общими боковыми стенами) без проемов и имеющий отдельный выход на земельный участок. Изменения были внесены Федеральным законом от 30.12.2021 года № 476, вступившие в силу 1 марта 2022 года [10], дали таким объектам недвижимости, как «таунхаусы», «квадрохаусы», «дуплексы», «лейнхаусы» конкретный юридический статус — «дом блокированной застройки» (далее — ДБЗ). До 1 марта 2022 года такие объекты классифицировались Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии (далее — Росреестр) как много-

квартирный дом (далее –МКД). В Росреестре регистрации подлежит дом, отвечающий признакам, указанным в п. 40 ст. 1 ГрК РФ [11]. Статус «квартиры» (МКД) означал, что у жильцов нет своего жилого дома, а имущество принадлежит всем собственникам земельных участков на праве общей долевой собственности.

Наиболее остро несовершенство правового режима ДБЗ проявляется в вопросе о земельном участке. Так, О. Ю. Винтер и Д. В. Пятков прямо указывают, что правовую неопределённость вызывает вопрос владения земельным участком (участками) под блоками. Действующее жилищное законодательство не предусматривает, что участок под каждым блоком должен находиться во владении собственника этого блока, хотя это было бы логично, учитывая автономный характер блоков [2]. Указанные авторы обращают внимание на необходимость уточнения правового режима земельных участков в границах ДБЗ на законодательном уровне. На практике это порождает проблему, что собственники блоков не могут оформить землю под своим блоком, если участок не сформирован или сформирован под всем домом.

Судебная практика по данному вопросу является противоречивой. Так, суд, проанализировав Правила землепользования и застройки, действующие в муниципальном образовании, где расположены спорные объекты, установил предельные параметры для земельных участков при блокированной жилой застройке. Согласно этим правилам, минимальная площадь земельного участка составляет 200 кв. м. на один блок, а максимальная — 300 кв. м. на один блок. На основании этого анализа суд пришёл к выводу, что выделение трёх земельных участков, каждый из которых имеет площадь 333,3 кв. м. на один блок, противоречит установленным требованиям. Соответственно, суд отказал в удовлетворении заявленных требований, подчеркнув, что признание дома блокированным возможно только при условии соблюдения установленных параметров раздела земельного участка под каждый блок [12].

В другом деле истец просил признать статус ДБЗ на том основании, что у дома есть отдельные входы (выходы), отдельное отопление (индивидуальные газовые котлы), водоснабжение и канализация, поэтому можно оформить данные жилые дома как блокированной застройки, однако в удовлетворении исковых требований судами первой и апелляционной инстанций было отказано, так как суды, ссылаясь на Правила землепользования и застройки городского округа города Михайловка Волгоградской области, утвержденные Михайловской городской Думой от 12.04.2013 года № 795 (далее — Правила), установили, что раздел земельного участка истца в соответствии с долей невозможен из-за меньшей минимальной площади по Правилам. При этом, в 2009 году, уже было вступившее в законную силу решение суда, которым долю наследодателя в данном доме выделили в натуре. Однако ответчик позже поставил весь спорный дом на кадастровый учёт как единый объект, проигнорировав ранее принятое решение суда. Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ отметила, что нижестоящие суды допустили существенные нарушения норм материального права, потому что нижестоящие суды сделали вывод о несоответствии дома признакам ДБЗ, не имея для этого надлежащей доказательственной базы, также не учли вступившее в законную силу решение суда, которым ранее был произведён выдел доли наследодателя в жилом доме в натуре, и не применили изменения, внесённые в ГрК РФ с 1 марта 2022 года. При этом в данном деле указано, что из выписки из ЕГРН от 17.10.2020 г. усматривается, что данные о правообладателе земельного участка отсутствуют [13]. Данные примеры из судебной практики подтверждают пробел в правовом регулировании ДБЗ. Пархоменко Д. В. предлагает унифицировать подход как к самому блокированному дому, так и к земельному участку под ним, и делегировать полномочия по определению правового статуса ДБЗ органам местного самоуправления, а полномочия по идентификации признаков ДБЗ следует возложить на лиц, сведущих в технической инвентаризации и кадастровой деятельности [3].

Следует отметить, что правовой режим ДБЗ позволяет получить статус полноценного жилого дома для каждого из собственников, т. е. переход от статуса «квартиры в многоквартирном доме» (со всеми вытекающими ограничениями, например, низкой стоимости земельного участка из-за общей долевой собственности) к статусу жилого дома [4]. Преимущества перехода на дом блокированной застройки очевидны: каждый собственник получает полноценный дом и земельный участок со статусом ДБЗ. После оформления документов и перевода в статус «дом блокированной застройки», рыночная стоимость недвижимости каждого собственника повышается. Для тех лиц пенсионного возраста, у которых в собственности имеется еще недвижимое имущество, например, одна квартира в МКД появляется возможность получить налоговые льготы на коммунальные услуги и налоговый вычет, потому что у лица теперь в собственности одна квартира и один жилой дом (вместо двух квартир, из-за которых получить налоговую льготу нельзя). Данное положение закреплено в п. 4 ст. 407 Налогового кодекса РФ [14]. Также у каждого собственника появляется возможность легально возводить строения (гараж, баню, беседку и т. п.), не получая согласия у собственников смежных земельных участков, так как все построенные объекты в ДБЗ разрешено автоматически узаконить, не считая их самовольной постройкой при соблюдении градостроительных и противопожарных норм [6]. В ч. 3 ст. 16 Федерального закона от 30.12.2021 года № 476 закреплено, что собственники вправе совместным решением уполномочить одного из собственников правом на обращение от имени всех собственников в уполномоченный орган для смены правового статуса недвижимого имущества [5]. Допускается подача обращения как в МФЦ, так и напрямую в территориальный орган Росреестра, что подтверждено письмом Росреестра от 21.06.2022 № 14–5128-ТГ/22 [15]. Целью обращения одного собственника за всех — внести изменения в ЕГРН: привести сведения о виде объекта, его

назначении и виде разрешённого использования в соответствие с изменениями федерального законодательства.

Таким образом, к ДБЗ **не применяются нормы об общем имуществе МКД** (ст. 36 ЖК РФ). Нормативная дефиниция в п. 40 ст. 1 ГрК РФ закрепляет, что данная конструкция не предусматривает общего имущества, а блоки в нём обладают автономными инженерными системами [6]. У собственников блоков почти всегда есть объективная потребность в совместном обслуживании общих стен, крыши, фундамента и инженерных сетей. Законодатель создал юридическую фикцию, якобы у ДБЗ нет общего имущества, хотя фактически общее имеется. Конституционный Суд РФ также в своем постановлении [16] указал, что регулирование отношений по управлению общим имуществом в комплексах индивидуальных жилых домов и земельных участков с общей инфраструктурой (коттеджные поселки, ДБЗ) **не может осуществляться по аналогии с многоквартирными домами**. В установлении правового режима присутствует юридический барьер: изменения вносятся в явочно-нормативном (заявительном) порядке со стороны собственников [17]. Смена правового режима возможна только при совместном решении всех собственников.

Литература:

1. Лаптев В. А. Общее имущество собственников помещений многоквартирного дома и жилых домов (жилых домов блокированной застройки) коттеджных поселков: единство и дифференциация // Семейное и жилищное право. — 2024. — № 4. — С. 23–26. — DOI: 10.18572/1999–477X-2024–4–23–26.
2. Винтер О. Ю., Пятков Д. В. Проблемы правового регулирования блокированной застройки // Российско-азиатский правовой журнал. — 2025. — № 2. — С. 62–67. — DOI: 10.14258/ralj(2025)2.9.
3. Пархоменко, Д. В. О некоторых историко-правовых особенностях регулирования блокированной застройки в России и Казахстане / Д. В. Пархоменко // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. — 2025. — № 4 (80). — С. 209–218. — DOI 10.52026/2788–5291_2025_80_4_209. — URL: https://vestnik.zqai.kz/index.php/vestnik/article/view/1887 (дата обращения: 12.11.2026). — Текст: электронный.
4. Суслова С. И., Диковенко К. В. Блокированный жилой дом как объект прав // Семейное и жилищное право. — 2019. — № 1. — С. 42–45.
5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от [актуальная дата]) // Собрание законодательства РФ. — 2005. — № 1 (часть I). — Ст. 14.
6. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 2004 г.: одобрен Советом Федерации 24 дек. 2004 г.: (ред. от 25.12.2018). — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — Текст: электронный.
7. Таунхаус // Знание.Вики: сетевое изд. 13.12.2025. URL: https://znanierussia.ru/articles/Таунхаус (дата обращения: 12.11.2026).
8. Рынок жилой недвижимости Московской области // РБК Недвижимость: сетевое изд. — URL: https://realty.rbc.ru/news/577d2b049a7947a78ce94630 (дата обращения: 12.11.2026).
9. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 июня 1978 г. № 518 «О дальнейшем развитии строительства индивидуальных жилых домов и закреплении кадров на селе» // Собрание постановлений правительства СССР. 1978. № 1–27. ст. 120.
10. Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112300150 (дата обращения: 12.11.2026).
11. Письма Росреестра от 28 марта 2022 г. № 14–2287-ТГ/22; от 21 июня 2022 г. № 14–5128-ТГ/22; от 4 июля 2022 г. № 14–5516-ТГ/22; от 7 октября 2022 г. № 14–8739-ТГ/22 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Решение Октябрьского районного суда г. Ставрополя от 21 ноября 2019 г. по делу № 2–29/2019 // Октябрьский районный суд г. Ставрополя: официальный сайт. — URL: http://oktyabrsky.stv.sudrf.ru (дата обращения: 12.11.2026).
13. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 4 июня 2024 г. № 16-КГ24–1-К4 (УИД 34RS0027–01–2022–001712–53) // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — URL: https://vsrf.ru (дата обращения: 12.11.2026).
14. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ: п. 4 ст. 407 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. ст. 3340.
15. Письмо Росреестра от 21 июня 2022 г. № 14–5128-ТГ/22 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2021 г. № 55-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т. С. Малковой» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 2. ст. 556.

17. Ч. 3 ст. 16 Федерального закона от 30 декабря 2021 г. № 476-ФЗ (ред. от 29 октября 2024 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2022. — № 1 (ч. I). — Ст. 45.

Проблемы правоприменительной практики и основные угрозы безопасности дорожного движения

Нагимова Софья Раулевна, студент
Челябинский государственный университет

В статье анализируются ключевые угрозы безопасности дорожного движения и проблемы правоприменительной практики. Рассматриваются законодательные новеллы 2025–2026 годов, ужесточившие административную ответственность за грубые нарушения ПДД. Исследуются вопросы квалификации правонарушений и назначения наказания. Обосновывается необходимость комплексного подхода, сочетающего репрессивные меры с профилактикой и развитием инфраструктуры.

Ключевые слова: *безопасность дорожного движения, административная ответственность, правоприменительная практика, дорожно-транспортные происшествия, КоАП РФ, судебная практика.*

Обеспечение безопасности дорожного движения остаётся одной из приоритетных задач государственной политики. Несмотря на предпринимаемые усилия, уровень аварийности и тяжесть последствий дорожно-транспортных происшествий требуют постоянного совершенствования правового регулирования. Правоприменительная практика сталкивается с проблемами, которые носят системный характер и требуют не только законодательного реагирования, но и глубокого теоретического осмысления.

Анализ статистических данных и материалов правоприменительной практики позволяет выделить несколько наиболее опасных угроз. К их числу относится управление транспортным средством в состоянии опьянения. Несмотря на ужесточение ответственности, количество таких правонарушений остаётся значительным, а их последствия — наиболее тяжкими. Второй существенной угрозой является превышение скоростного режима, которое традиционно лидирует среди причин ДТП с тяжкими последствиями. Третья угроза связана с отвлечением внимания водителя на мобильные устройства и иные гаджеты, что становится всё более распространённым фактором аварийности в условиях цифровизации.

С теоретической точки зрения эффективность правового регулирования зависит от баланса между репрессивными и превентивными мерами. Ужесточение наказания само по себе не решает проблему, если оно не сопровождается неотвратимостью ответственности и формированием устойчивых навыков безопасного поведения. Именно поэтому законодатель в последние годы последовательно усиливает ответственность за наиболее опасные нарушения, одновременно корректируя механизмы исполнения наказаний.

Существенные изменения в законодательство об административных правонарушениях в области дорожного движения были внесены Федеральным законом от 26.12.2024 № 490-ФЗ [1], вступившим в силу с 1 января 2025 года. Данным законом был увеличен на 50 процентов размер административных штрафов за ряд правонарушений, в том числе за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, передачу управления такому лицу, превышение установленной скорости движения, проезд на запрещающий сигнал светофора, нарушение правил расположения транспортного средства на проезжей части, движение по полосе для маршрутных транспортных средств, а также за невыполнение требования о прохождении медицинского освидетельствования. [6, с. 161].

Так, штраф за управление транспортным средством в состоянии опьянения был повышен с 30 тысяч до 45 тысяч рублей, за отказ от медицинского освидетельствования — также до 45 тысяч рублей, за превышение скорости на величину более 20, но не более 40 км/час — с 500 до 750 рублей, за проезд на запрещающий сигнал светофора — с 1 тысячи до 1,5 тысячи рублей. Одновременно были изменены условия льготной уплаты штрафов: срок, в течение которого штраф можно уплатить со скидкой, увеличен с 20 до 30 дней, однако размер скидки уменьшен с 50 до 25 процентов [4].

В 2026 году законодательство продолжило развиваться. Федеральным законом от 26.06.2026 № 197-ФЗ был устранён правовой пробел, позволявший привлекать гражданина дважды к административной ответственности за одно и то же деяние, а также установлен порядок для ситуаций, когда одно деяние в области дорожного движения может быть квалифицировано по нескольким статьям [2]. Данные изменения направлены на обеспечение принципа

справедливости и недопустимости двойной ответственности, что имеет важное значение для правоприменительной практики.

Анализ судебной практики выявляет ряд проблем, с которыми сталкиваются суды при рассмотрении дел об административных правонарушениях в области дорожного движения. Одной из распространённых проблем является квалификация действий водителей при совершении маневров, особенно в условиях ограниченной видимости или сложной дорожной обстановки. Суды вынуждены устанавливать причинно-следственную связь между нарушением конкретного пункта ПДД и наступившими последствиями, что требует тщательной оценки всех обстоятельств дела.

Другой проблемой является обеспечение права на защиту при обжаловании постановлений, вынесенных в автоматическом режиме с применением средств фото- и видеофиксации. Граждане нередко оспаривают факт нахождения транспортного средства в их владении на момент фиксации нарушения либо ссылаются на технические погрешности оборудования. Суды в таких случаях проверяют соблюдение процедурных требований и оценивают представленные доказательства в совокупности. [5, с. 9]

Отдельного внимания заслуживает вопрос о дифференциации ответственности. Ужесточение штрафов, предусмотренное законом № 490-ФЗ, само по себе не устраняет проблему повторности. В связи с этим актуальным остаётся вопрос о дальнейшем совершенствовании института административной преюдиции, когда повторное совершение однородного правонарушения влечёт более строгую ответственность вплоть до уголовной.

На основе проведённого анализа представляется возможным сформулировать ряд предложений. Во-первых, необходимо дальнейшее развитие системы фотовидеофиксации с обязательным дублированием информации о вынесенных постановлениях в личном кабинете собственника на портале государственных услуг. Это снизит количество жалоб, связанных с неосведомлённостью граждан, и повысит доверие к системе автоматической фиксации.

Во-вторых, целесообразно рассмотреть вопрос о введении дифференцированной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения в зависимости от степени опьянения, определяемой по результатам медицинского освидетельствования. Это позволит сделать наказание более справедливым и соразмерным общественной опасности деяния.

В-третьих, требуется ускорение процедур административного расследования по делам о ДТП с пострадавшими. Затягивание сроков производства снижает эффективность восстановления нарушенных прав потерпевших и подрывает доверие к правосудию.

Проблемы правоприменительной практики в сфере безопасности дорожного движения носят комплексный характер. Законодательные новеллы 2025–2026 годов, направленные на ужесточение ответственности за грубые нарушения ПДД и устранение правовых пробелов, являются необходимым, но недостаточным шагом. Только в сочетании с развитием дорожной инфраструктуры, совершенствованием системы профилактики, повышением правовой культуры участников дорожного движения и обеспечением неотвратимости ответственности можно достичь целей, поставленных в Стратегии повышения безопасности дорожного движения, — снижения смертности на дорогах в полтора раза к 2030 году и в два раза к 2036 году [5].

Литература:

1. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 26.12.2024 № 490-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации.
2. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 26.06.2026 № 197-ФЗ // Парламентская газета. — 2026. — 26 июня.
3. Об увеличении штрафов за отдельные правонарушения в области дорожного движения Федеральным законом от 26.12.2024 № 490-ФЗ // МВД России. — 2025. — 10 марта.
4. Указ Президента РФ от 14.11.2025 N 841 «Об утверждении Стратегии повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»
5. Антонов С. Н. «К вопросу о значимости профилактики правонарушений в области дорожного движения» // Безопасность дорожного движения. — 2025. — № 1(36). — С. 8–13.
6. Тебелева Е. С. «Административная ответственность за правонарушения в области организации дорожного движения: современные проблемы и пути совершенствования» // Вестник науки. — 2025. — № 12(93), том 4, ч. 2. — С. 160–169.

Проблема преюдициального значения лингвистических экспертиз при расследовании преступлений экстремистской направленности: коллизия статей 17 и 90 УПК РФ

Нахманович Ксения Валерьевна, студент магистратуры
Красноярский государственный аграрный университет

В статье рассматривается проблема соотношения преюдициального значения заключений лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз с принципом свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению при расследовании преступлений экстремистской направленности. На основе анализа судебной практики выявляются типичные ошибки, связанные с некритическим применением преюдиции либо её игнорированием. Предлагаются пути разрешения коллизии между ст. 17 и ст. 90 УПК РФ в контексте дел об экстремизме.

Ключевые слова: *преюдиция, внутреннее убеждение, лингвистическая экспертиза, экстремизм, доказывание, оценка доказательств.*

Институт преюдиции, закреплённый в ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, традиционно рассматривается как приём юридической техники, позволяющий избежать повторной проверки обстоятельств, уже установленных вступившим в законную силу судебным решением. Вместе с тем в уголовно-процессуальной доктрине сохраняется дискуссия о соотношении преюдиции с принципом свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению, (ст. 17 УПК РФ).

Применение межотраслевых преюдиций судебных актов является одним из наиболее сложных и неоднозначных институтов процессуального права. Особую остроту эта проблема приобретает при расследовании преступлений экстремистской направленности, где ключевое доказательственное значение имеют заключения лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз.

В уголовном судопроизводстве оценка доказательств является критически важным элементом доказывания, от которого зависит исход дела. Принцип свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению, закреплённый в ст. 17 УПК РФ, предполагает, что судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью. Данный принцип является фундаментальным для уголовного процесса, поскольку он гарантирует независимость судьи при принятии решения.

Вместе с тем ст. 90 УПК РФ устанавливает исключение из этого правила: обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором или иным решением суда, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. Как отмечает В. Н. Бибило, «предпочтение следует отдавать преюдициальной силе приговора суда» [2, с. 46]. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, данная позиция не является бесспорной и порождает множество проблем при расследовании экстремистских преступлений.

На мой взгляд, ключевая проблема заключается в том, что законодатель не указывает, как именно следует поступать суду при возникшей коллизии между его внутренним убеждением и требованием признания преюдициальной силы ранее установленных обстоятельств. В отличие от гражданского процесса, где преюдиция применяется более последовательно, в уголовном процессе существует стандарт доказывания «вне разумных сомнений», что делает автоматическое применение преюдиции проблематичным. Если судья испытывает сомнения в достоверности ранее установленных фактов, он должен иметь возможность их проверить, даже если формально эти факты имеют преюдициальное значение.

По делам о преступлениях экстремистской направленности (ст. 280, 282 УК РФ и др.) ключевым доказательством выступает заключение лингвистической или психолого-лингвистической экспертизы, которая устанавливает наличие в тексте или высказывании признаков возбуждения ненависти либо вражды, призывов к экстремистской деятельности и т. д. [12, с. 53–57; 13, с. 125]. При этом нередко возникает ситуация, когда по сходным материалам разными экспертами даются противоположные заключения. Это порождает вопрос: должен ли суд слепо следовать преюдициальному выводу, сделанному по другому делу, или он обязан оценивать каждое экспертное заключение по внутреннему убеждению, даже если оно противоречит ранее установленным фактам?

Как справедливо подчёркивает Е. Б. Тарбагаева, «назначение преюдиции заключается не в предоставлении помощи суду в установлении объективной истины по делу, а в обеспечении законной силы решения, вынесенного ранее, другими словами, не в сфере познания, а в сфере организации четкости и определенности в реализации решений» [6, с. 58]. Однако в контексте экстремистских преступлений такой подход может привести к тому, что ошибочное экспертное заключение, однажды получившее преюдициальную силу, будет автоматически тиражироваться на другие дела без надлежащей проверки. Представляется, что это противоречит самой природе

уголовного судопроизводства, где каждый случай должен рассматриваться индивидуально.

Следует отметить, что проблема межотраслевой преюдиции приобретает особое значение в уголовном процессе, где приговор может строиться на выводах судов, сделанных в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства [9, с. 8–14]. Применительно к делам об экстремизме это означает, что суд может быть связан, например, решением о признании организации экстремистской, принятым в административном порядке. Однако, по моему мнению, такой подход требует особой осторожности, поскольку стандарты доказывания в административном и уголовном процессе различны.

Отдельного внимания заслуживает ситуация, когда по делу имеется несколько экспертных заключений, дающих противоположные выводы. В таких случаях суду необходимо либо выбрать одно из заключений, руководствуясь внутренним убеждением, либо назначить повторную экспертизу. Однако если по одному из ранее рассмотренных дел уже имеется преюдициальное решение, суд может счесть себя связанным им, даже если другое экспертное заключение представляется более обоснованным. На мой взгляд, это создаёт опасность формального подхода к оценке доказательств и подрывает принцип состязательности.

Изучение судебной практики позволяет выделить две противоположные тенденции. С одной стороны, суды нередко следуют преюдициальным выводам, не подвергая их критической оценке. Как справедливо отмечает Г. В. Стародубова, это «приводит к формальному подходу к оценке доказательств и подрыву принципа состязательности» [5, с. 257–267]. С другой стороны, встречаются случаи, когда суды игнорируют преюдициальные факты, ссылаясь на необходимость самостоятельной оценки доказательств по внутреннему убеждению, что создаёт правовую неопределённость и неединообразие судебной практики.

По моему мнению, проблема заключается в отсутствии чётких критериев, по которым суд может отступить от преюдициального вывода. Законодатель не указывает, при каких условиях внутреннее убеждение судьи может преодолеть преюдициальную силу ранее установленных обстоятельств. Это создаёт пространство для субъективных оценок и, как следствие, неединообразия судебной практики.

Как справедливо отмечается в научной доктрине «презумпция, преюдиция и фикция в российском уголовном судопроизводстве требуют более чёткого законодательного регулирования, особенно в вопросах их соотношения с принципом свободной оценки доказательств» [3, с. 30].

На основе проведённого анализа представляется целесообразным предложить следующие меры по разрешению правовой коллизии между ст. 17 и ст. 90 УПК РФ в контексте расследования экстремистских преступлений.

Поскольку лингвистическая экспертиза является оценочной, её заключение должно подлежать самостоятельной оценке судом даже при наличии преюдициального решения по аналогичным материалам. Предлагается дополнить ст. 90 УПК РФ положением о том, что преюдициальное значение по некоторым категориям дел, в том числе, об экстремизме, имеют лишь фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, но не выводы экспертов о наличии признаков экстремизма, поскольку такие выводы носят оценочный характер.

Для снижения риска ошибочных экспертных выводов, которые затем могут получить преюдициальную силу, необходимо утвердить на межведомственном уровне единые методические рекомендации по проведению лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз по делам об экстремизме. Это позволит минимизировать расхождения в экспертных подходах и повысит достоверность экспертных заключений.

Предлагается дополнить ст. 305 УПК РФ (или ст. 307 УПК РФ) требованием о том, что в случае, если суд в рамках конкретного дела приходит к выводу, противоречащему преюдициальным обстоятельствам, он обязан в приговоре или ином решении подробно мотивировать своё расхождение с ними, указав конкретные причины и доказательства, послужившие основанием для такого расхождения. Это позволит судам обоснованно отступать от преюдиции в случаях, когда они испытывают сомнения в достоверности ранее установленных фактов.

Как справедливо отмечается в научной литературе, «вопрос о межотраслевом характере преюдиции является сравнительно новым для отечественной науки и требует пристального исследования» [9, с. 11–12]. Предлагается разработать руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросу о возможности и целесообразности, а также порядке использования в доказывании фактов, установленных вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках иного судопроизводства.

Проведённый анализ позволяет утверждать, что проблема соотношения преюдициального значения заключений лингвистических экспертиз с принципом свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению, при расследовании экстремистских преступлений является одной из наиболее острых в современном уголовно-процессуальном праве. Коллизия между ст. 17 и ст. 90 УПК РФ порождает правовую неопределённость и неединообразие судебной практики. Предложенные меры направлены на разрешение этой коллизии и повышение эффективности доказывания по делам об экстремизме. Их реализация возможна как на законодательном уровне, так и на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.06.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.

2. Бибило, В. Н. Значение преюдиции в уголовном судопроизводстве / В. Н. Бибило // сб. науч. тр., приуроч. к 90-летию д-ра юрид. наук проф. И. И. Мартинович / Белорус. гос. ун-т. — Минск: Изд. центр БГУ, 2017. — С. 43–46.
3. Воробьёв, В. А. Соотношение правила преюдиции и принципа оценки доказательств по внутреннему убеждению в уголовном процессе / В. А. Воробьёв // ПРАВО.BY. — 2020. — № 6(68). — С. 79–84.
4. Загоруйко, И. Ю. Межотраслевые преюдиции судебных актов / И. Ю. Загоруйко, Б. Д. Егоров // МЦНП «Новая наука». — 2021. — С. 212–227.
5. Стародубова, Г. В. Преюдиция в уголовном процессе — объективное правило, субъективно применяемое (анализ практики судов первой и вышестоящих инстанций) / Г. В. Стародубова // Вестник Воронежского государственного университета. — 2021. — № 1. — С. 257–267.
6. Тарбагаева, Е. Б. Истинность, преюдициальность и законная сила судебного решения / Е. Б. Тарбагаева // Проблемы доказывания по уголовным делам: межвуз. сб. науч. тр. — Красноярск, 1988. — С. 52–60.
7. Каландаришвили, Х. А. Презумпция, преюдиция и фикция в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Х. А. Каландаришвили. — Санкт-Петербург, 2021. — 32 с.
8. Азаров, В. А. Преюдиция и внутреннее убеждение при установлении истины в уголовном судопроизводстве / В. А. Азаров, Д. М. Нурбаев // CyberLeninka.
9. Каландаришвили, Х. А. Преюдициальное значение решений в российском уголовном судопроизводстве / Х. А. Каландаришвили, В. В. Иванов, М. А. Днепровская // CyberLeninka. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preyuditsialnoe-znachenie-resheniy-v-rossiyskom-ugolovnom-sudoproizvodstve (дата обращения: 28.07.2026).
10. Чащина, И. В. Проблемы применения преюдиции в уголовном процессе / И. В. Чащина // CyberLeninka.
11. Науменко, О. А. Использование специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений экстремистской направленности / О. А. Науменко // Общество и право. — 2024. — № 3 (89). — С. 53–57.
12. Хорошева, А. Е. Использование специальных знаний в ходе доказывания по уголовным делам о насильственном экстремизме / А. Е. Хорошева // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2023. — № 3. — С. 123–131.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // КонсультантПлюс: справ. правовая система.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 № 2730-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Плюсова Олега Викторовича на нарушение его конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Гарант: справ. правовая система.

Международные договоры и Конституция: коллизия и пути ее разрешения

Нугуманова Нелли Маратовна, студент;
Корякин Илья Викторович, студент
Научный руководитель: Хайруллин Рамиль Ахатевич, кандидат юридических наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматривается соотношение норм международных договоров Российской Федерации и положений Конституции РФ. Анализируются конституционные основания приоритета международного права (ч. 4 ст. 15), ограничения этого приоритета (ч. 1 ст. 15, ст. 79) и роль Конституционного Суда РФ в разрешении коллизий. Рассматриваются международно-правовые последствия такого противоречия. Делается вывод о том, что внутригосударственный приоритет принадлежит Конституции, а разрешение коллизии возможно через конституционный контроль, изменение Конституции, оговорки либо пересмотр или денонсацию договора. Предлагаются критерии выбора способа разрешения.

Ключевые слова: *международный договор, Конституция, верховенство, коллизия норм, Конституционный Суд, конституционный контроль, монизм, денонсация.*

Введение

Развитие международных обязательств государства создает риск столкновения международного договора с конституцией [1, ст. 15]. Вопрос приобретает практическое значение при ратификации многосторонних соглашений и участии в международных организациях, когда обязательство перед другим государством или органом может расходиться с конституционными принципами. Осложняет ситуацию то, что международное и национальное право опираются на разные логики: первое исходит из принципа *pacta sunt servanda*, второе — из верховенства конституции.

Цель статьи — определить, что должно происходить, если норма международного договора противоречит Кон-

ституции РФ, и какие средства для этого предусмотрены. Использованы формально-юридический метод, метод системного толкования правовых норм и анализ правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Основная часть

Конституционные основания соотношения. Согласно ч. 1 ст. 15 Конституция имеет высшую юридическую силу [1, ст. 15]. Часть 4 той же статьи относит международные договоры к правовой системе России и предписывает применять правила договора, если они отличаются от закона [1, ст. 15]. Буквальное прочтение создает впечатление безусловного приоритета договора, однако оно не распространяется на Конституцию, поскольку ее статус высшего акта задан в ч. 1 ст. 15 [1, ст. 15]. Норма договора, противоречащая Конституции, не получает автоматического применения во внутреннем правопорядке. Конституционный приоритет выводится из системного толкования ст. 15, а не из одной нормы. Теоретические основы соотношения рассмотрены в работах.

Ограничения приоритета договора. Часть 2 ст. 79 в редакции 2020 г. устанавливает, что решения межгосударственных органов, принятые на основании договора в его истолковании, противоречащем Конституции, не подлежат исполнению в Российской Федерации [1, ст. 79]. По логике этой нормы конституционный приоритет распространяется и на сам договор в том истолковании, которое противоречит Конституции. Норма закрепляет принцип конституционной идентичности: участие в международных объединениях не может вести к отказу от конституционных основ.

Роль Конституционного Суда. Конституционный Суд РФ является основным органом, разрешающим такие коллизии. В Постановлении от 14 июля 2015 г. № 21-П Суд указал, что решение Европейского Суда по правам человека не подлежит исполнению, если его исполнение приводит к противоречию с Конституцией, и предусмотрел процедуру конституционной проверки такого исполнения. Аналогичный подход распространяется и на договоры: Суд вправе проверить их конституционность, в том числе до вступления в силу [1, ст. 125]. Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации» также предусматривает, что положения договора, не соответствующие Конституции, не применяются до устранения противоречия [2]. Коллизия, таким образом, не разрешается судом общей юрисдикции или органами исполнительной власти в одностороннем порядке.

Международно-правовой аспект. Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г. исходит из того, что участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права как на оправдание неисполнения договора [4, ст. 27]. Это создает разрыв между внутренним и международным порядком: договор остается обязательным для государства на международном уровне, даже если его норма не может быть реализована внутри страны, а ответственность за неисполнение возникает именно на международном уровне. Несоответствие договора Конституции само по себе не делает его недействительным: основания недействительности определены отдельно [4, ст. 46] и требуют самостоятельного анализа.

Способы разрешения коллизии. На основе анализа можно выделить четыре пути:

1) предварительный конституционный контроль — проверка договора до вступления в силу (Конституционный Суд РФ);

2) изменение Конституции — целесообразно, если норма договора отражает важный государственный интерес;

3) оговорка при ратификации — исключение или толкование спорного положения, если это допускается договором и не противоречит его объекту и цели;

4) денонсация или пересмотр договора — применяется при невозможности устранить коллизию иными способами.

Выбор способа зависит от характера нормы, стадии договора и политической значимости обязательства. Если норма касается основ конституционного строя или прав человека, наиболее обоснован пересмотр договора. Если противоречие локально и касается техники реализации, возможны оговорка или толкование. Практический порядок действий включает установление противоречия, обращение в Конституционный Суд, выбор способа устранения коллизии и оценку международно-правовых последствий.

Заключение

Анализ показывает, что соотношение международных договоров и Конституции РФ строится на принципе конституционного верховенства, подкрепленного ч. 4 ст. 15 и ст. 79 Конституции. Норма договора, противоречащая Конституции, не применяется во внутреннем правопорядке автоматически. Коллизия разрешается через конституционный контроль, изменение Конституции, оговорки либо денонсацию. Международная ответственность при этом сохраняется, поэтому государство должно учитывать последствия решения на международном уровне.

Перспективным направлением представляется разработка четкого процедурного механизма выбора способа разрешения коллизии, который сочетал бы конституционную идентичность и добросовестное выполнение международных обязательств.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законом РФ о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ).
2. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П.

4. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.
5. Лукашук И. И. Право международных договоров. — М., 2005.
6. Зорькин В. Д. Право против хаоса. — М.: Норма, 2016.
7. Блищенко И. П. Право международных договоров. — М., 2013.

Права и обязанности государственных гражданских служащих в России: правовая регламентация и содержание

Оплеснин Роман Олегович, студент магистратуры
Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье рассматриваются правовой статус государственных гражданских служащих Российской Федерации, содержание их основных прав и обязанностей, а также система ограничений и запретов, установленных законодательством. Анализируются положения Конституции РФ, Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и иных нормативных правовых актов. Особое внимание уделяется взаимосвязи прав и обязанностей служащего, гарантиям их реализации и проблемам правоприменения.

Ключевые слова: *государственная гражданская служба, государственный гражданский служащий, правовой статус, права служащего, обязанности служащего, ограничения, антикоррупционные требования.*

Введение

Государственная гражданская служба является одним из видов государственной службы и важнейшим организационно-правовым механизмом деятельности публичной власти. Через профессиональную деятельность гражданских служащих обеспечиваются реализация полномочий государственных органов, подготовка и исполнение управленческих решений, предоставление государственных услуг и защита публичных интересов. Поэтому качество государственного управления во многом зависит от того, насколько последовательно определены правовое положение служащих, пределы их компетенции и гарантии законной профессиональной деятельности.

Правовой статус гражданского служащего не сводится к перечню предоставленных ему прав. Он включает права, обязанности, ограничения, запреты, требования к служебному поведению, гарантии и меры ответственности. Эти элементы находятся во взаимной связи: полномочия и социально-трудовые гарантии создают условия для исполнения служебных функций, а обязанности и ограничения препятствуют использованию должности в личных либо частных интересах.

Цель статьи — систематизировать содержание прав и обязанностей государственных гражданских служащих и определить значение правового регулирования для обеспечения законности и эффективности государственной службы.

1. Нормативные основы правового статуса гражданского служащего

Основу регулирования государственной гражданской службы составляют Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные и федеральные законы, а также нормативные правовые акты субъектов РФ. Конституционные положения закрепляют равный доступ граждан к государственной службе (часть 4 статьи 32), право на труд и отдых, равенство перед законом и судом, а также основные права и свободы человека. Указанные гарантии распространяются и на лиц, поступающих на гражданскую службу либо проходящих ее, с учетом специальных требований, обусловленных характером служебной деятельности.

Ключевым отраслевым актом является Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее — Закон № 79-ФЗ). Он определяет принципы гражданской службы, порядок поступления и прохождения службы, правовое положение гражданского служащего, правила служебного контракта, основания прекращения служебных отношений и гарантии. Общие основы системы государственной службы устанавливает Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации».

Отдельные вопросы регулируются законодательством о противодействии коррупции, прежде всего Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», трудовым, административным и процессуальным законодательством, а также указами Президента РФ и актами государственных органов. При этом положения трудового законодательства применяются к гражданской службе в части, не урегулированной специальными нормами о государственной службе.

Следует учитывать, что гражданский служащий — это не любой работник государственного органа. Его статус возникает при замещении должности государственной

гражданской службы, включенной в соответствующий реестр, на основании служебного контракта. Лица, выполняющие технические, хозяйственные или иные вспомогательные функции по трудовому договору, не всегда обладают статусом гражданского служащего. Такое разграничение важно для правильного определения применимых прав, обязанностей и мер ответственности.

2. Права государственных гражданских служащих

Основные права гражданского служащего закреплены статьей 14 Закона № 79-ФЗ. Их можно условно разделить на несколько групп: права, обеспечивающие исполнение должностных обязанностей; права, связанные с профессиональным развитием и служебной карьерой; социально-трудовые права; а также гарантии защиты служащего.

К первой группе относится право на обеспечение надлежащих организационно-технических условий, необходимых для исполнения должностных обязанностей. Служащий вправе получать в установленном порядке информацию и материалы, необходимые для выполнения поручений, знакомиться с должностным регламентом и документами, определяющими его права и обязанности. Он также может вносить предложения по совершенствованию деятельности государственного органа. Эти права имеют не только личное, но и функциональное значение: без достаточной информации и надлежащей организации труда затрудняется надлежащее исполнение публичных полномочий.

Вторая группа включает право на профессиональное развитие, дополнительное профессиональное образование и участие в конкурсе на замещение вакантной должности гражданской службы. Закон предусматривает возможность должностного роста на конкурсной основе и оценку служебной деятельности, в том числе посредством аттестации. Реализация этих прав способствует формированию профессионального кадрового состава и позволяет связывать продвижение по службе с квалификацией и результатами работы.

К социально-трудовым правам относятся право на отдых, денежное содержание, ежегодный оплачиваемый отпуск, медицинское страхование, пенсионное обеспечение и иные установленные законом гарантии. Значимым является и право на рассмотрение индивидуальных служебных споров. Служащий может обжаловать решения и действия представителя нанимателя, если считает, что они нарушают его права или приняты с отступлением от закона. В предусмотренных законом случаях ему доступна судебная защита.

Самостоятельное значение имеет право на ознакомление с отзывами о профессиональной служебной деятельности и материалами личного дела, а также на защиту сведений о служащем. Это право ограничено требованиями законодательства о персональных данных и государственными интересами, однако не может игнорироваться при проведении кадровых процедур. Гласность и проверяемость решений о служебном положении служащего выступают важными гарантиями против произвольного применения дисциплинарных и кадровых мер.

Права гражданского служащего не являются безусловными. Их осуществление связано с целями службы, установленной компетенцией, правилами внутреннего служебного распорядка и требованиями к служебному поведению. Например, право получать информацию не означает возможности доступа к любым сведениям: пределы доступа определяются должностными полномочиями и законодательством о государственной и иной охраняемой законом тайне.

3. Основные обязанности и требования к служебному поведению

Обязанности гражданского служащего закреплены прежде всего статьей 15 Закона № 79-ФЗ. Центральное требование — соблюдение Конституции РФ, федеральных законов и иных нормативных правовых актов, а также обеспечение их исполнения в пределах должностных полномочий. Служащий обязан исполнять должностные обязанности в соответствии с должностным регламентом и соблюдать права и законные интересы граждан и организаций.

К числу значимых обязанностей относится исполнение поручений руководителей, данных в пределах их полномочий. Законодательство одновременно предусматривает механизм защиты служащего от исполнения неправомерного распоряжения: если служащий считает поручение незаконным, он обязан письменно обосновать сомнения и действовать в порядке, установленном законом. Если поручение подтверждено в письменной форме, а его незаконность очевидна, служащий не должен исполнять его и обязан уведомить соответствующих руководителей. Такая конструкция призвана обеспечить баланс служебной дисциплины и принципа законности: подчиненность не освобождает от обязанности соблюдать закон.

Служащий обязан соблюдать служебный распорядок, поддерживать необходимый уровень квалификации, не разглашать охраняемую законом информацию, а также представлять в предусмотренных случаях сведения о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера.

Законодательство устанавливает обязанность сообщать о возникновении личной заинтересованности, которая может привести к конфликту интересов, и принимать меры для его предотвращения или урегулирования. Неисполнение этой обязанности способно повлечь дисциплинарные последствия вплоть до утраты доверия при наличии предусмотренных законом оснований.

Требования к служебному поведению конкретизируются в законодательстве и ведомственных кодексах этики. Гражданский служащий должен действовать добросовестно, беспристрастно и корректно, не допускать предпочтений отдельным лицам и организациям, избегать поведения, которое может вызвать сомнения в объективности его решений. Эти требования имеют особую значимость для должностей, связанных с распределением госу-

дарственных ресурсов, контролем, надзором и принятием решений, затрагивающих права граждан.

4. Ограничения, запреты и ответственность

Особенностью статуса гражданского служащего является наличие специальных ограничений и запретов. Ограничения, предусмотренные статьей 16 Закона № 79-ФЗ, определяют обстоятельства, при которых гражданин не может поступить на службу или продолжать ее прохождение. Запреты статьи 17 направлены на предотвращение использования должностного положения в личных целях, неправомерного участия в предпринимательской деятельности и иных действий, несовместимых с публичной службой. Их конкретный перечень и применение необходимо оценивать с учетом действующей редакции закона и фактических обстоятельств.

Ограничения и запреты не следует понимать как произвольное сужение прав гражданина. Их назначение — обеспечить независимость, беспристрастность и публичную направленность служебной деятельности. Вместе с тем любые ограничения должны иметь нормативное основание, преследовать легитимную цель и применяться соразмерно. Недопустимо расширительно толковать запрет таким образом, чтобы он создавал дополнительные ограничения, не предусмотренные законом.

За нарушение обязанностей или требований к служебному поведению гражданский служащий может быть привлечен к дисциплинарной ответственности. Закон № 79-ФЗ предусматривает, в частности, замечание, выговор и предупреждение о неполном должностном соответствии; в установленных законом случаях применяются специальные основания прекращения служебного контракта. При этом дисциплинарное взыскание должно налагаться с соблюдением установленной процедуры, включая выяснение обстоятельств проступка, учет его тяжести и соблюдение сроков. В зависимости от характера деяния возможны также административная, гражданско-правовая или уголовная ответственность.

Ответственность служащего должна быть индивидуализированной. Для ее законного применения необходимо установить наличие обязанности, факт ее нарушения, вину лица и соблюдение процедуры. Значение имеют также обстоятельства совершения проступка, его последствия и предшествующее поведение служащего. Такой подход позволяет отличать реальное нарушение служебной дисциплины от добросовестного исполнения полномочий, даже если принятое решение впоследствии было признано ошибочным.

5. Проблемы правоприменения и направления совершенствования регулирования

Практическая реализация правового статуса гражданского служащего сопряжена с рядом проблем. Одна из них — недостаточная определенность отдельных должностных обязанностей и поручений. Если должностной регламент сформулирован чрезмерно обще, становится сложнее установить пределы ответственности и оценить правомерность действий служащего. Поэтому регламенты должны ясно описывать функции, полномочия, ожидаемые результаты и порядок взаимодействия с другими подразделениями.

Второй проблемой является соотношение обязанности исполнять распоряжения руководителя и личной ответственности служащего за законность своих действий. Формальная вертикаль подчинения не должна превращаться в основание для уклонения от ответственности, но и служащий не должен оставаться без защиты при отказе исполнять явно незаконное поручение. Для этого важны документирование распоряжений, доступность правовой консультации и реальное применение предусмотренной законом процедуры уведомления.

Третье направление связано с предупреждением конфликта интересов. Само наличие личной заинтересованности еще не означает автоматического совершения правонарушения, однако требует своевременного раскрытия и принятия мер. Эффективность антикоррупционного механизма зависит не только от контроля и санкций, но и от понятных инструкций, консультирования служащих и единообразной практики рассмотрения уведомлений.

Совершенствование регулирования целесообразно связывать с повышением качества должностных регламентов, развитием профессиональной подготовки, обеспечением прозрачности кадровых процедур и укреплением гарантий рассмотрения служебных споров. Не менее важно поддерживать разумный баланс: чрезмерная регламентация способна затруднять инициативу, тогда как недостаточная определенность создает риск произвольного толкования обязанностей и привлечения к ответственности.

Заключение

Правовой статус государственного гражданского служащего представляет собой комплекс взаимосвязанных элементов, включающий права, обязанности, ограничения, запреты, гарантии и ответственность. Его нормативную основу составляют Конституция РФ, Закон № 79-ФЗ, Закон № 58-ФЗ, законодательство о противодействии коррупции и иные правовые акты.

Права служащего обеспечивают условия для надлежащего исполнения публичных функций, профессионального развития и защиты от незаконных решений. Обязанности направлены на соблюдение законности, служебной дисциплины и прав граждан. Ограничения и запреты призваны предотвратить конфликт интересов и использование государственной должности в частных целях. При этом действенность такой модели зависит от ясности правовых предписаний и соблюдения процедурных гарантий.

Наиболее важные положения:

статус гражданского служащего возникает в связи с замещением должности гражданской службы и регулируется специальным законодательством;

права служащего имеют функциональное значение, но реализуются с учетом компетенции, публичных интересов и установленных законом ограничений;

обязанность соблюдать закон сохраняется и при исполнении распоряжений руководителя;

ограничения и антикоррупционные требования должны применяться на основании закона и с соблюдением принципа соразмерности;

эффективность службы требует не только ответственности, но и действенных гарантий защиты прав служащего и понятного определения его должностных функций.

Таким образом, совершенствование правового регулирования гражданской службы должно быть направлено на одновременное укрепление законности и профессиональной ответственности, а также на обеспечение реальных условий для добросовестного исполнения служебных обязанностей.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом действующих изменений).
2. О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ.
3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ.
4. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ.
5. Козбаненко В. А. Правовое обеспечение статуса государственных гражданских служащих: вопросы теории и практики // Государство и право. — 2003. — № 1.

Цифровое государство: современные концепции и правовые основы формирования

Орищенко Тимофей Сергеевич, студент
Донской государственный технический университет (г. Ростов-на-Дону)

В условиях развития цифровых технологий и использования новых видов коммуникации государство неизбежно изменяется, принимая вызовы и реагируя как на собственные потребности, так и на запросы своих граждан. Создаются цифровые экосистемы, в связи с чем возникают правовые и этические проблемы, такие, к примеру, как прозрачность получения и обработки данных и их защита, цифровое неравенство и безопасность цифровой среды. Это вынуждает государство создавать нормативную и технологическую базу для планирования этапов, целей и способов их достижения на пути к цифровизации.

Изменения в политико-экономической системе страны и технологический прогресс вызвали смену модели управления государством с бюрократической, описанной еще М. Вебером, на модель цифрового правительства, основную роль в которой играют алгоритмы, данные и платформы. Закономерным выбором одной из семи национальных целей развития страны до 2030 года стала цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы (1).

В соответствии с заданным вектором актуализируется, в частности, стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления (утверждено распоряжением Правительства РФ от 16 марта 2024 г. № 637-р). Цель процесса — обеспечение безопасного и бесперебойного информационного взаимодействия между основными участниками внутригосударственных отношений: органами власти, бизнесом и гражданами. Для более точного формирования целей прописываются конкретные показатели: доля доступных в онлайн режиме госуслуг, качество разработки и внедрения электронного документооборота, в большей части с переходом на отечественные цифровые платформы.

Каковы основные моменты цифровой реформы правового государства как такового и видов взаимодействия субъектов и объектов государственного управления в современных технологических и информационных условиях:

— Госслужащий в цифровом государстве будет использовать в повседневной деятельности типовое автоматизированное рабочее место и коммуникационные сервисы. Это касается как работников федеральных органов власти, так и регионального уровня.

— К 2031 году в большинстве случаев результат обращения граждан на госуслуги должен предоставляться онлайн в момент обращения заявителя. Число зарегистрированных пользователей единого портала должно стремительно расти, а количество предоставляемых таким образом услуг достигнет ста.

— Практически во всех сферах местного самоуправления, в государственных и муниципальных учреждениях произойдет переход на электронный документооборот, участники которого являются членами единого информационного пространства.

— Планируется полномасштабное действие платформы «ГосТех», предназначенной для создания и экс-

плуатации 100 % подлежащих этому государственных информационных систем.

— К 2030 году планируется завершить переход на централизованное хранение электронных архивных документов. Этому также способствует ежегодная оцифровка архивных дел в год, создание системы «Архивный учет».

— «Электронный бюджет» —это интеграция данных бухгалтерского учета организаций бюджетной сферы. В 100 % органов власти и учреждений начисление заработной платы должно происходить в рамках данной системы. Предоставляемые бюджетные субсидии должны проходить исключительно через портал мер финансовой господдержки.

— Планируется завершение эксперимента по предоставлению ресурсов государственной единой облачной платформы и расширение круга её потребителей. При этом достичь этого необходимо с соблюдением требований импортозамещения с условием информационной безопасности.

Проблемы, которые требуется преодолеть для достижения поставленных цифровизацией целей:

— Отсутствие системности нормативного регулирования, требующего кардинально менять правовые акты, в том числе касающиеся обменом информацией между коммерческими организациями и органами власти

— Организационная проблема цифровой незрелости участников взаимодействия, недостаточный уровень цифровых компетенций госслужащих и граждан в разных регионах страны (для устранения данной проблемы Правительство утвердило Концепцию повышения уровня цифровой грамотности граждан РФ (Распоряжение от 7 сентября 2026 г. № 2402-р)

— Санкционные ограничения доступа к технологиям и оборудованию, а также риски с точки зрения информационной и технологической безопасности со стороны недружественных государств (Ведется работа в этом вопросе, 1 марта 2026 года вступили в силу правила формирования реестра доверенного российского программного обеспечения (постановление Правительства РФ № 1931 от 28 ноября 2025 года), дающие приоритет отечественному ПО в госзакупках)

— Должен соблюдаться баланс открытости данных и их защитой, ведь больше информации предоставляется обеими сторонами обмена, тем выше их ценность и возникает риск, что часть информации будет использоваться в законных целях, для которых они предоставлены.

Такие трансформации ставят сложные задачи правового характера в цифровом поле. К таким правовым вопросам можно отнести, например, обеспечение безопасности персональных данных в сети Интернет, защиту авторских прав, в том числе — на результаты интеллектуальной деятельности, и другие.(2)

Таким образом, реализация концепции цифрового государства во многом зависит от того, насколько эффективно и целесообразно встраиваются цифровые технологии в процессы разработки и реализации государственных стратегий, предоставления государственных услуг и в иные процессы государственного управления. Зависит и от того, как государство справится с задачей защиты данных, прозрачностью процедур и предотвращением злоупотреблений (3).

Сегодня стратегически важно устранять недостатки, свойственные системе цифрового взаимодействия на данном этапе становления:

— отказаться от остаточного бумажного дублирования данных,

— добиться универсальности запросов по предоставлению данных, формируя единые источники информации,

— повысить требования к цифровым компетенциям к занимающим должности на государственной службе,

— стремиться снизить санкционные риски,

— повысить защищенность сервисов, в том числе облачных.

В настоящее время в Правительстве РФ рассматриваются инициативы по ужесточению стандартов безопасности центров обработки данных ЦОД). Необходимо предусмотреть разные варианты хранения и доступа к данным для бесперебойного функционирования госуслуг, банковской сферы и экономики в целом. Планируется активное развитие распределенной вычислительной инфраструктуры с созданием системы резервирования при сбоях либо внешних атаках.

Для защиты данных граждан и борьбы с мошенничеством на портале Госуслуг создается система согласий на обработку персональных данных, в которой можно будет увидеть все ранее данные согласия и изменить их статус. Также создается Единая биометрическая система, которая будет интегрирована с бизнесом и коммерческими сервисами.

Стратегия цифровизации на 2027 год предлагает переход к единой программно-инфраструктурной модели, в которой ведомственные и региональные платформы дополняют друг друга для совместных действий по защите облаков и опоры на реестр российского программного обеспечения.

На пути к цифровому государству преодоление трудностей правовых и технологических должно сопровождаться построением системы на принципах открытости и благотворно влиять на экономическую ситуацию и состояние общественных отношений в стране. Путь гармонизации технологической эффективности с фундаментальными принципами правового государства: законностью, равенством, подотчетностью и уважением достоинства личности. Именно такой синтез позволит превратить цифровизацию из технологического проекта в инструмент повышения качества жизни граждан и доверия к публичным институтам [4] Результатом цифровой трансформации государственного управления должно стать общественное благо, обладающее стратегической перспективой экономического роста национального хозяйства, улучшения качества и повышения уровня жизни, благосостояния граждан (5).

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 “О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года”
2. Алексеева М. В., Филимонова Е. А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий. Правовой порядок и правовые ценности. 2024;2(2):14–21. https://doi.org/10.23947/2949–1843–2024–2-2–14–21. EDN: CGTGHU
3. Алексеева М. В., Исакова Ю. И. Специфика развития государственного управления в условиях современной цифровой трансформации. Северо-Кавказский юридический вестник. 2025;(2):50–58.
4. Алексеева М. В. Особенности государственного управления в эпоху цифрового развития. Правовой порядок и правовые ценности. 2026;4(3):24–29. https://doi.org/10.23947/2949–1843–2026–4-3–24–29. EDN: UPVFXV
5. Назаренко Т. С., Новикова И. В. Цифровая трансформация государственного управления как стратегическое общественное благо // Стратегирование: теория и практика. 2023. № 2. С. 140–157. https://doi.org/10.21603/2782–2435–2023–3-2–140–157

Уголовная ответственность за преступления в сфере экономической деятельности: современные тенденции

Орлов Данил Денисович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Рассматриваются современные тенденции развития уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. Отмечается, что за последние годы глава 22 УК РФ подверглась существенной корректировке, при этом расширение криминализации не сопровождается ростом эффективности правоприменения. Анализируются вопросы разграничения преступного и непреступного поведения предпринимателей, проблемы оценочных признаков и риски избыточного уголовно-правового давления на бизнес. Обосновывается необходимость смещения акцента с расширения перечня запретов на повышение точности правовых формулировок и предсказуемости практики.

Ключевые слова: *экономическая деятельность, уголовная ответственность, предпринимательство, криминализация, декриминализация, квалификация преступлений, оценочные признаки, преступление в сфере экономики.*

Преступления в сфере экономической деятельности традиционно занимают особое место в системе уголовного права, поскольку нормами главы 22 Уголовного кодекса Российской Федерации охраняется не только порядок осуществления предпринимательской деятельности, но и интересы бюджета, добросовестных участников рынка и государства в целом. За последние годы данная глава изменялась чаще, чем большинство иных. Одни составы уточнялись и дополнялись новыми квалифицирующими признаками, другие вводились впервые, третьи, напротив, подвергались смягчению либо декриминализации. Такая подвижность отражает попытку законодателя реагировать на изменения экономической действительности, однако она же порождает неопределённость, с которой сталкиваются и предприниматели, и правоприменители.

Следует отметить, что развитие уголовной политики в рассматриваемой области идёт в двух разнонаправленных направлениях одновременно. С одной стороны, усиливается ответственность за наиболее общественно опасные деяния, например за неправомерное использование инсайдерской информации, манипулирование рынком, уклонение от уплаты таможенных платежей. С другой стороны, последовательно реализуется идея гуманизации в отношении лиц, впервые совершивших преступления небольшой тяжести в сфере предпринимательской деятельности, что находит выражение в специальных основаниях освобождения от ответственности и в особенностях назначения наказания. Как отмечает З. А. Незнамова, основная тенденция современной уголовной политики в области преступлений в сфере экономической деятельности состоит в поиске баланса между необходимостью защиты экономических отношений и недопустимостью избыточного вмешательства уголовного закона в хозяйственную жизнь [1]. Обозначенный баланс пока не урегулирован окончательно, и именно в этом заключается главная сложность рассматриваемой сферы.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о субъекте преступления. Законодательство нередко оперирует конструкциями, которые ориентированы на должностных лиц или на лиц, выполняющих управленческие функции, тогда как фактическими исполнителями выступают рядовые сотрудники. В результате возникает ситуация, когда виновным признаётся номинальный руководитель, а реальный выгодоприобретатель остаётся вне

рамок уголовного дела. А. М. Шорников справедливо указывает, что эволюция подходов к уголовной ответственности предпринимателей в свете новых законодательных инициатив должна учитывать, что собственник и руководитель организации не всегда тождественны по своей роли в принятии решений, а значит, и степень их ответственности не может быть одинаковой [2]. Данный вывод имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение, поскольку от него зависит правильность квалификации и справедливость наказания.

Не менее значимой представляется проблема оценочных признаков. Большинство составов главы 22 УК РФ содержит категории, содержание которых не раскрыто в законе, а именно крупный и особо крупный размер, ущерб, иная личная заинтересованность, существенный вред. В процессе правоприменения данные категории наполняются содержанием на основе обстоятельств конкретного дела, что приводит к расхождению в оценке сходных деяний в разных регионах. Для предпринимателя такой подход чреват тем, что оценка правомерности его поведения становится непредсказуемой, а сама угроза уголовной ответственности превращается в фактор постоянного риска, влияющего на деловые решения. Как показывает практика, сходные по своей природе нарушения в одних случаях квалифицируются как преступление, а в других остаются на уровне административного или гражданско-правового реагирования.

Существенное влияние на тенденции в рассматриваемой сфере оказывает экономическая политика государства. В условиях ужесточения мер поддержки внутреннего производства и импортозамещения возрастает роль таких норм, как ответственность за неправомерные действия при банкротстве, за уклонение от уплаты налогов и сборов, за заключение ограничивающих конкуренцию соглашений. Одновременно законодатель стремится учесть потребности бизнеса в стабильности, что находит выражение в уточнении порогов ущерба и в расширении возможностей для освобождения от ответственности при возмещении причинённого вреда. Между тем при всей позитивности этого направления остаётся открытым вопрос о том, насколько удаётся сохранить единообразие правоприменения в условиях частых изменений законодательства.

Отдельно следует остановиться на проблеме соотношения уголовной и административной ответственности. Граница между преступлением и административным правонарушением в сфере экономической деятельности нередко определяется количественными показателями, а не характером деяния. В результате формальное превышение установленного порога превращает проступок, за который предусмотрен административный штраф, в уголовно наказуемое деяние со всеми вытекающими последствиями. Подобная «механическая» криминализация снижает предупредительный потенциал уголовного закона и одновременно создаёт риск стигматизации лиц, чьё поведение не отличается высокой степенью общественной опасности.

В ходе исследования были систематизированы основные направления совершенствования правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Таблица 1. **Направления совершенствования уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности**

Направление совершенствования	**Пояснение**
Сокращение числа оценочных признаков в составах главы 22 УК РФ	Оценочные категории ущерба и иной личной заинтересованности следует наполнить более конкретным содержанием, а также закрепить в разъяснениях высших судебных инстанций единые критерии их установления. Это снизит зависимость правовой оценки от усмотрения следователя и повысит предсказуемость практики
Разграничение уголовной и административной ответственности по характеру деяния	Порог ответственности должен определяться не только суммой ущерба, но и способом совершения деяния, устойчивостью намерения и наличием корыстной мотивации. Тогда наказание не будет применяться за формальное превышение суммы, не отражающее реальную общественную опасность
Уточнение признаков субъекта преступления	Необходимо разграничить ответственность собственника, руководителя и исполнителя, установив, что лицо отвечает лишь за то деяние, в совершении которого принимало реальное участие. Это соответствует принципу справедливости и исключает практику привлечения топ-менеджеров за решения, принятые без их участия
Сохранение и расширение механизмов освобождения от ответственности при возмещении вреда	Возможность освобождения при условии полного возмещения ущерба должна применяться последовательно и единообразно, чтобы не ставить бизнес в положение, при котором эффективность защиты зависит от региона расследования
Повышение квалификации лиц, ведущих предварительное расследование	Расследование преступлений в сфере экономической деятельности требует знаний бухгалтерского учёта и финансового анализа. Без специализации деятельность хозяйствующих субъектов оценивается формально, что приводит к ошибкам квалификации и к отказам в правосудии по существу

Таким образом, современные тенденции уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности носят противоречивый характер. Законодатель усиливает защиту одних экономических отношений и одновременно смягчает ответственность за другие, стремясь учесть интересы предпринимательства. Однако при всём многообразии изменений сохраняется главная проблема — недостаточная точность правовых формулировок, порождающая неопределённость как для бизнеса, так и для правоприменителя. Решение этой проблемы лежит не в плоскости дальнейшего расширения перечня запретов, а в повышении качества юридической техники и в обеспечении единообразия практики, что в итоге позволит уголовному закону выполнять свою охранительную функцию без избыточного давления на экономическую деятельность.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Незнамова З. А. Основные тенденции уголовной политики в области преступлений в сфере экономической деятельности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2025. — Т. 35. — № 4. — С. 693–699.
3. Шорников А. М. Эволюция подходов к уголовной ответственности предпринимателей в свете новых законодательных инициатив // Правовой альманах. — 2025. — № 9 (49). — С. 97–104.

Проблемы уголовно-правовой квалификации мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий

Пак Яна Сергеевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Гадельшина Лиана Ильгизовна, кандидат юридических наук, доцент
Российский новый университет (г. Москва)

В статье представлен всесторонний анализ проблем, возникающих в правоприменительной практике при квалификации хищений, совершаемых с использованием компьютерных сетей. Рассматриваются вопросы разграничения смежных составов преступлений, предусмотренных действующим Уголовным кодексом Российской Федерации, в частности хищения денежных средств с банковского счета и мошенничества в сфере компьютерной информации. Исследуются механизмы использования социальной инженерии, фишинга и технологий создания синтетического аудиовизуального контента для введения жертв в заблуждение. Выявлены объективные пробелы в уголовном законодательстве, затрудняющие точное определение момента окончания преступления. В заключение предложены конкретные подходы к совершенствованию уголовного законодательства, направленные на повышение эффективности борьбы с современной киберпреступностью.

Ключевые слова: *мошенничество, информационно-телекоммуникационные технологии, квалификация преступлений, киберпреступность, социальная инженерия, дипфейк, тайное хищение, кибермошенничество, компьютерные технологии.*

Problems of criminal law qualification of fraud committed using information and telecommunication technologies

This article is devoted a comprehensive analysis of the challenges that arise in legal practice when classifying acts of theft committed via computer networks. It examines the distinctions between related criminal offenses under the current Criminal Code of the Russian Federation, including the theft of funds from a bank account versus fraud involving computer information. The study explores the use of social engineering, phishing, and technologies for generating synthetic audiovisual content to deceive victims. It identifies specific gaps in criminal legislation that complicate the precise determination of when a crime is considered complete. Finally, the article proposes concrete approaches to improving criminal law, aimed at enhancing the effectiveness of efforts to combat modern cybercrime.

Keywords: *fraud, information and telecommunication technologies, qualification of crimes, cybercrime, social engineering, deepfake, secret theft, cyberfraud, computer technologies.*

Развитие цифровой среды меняет имущественную преступность: ежегодно растет доля хищений, совершенных дистанционно. В 2026 году киберпреступники используют высокотехнологичные инструменты, при этом следственным и судебным органам сложнее оценивать их действия. Нормативную базу нужно постоянно адаптировать к новым технологическим вызовам.

Разграничение компьютерного мошенничества по ст. 159.6 УК РФ и кражи с банковского счета по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ остается сложным вопросом правоприменения. В п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 указано, что для ст. 159.6 УК РФ нужно целенаправленно вмешаться в программные алгоритмы [3]. Если деньги тайно изымаются с помощью чужих аутентификационных данных без изменения компьютерной информации, это будет кража [13]. Когда же потерпевший под влиянием социальной инженерии сам переводит средства, действия квалифицируются по ст. 159 УК РФ как мошенничество. Компьютерным мошенничеством деяние будет при целенаправленном вмешательстве в работу средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации. Тайное изъятие денег с чужими аутентификационными данными, без воли владельца счета, образует кражу. Если же обманутое лицо добровольно переводит средства, речь идет о классическом мошенничестве. В 2026 году для киберпреступности типична подмена личности через дипфейки и голосовые ИИ-аватары. Так злоумышленники создают аудиовизуальный контент, имитируя родственников или руководителей потерпевших. Возникает вопрос: будет ли обман с алгоритмами машинного обучения отягчающим обстоятельством? Е. А. Русскевич указывает на необходимость адаптации уголовного закона к технологическим реалиям [11, с. 112]. Поэтому ст. 159 УК РФ следует дополнить признаком «совершенное с использованием систем генеративного искусственного интеллекта», т. е. учесть повышенную общественную опасность таких деяний. Такая мера адекватно отразит повышенную общественную опасность подобных технологичных деяний.

Отдельную сложность вызывает определение места окончания кибермошенничества. Как правило, похищенные деньги уходят через транзитные счета в разных регионах страны: потерпевший находится в одном субъекте Федерации, сервер банка — во втором, а терминал для обналичивания — в третьем. По устоявшейся следственной практике хищение считается оконченным с момента, когда у виновного будет реальная возможность распорядиться похищенным, но где именно географически произошел переход права собственности — вопрос, по которому территориальные подразделения ОВД постоянно спорят, так как возникают затруднения в выборе территориальной подследственности уголовных дел.

При решении данного вопроса следует учитывать позицию п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 [2]. Местом преступления, совершенного через электронные или информационно-телекоммуникационные сети, будет территория, где виновный использовал компьютер или мобильное устройство для действий, образующих объективную сторону состава. Таким образом, Пленум указывает на то, что Местом совершения преступления надлежит считать то место, в котором совершено общественно опасное действие (бездействие), независимо от места наступления последствий.

Однако, применение указанного подхода не вызывает существенных затруднений лишь в ситуациях, когда все действия, составляющие объективную сторону киберпреступления, совершаются в пределах одной территории. Иная ситуация складывается при совершении единого преступления посредством нескольких противоправных действий, осуществляемых в разных местах. Как отмечает Р. Д. Шарапов, местом совершения единого киберпреступления необходимо признавать каждое из мест, в которых были реализованы соответствующие действия. При этом автор разграничивает уголовно-правовое и уголовно-процессуальное значение места совершения преступления. Для определения территориальной подследственности и подсудности применятся положение ч.2 ст. 32 и ч. 2 ст. 152 УПК РФ согласно которым преступление, начатое на одной территории и завершенное на другой подлежит отнесению к месту его окончания в уголовно-процессуальном смысле, то есть к месту совершения последнего действия, входящего в объективную сторону состава преступления [14].

Одним из распространенных способов завладения чужим имуществом является фишинг — создание поддельных сайтов, копирующих ресурсы банков, маркетплейсов и государственных порталов. Граждане, считая транзакцию законной, вводят реквизиты карт, после чего средства автоматически списываются на подконтрольные преступникам счета. Иногда органы предварительного расследования квалифицируют такие действия по специальной ст. 159.6 УК РФ, хотя ряд исследователей обоснованно возражает [9]: данные вводит сам потерпевший, а код сайта передает реквизиты злоумышленникам. Поэтому речь идет об обмане по ст. 159 УК РФ, т. е. о классическом мошенничестве, а не о незаконном компьютерном вмешательстве в работу информационных систем.

Проблемы конкуренции уголовно-правовых норм видны и в терминологии. Так, вокруг ст. 159.3 УК РФ (мошенничество с использованием электронных средств платежа) до сих пор идут научные дискуссии [7]. Законодатель существенно сузил сферу этой нормы: если найденной чужой банковской картой бесконтактно оплачивают товары, деяние будет квалифицировано как тайное хищение, т. е. кража. Для мошенничества, как правило, нужно сообщить заведомо ложные сведения человеку — работнику торговой или кредитной организации р6, с. 320]. При оплате через терминал кассир не проверяет операцию, а аппаратное устройство ввести в заблуждение нельзя. Изъятие имущества происходит тайно от законного владельца, т. е. образует состав кражи.

Схемы вывода криминальных активов постоянно усложняются, поэтому понятийный аппарат уголовного права нужно обновлять. Законодательство использует общий термин «информационно-телекоммуникационные сети», но транснациональные преступные группы используют децентрализованные сети, закрытые мессенджеры со сквозным шифрованием, площадки теневого сегмента интернета, криптовалютные миксеры и др. При этом установить конечного бенефициара похищенных финансовых

сумм оперативным подразделениям будет крайне сложно. Легализация преступных доходов, как правило, связана с дистанционным хищением, совершенным ранее. То есть действия нужно квалифицировать комплексно по совокупности статей 159 и 174.1 УК РФ.

Дропперы — третьи лица, передающие реквизиты личных счетов для транзита похищенных средств, т. е. создающие отдельную проблему правовой квалификации. Их действия правоохранительные органы, как правило, оценивают как соучастие (пособничество) в мошенничестве. При этом номинальный владелец счета редко достоверно знает конкретный способ первоначального хищения: за вознаграждение он предоставляет доступ к счету, то есть не выясняет происхождение поступивших средств. Прямой умысел на хищение доказать будет сложно. Поэтому нужны более строгие и детальные разъяснения высшей судебной инстанции [4], так как грань между пособничеством и заранее не обещанным сокрытием средств очень тонкая.

Хищения криптовалют требуют отдельного внимания. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 задало практику: криптовалюта является предметом преступлений, связанных с легализацией доходов [4]. При этом фиктивные ICO и поддельные инвестиционные смарт-контракты осложняют квалификацию, так как блокчейн-транзакции носят трансграничный характер. Обман строится и на поддельных инвестиционных платформах, финансовых пирамидах, мошеннических первичных размещениях токенов и др. [8]. Как правило, похищенные криптографические токены нельзя вернуть без закрытого ключа доступа к электронному кошельку злоумышленника. В связи с этим в научной литературе обосновывается необходимость совершенствования правовых и процессуальных механизмов изъятия, ареста и конфискации цифровых активов [10].

Объективная сторона преступления по статье 159.6 УК РФ включает ввод, удаление, блокирование и модификацию компьютерной информации, то есть эти действия требуют детального разграничения. Ввод — создание новых массивов данных в вычислительной системе, а модификация — противоправное изменение уже имеющихся баз данных. При этом блокирование будет искусственным созданием препятствий для доступа легитимных пользователей к информации. Сложности в практике, как правило, связаны с оценкой использования вредоносных программ [12, с. 95]. Так, при запуске троянская программа автоматически меняет системные файлы зараженного устройства. В этом случае возникает идеальная совокупность: создание, использование вредоносных компьютерных программ (статья 273 УК РФ) и компьютерное мошенничество. Справедливое наказание нужно назначать по правилам совокупности преступлений, т. е. без поглощения менее тяжкого деяния более тяжким.

Позицию подтверждают пп. 15 и 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37. В них указано, что мошенничество в сфере компьютерной информации (статья 159.6 УК РФ), совершенное через неправомерный доступ или вредоносные программы, будет дополнительно квалифицироваться по статье 272, 273 либо 274.1 УК РФ [5]. При проверке признаков компьютерной информации, ее модификации, блокирования и неправомерного доступа следствие и прокуратура ориентируются также на методические рекомендации Генеральной прокуратуры РФ по прокурорскому надзору при расследовании таких преступлений. В рекомендациях описана оценка несанкционированного воздействия на информационные системы и требования к прокурорскому надзору, т. е. к правильной квалификации содеянного и полноте компьютерно-технических экспертиз. При этом документ имеет ведомственный рекомендательный характер, не учитывает новейшие цифровые угрозы и не заменяет дефиниции УК РФ. Поэтому законодательная конкретизация признаков кибермошенничества будет необходима.

Проблема разграничения мошенничества и вымогательства в сети Интернет требует отдельной оценки. Как правило, злоумышленники с помощью вируса-шифровальщика блокируют доступ к системе пользователя или корпорации, а затем требуют криптовалюту за ключ дешифровки, т. е. за восстановление данных. Такие действия нередко квалифицируются только по ст. 163 УК РФ. При этом после перевода выкупа доступ к зашифрованной информации преступники практически никогда не возвращают, что указывает на обман. Поэтому в науке предлагается закрепить в Особенной части УК РФ специальный состав «кибервымогательство» для учета технической специфики цифрового шантажа.

Вопросы правовой оценки кибермошенничества остаются нерешенными как в теории, так и на практике. Уголовный закон не успевает за быстрым развитием глобальных информационных технологий. При этом нейросети, системы искусственного интеллекта и криптографические инструменты входят в преступные схемы, поэтому государству нужна незамедлительная адекватная реакция. Требуются новые расширенные разъяснения высших судебных инстанций, а законодателю необходимо устранить терминологическую путаницу, детализировать квалифицирующие признаки дистанционных хищений и расширить перечень отягчающих обстоятельств. Остановить лавинообразный рост киберпреступности будет возможно при комплексном подходе, т. е. при сочетании передовых технических методов противодействия и выверенной уголовно-правовой политике.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3.
3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.
4. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.
5. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации (утв. Генпрокуратурой России 15.04.2014) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 775 с.
7. Гарифуллина Р. Ф., Хакимова Э. Р. Вопросы квалификации хищения с использованием банковской карты // Международный научный вестник. 2025. № 6. С. 132–135.
8. Долгиева М. М. Вопросы уголовной ответственности за организацию деятельности по привлечению денежных средств в криптовалюте // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 247–251.
9. Коваленко О. Ю. Мошенничество с использованием информационных технологий: к вопросу о проблемах квалификации // Молодой ученый. — 2025. — № 43 (594). — С. 136–139.
10. Расторопов С. В., Пушкарев В. В. Замораживание, наложение ареста и конфискация криптовалют и других цифровых активов: пути решения правовых и процессуальных проблем // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 1. С. 180–185.
11. Русскевич Е. А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. — М.: ИНФРА-М, 2021. 227 с.
12. Степанов-Егиянц В. Г. Ответственность за преступления против компьютерной информации по уголовному законодательству Российской Федерации: монография. — М.: Статут, 2016. 190 с.
13. Хилюта В. В. Способ действия при хищении имущества: актуальные вопросы судебного толкования и доктринального правопонимания // Lex Russica. 2021. Т. 74 № 8. С. 69–79.
14. Шарапов Р. Д. Место совершения киберпреступления // Сибирское юридическое обозрение», 2024, N 4. С. 621–635.

Проблемы регулирования криптовалют на государственном уровне

Паскевич Ульяна Федоровна, студент
Научный руководитель: Степанян Диана Витальевна, преподаватель
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Краснодар)

Статья посвящается рассмотрению теоретических и нормативно-правовых проблем определения криптовалюты и её места среди объектов гражданских прав. Раскрывается техническая сущность криптовалюты как децентрализованной виртуальной денежной единицы на основе блокчейна, разграничиваются понятия «коин» и «токен», приводятся данные о динамике цен Bitcoin, Ether и Dogecoin и прослеживается эволюция крипторынка в 2009–2023 годах.

Анализируется российское законодательство (ГК РФ, законы о ЦФА, о цифровых правах и о краудфандинге): отмечается отсутствие чёткого определения оборота криптоактивов и противоречивость «цифрового ядра» законов. Обосновывается необходимость включения криптовалюты в дефиницию цифровых прав, признания её имуществом и введения дополнительного объекта гражданских прав в ст. 128 ГК РФ, в том числе для целей ПОД/ФТ. Учтена судебная практика (признание криптовалюты имуществом Верховным судом в 2021 году, дела о банкротстве) и противоречия Закона о ЦФА, ограничивающие использование криптовалюты как платёжного средства.

Ключевые слова: *криптовалюта, блокчейн, цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровые валюты, имущество, ПОД/ФТ, регулирование.*

Криптовалюта — это виртуальные децентрализированные денежные единицы, которые представляют собой уникальный криптографический код. Криптографический код -это блокчейн, который в свою очередь состоит из ячеек, в которых хранится информация о сделках с конкретной монетой, в самом блокчейне хранится информация обо всех монетах, которые представляют собой совокупность блоков. [1]

Криптовалюты делятся на два типа: коины (монеты) и токены (цифровые активы). На практике они идентичны в использовании, их можно покупать, продавать и расплачиваться ими, цена зависит от спроса и предложения. Банки, налоговые никак не могут повлиять на действия связанные с криптовалютой. Все данные хранятся в блокчейне и каждая новая операция формирует собой новый блок, тем самым если внести в него изменения или удалить, будет нарушена вся цепь. На практике блоками управляют тысяча компьютеров со всего мира, соединенные друг с другом через сеть Интернет, а чтобы внести изменения или удалить блок нужно будет сделать это со всех компьютеров одновременно.

В мире существует множество цифровых активов, но самые популярные это BTC (биткоин), Ether (эфир) и Dogecoin (DOGE), раскроем лучше и разберем их доходность.

Биткоин (BTC) — первая и самая известная криптовалюта, децентрализованная цифровая валюта, функционирующая на основе технологии блокчейн. Он не выпускается и не регулируется центральным банком или правительством, а его эмиссия ограничена 21 миллионом монет. Биткоины не привязаны к какому-либо активу, их цена зависит от спроса. Например, в январе 2016 года биткоин стоил 215,90 доллара, а в марте 2023 года — за 23 329 долларов.

Ether (эфир) — это криптовалюта, которую часто называют Ethereum, хотя это не совсем верно. Ether — валюта, а Ethereum — блокчейн-платформа, внутри которой она обращается.Ether используют как платёжное средство внутри платформы и как способ инвестирования. Например, в 2017 году Ether стоил 10,72 доллара, а в 2023 году — 1634,50 доллара.

Dogecoin (DOGE) — смешная криптовалюта. Её символом выступил известный интернет-мем Доге с изображением собаки.С момента выпуска в 2013 году цена Dogecoin практически не менялась несколько лет. Но в 2021 году интерес к монете резко вырос, с тех пор её стоимость сильно колеблется.

В истории криптовалют можно выделить четыре основных этапа. [2]

Первый этап (2009–2012). Добыт первый блок биткоина (генезис-блок). Через пару лет появились первые криптопроекты, BTC начал торговаться на Mt. Gox, а его цена выросла с $1 до $31 — о криптовалюте заговорили массово. Затем биткоин подешевел, и аналитики засомневались в нём, но приток людей со стартап-идеями продолжался. В 2011 году появились первые кошельки, биржи и майнинг-пулы, вышли Litecoin и Namecoin, а Виталик Бутерин стал сооснователем Bitcoin Magazine.

Второй этап (2013–2016). В конце 2012-го BTC начал стремительный рост, и 2 декабря 2013 года обновил максимум — $972. Интерес разработчиков и предпринимателей вырос в десять раз, подключились обычные пользователи. Появились Ethereum и Ripple, стабильно входящие в топ-10; Ethereum стала ведущей децентрализованной площадкой для многих проектов.

Третий этап (2016–2019). Появилось множество перспективных проектов и концепций, включая ICO. Индустрия привлекла мошенников, поэтому значительная часть запусков провалилась. В декабре 2017 года биткоин впервые достиг $20 000. Приток разработчиков и стартаперов продолжался, а в 2018-м наступила «криптозима» — резкий спад рынка.

Четвёртый этап (2020–2023). На фоне пандемии рынок ожил: к концу 2020 года BTC вырос более чем на 300 % — до $17 800. В ноябре 2021-го установлен новый максимум — $67 600, после чего стоимость упала, и цикл повторился.

В настоящее время нет четкого определения криптовалют и единого нормативно-правового акта, который регулирует все возможные операции связанные с ними, что приводит к незащищенности участников рынка. [3] В теории права некоторые рассматривают криптовалюту как имущество, другие как иное имущество, а третьи — как ценные бумаги. Также существует позиция, что криптовалюта не подходит под толкование ст. 128 ГК РФ, не является объектом гражданских прав в рамках данной статьи и необходимо новое соответствующее законодательное регулирование.

Закон напрямую не фиксирует понятие оборота криптоактивов, но заложил нормативную базу для регулирования отношений, связанных с цифровыми платформами. В ГК РФ цифровые права отнесены к объектам гражданских прав, однако цифровые валюты закон обходит стороной. [4]

Многие теоретики и практики не понимают эту конструкцию, не имеющую аналогов в мировой практике: «цифровое право» охватывает только ЦФА и утилитарные цифровые права, игнорируя цифровые валюты, цифровой рубль и токенизированный безналичный рубль. Закон о ЦФА прямо указывает, что цифровая валюта не является цифровым правом, — и это, по мнению автора, ошибка. Криптовалюту логичнее включить в дефиницию цифровых прав и признать имуществом, а уже затем вводить запретительные меры. Это необходимо и для ПОД/ФТ: бороться с отмыванием невозможно в отношении того, что не отнесено к имуществу. Законодательный пробел в ст. 128 ГК РФ нужно устранить, введя дополнительный объект гражданских прав.

Закон о краудфандинге ввёл понятие «утилитарное цифровое право», применимое к токенам. Три закона — о ЦФА, о цифровых правах и о краудфандинге — составили «цифровое ядро», но они плохо совместимы, так как разрабатывались разными группами. Разумнее использовать зонтичное определение «цифровые активы», охватывающее все виды токенов.

На практике цифровая валюта признаётся имуществом в исполнительном производстве, банкротстве и противодействии коррупции. Верховный суд в 2021 году признал криптовалюту имуществом, арбитражные суды используют эту квалификацию в делах о банкротстве. До вступления в силу Закона о ЦФА судьи применяли её исключи-

тельно в утилитарных целях, а остальными законами статус цифровых валют не определён, что создаёт проблемы. [5]

В законе есть противоречия. П. 3 ст. 1 Закона о ЦФА declares, что валюта не является российской или международной расчётной единицей, но биткоин уже признан иностранной денежной единицей рядом стран, так что формулировка неактуальна. Ст. 1 называет цифровые валюты средством платежа и инвестицией, а ст. 14 запрещает принимать их в качестве оплаты товаров и услуг — это противоречие существенно ограничивает использование криптовалюты в России. [6]

Кроме того, криптовалюты популярны среди мошенников и киберпреступников: недостаточное регулирование способствует преступлениям и подрывает доверие рынка. Отдельная проблема — отсутствие единого регулирующего органа: вопросами занимаются несколько госорганов, что порождает конфликты толкований. [7]

Таким образом, криптовалюта — это цифровая (виртуальная) валюта, существующая только в электронном виде, без физической формы. Её главная особенность — децентрализация: она не контролируется государством, банком или организацией.

Литература:

1. Белоусов, Ю. В. Цифровая экономика: понятие и тенденции развития / Ю. В. Белоусов // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2021. — № 1. — С. 45–56.
2. Брилева, А. Д. Правовое регулирование криптовалюты в России: проблемы и перспективы / А. Д. Брилева, А. Е. Камышанова // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 4. — С. 112–115.
3. Говейко, С. Н. Этапы истории развития криптовалют / С. Н. Говейко, О. М. Зинченко // [Название журнала или сборника, где опубликована статья]. — Гомель, 2024. — С. 20–25.
4. Запорожан, А. Я. Эволюция финансового рынка. Криптовалюта / А. Я. Запорожан // Управленческое консультирование. — 2018. — № 5. — С. 78–85.
5. Коржова, И. В. История развития научных представлений о криптоактивах / И. В. Коржова // Российское право: образование, практика, наука. — 2022. — № 6 — С. 30–36.
6. Плотникова, Т. В. Криптовалюта: эволюция становления и перспектива развития / Т. В. Плотникова, В. В. Харин // [Название журнала]. — 2021. — № 28. — С. 15–22.
7. Шилов, К. Д. Эволюция криптовалюты биткоин как финансового актива / К. Д. Шилов, А. В. Зубарев // Финансы: теория и практика. — 2021. — Т. 25, № 19. — С. 90–104.

Исковая давность в гражданском праве: сущность, условия и проблемы правоприменения

Педченко Владимир Михайлович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуются правовая природа и основания применения исковой давности, а также спорные вопросы её применения к требованиям о возмещении вреда, причиненного действиями (бездействием) должностных лиц органов принудительного исполнения. На основе мониторинга правоприменения ст. 122 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» во взаимосвязи со ст. 196, 199, 200, 1064 и 1069 ГК РФ показано отсутствие единообразия судебной практики в вопросе о влиянии пропуска срока обжалования на установление незаконности действий должностного лица в рамках деликтного иска. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и правоприменения.

Ключевые слова: *исковая давность, правовая природа срока, деликтная ответственность, убытки, вред, причиненный государственными органами, исполнительное производство, судебный пристав-исполнитель.*

Введение

Нормы главы 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) устанавливают временные пределы судебной защиты нарушенных прав и служат целям правовой определенности и устойчивости оборота [1]. Современное регулирование разъяснено в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (в ред. от 22.06.2021) [7]; с 1 сентября 2023 года впервые начало применяться десятилетнее объективное ограничение, породив новые доктринальные и практические вопросы [33]. Особую остроту проблема сроков приобретает при защите прав от неправомерных действий публичной власти: потерпевший обязан соблюдать как срок исковой давности (ст. 196, 200 ГК РФ), так и срок обращения в суд (ч. 4 ст. 198 АПК РФ [3], ч. 3 ст. 219 КАС РФ

[4]), а пропущенный срок обжалования действий судебного пристава-исполнителя нередко влияет на оценку их законности в рамках деликтного иска. Статья подготовлена на основе мониторинга правоприменения ст. 122 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее — Закон), проведенного по методике, утвержденной постановлением Правительства РФ от 02.08.2023 № 1259 [6]. Цель работы — определить правовую природу исковой давности и наметить пути разрешения выявленного противоречия регулирования и практики.

1. Правовая природа исковой давности

Статья 195 ГК РФ определяет исковую давность как срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. В доктрине нет единства в её понимании: одни авторы рассматривали давность как срок существования субъективного права, другие — как срок действия права на иск. Господствующей является позиция, согласно которой исковая давность есть срок реализации права на защиту в принудительном порядке: истечение срока не прекращает субъективного права, а лишь лишает его судебной защиты, о чем косвенно свидетельствуют п. 2 ст. 199 и ст. 206 ГК РФ [29, 30]. М. Я. Кириллова и П. В. Крашенинников подчеркивают, что исковая давность устанавливает временные пределы судебной защиты нарушенного субъективного права [29]. Конституционный Суд РФ указывал, что назначение давностных сроков — обеспечение устойчивости правового порядка и недопустимость постановления лица под угрозу обременения на неопределенно длительное время [11]. Существенен и императивный характер института: нормы гл. 12 ГК РФ не могут быть изменены соглашением сторон (ст. 198 ГК РФ). Процессуальным следствием материально-правовой природы давности является заявительный порядок её применения: суд применяет давностные нормы только по заявлению стороны в споре и лишь до вынесения решения (п. 2 ст. 199 ГК РФ, п. 10 постановления Пленума № 43) [7].

Действующая модель двухуровневая: субъективный общий срок составляет три года (п. 1 ст. 196 ГК РФ) и течет со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении права; объективный (предельный) срок составляет десять лет со дня нарушения и восстановлению не подлежит (п. 2 ст. 196, п. 2 ст. 200 ГК РФ) [1]. Поскольку десятилетний срок начинает течь не ранее 1 сентября 2013 года, его применение стало возможным лишь с 1 сентября 2023 года; в доктрине при этом фиксируются нерешенные вопросы: допустимость перерыва предельного срока действиями по признанию долга, невозможность его восстановления в интересах малолетних [33].

2. Основания и порядок применения исковой давности

Основанием применения давности выступает совокупность фактов: наличие нарушенного права и требования о защите, истечение срока к моменту решения и сделанное до этого заявление стороны; бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих об истечении срока, несет сторона, заявившая о пропуске (п. 10 постановления Пленума № 43) [7]. Начало течения срока определяется по моменту осведомленности: лицо должно узнать не только о нарушении, но и о надлежащем ответчике (п. 1 ст. 200 ГК РФ) [1, 7]. Для деликтных обязательств (гл. 59 ГК РФ) это означает, что давность течет с момента, когда потерпевший узнал о причинении вреда и его причинителе, а не с момента официальной констатации незаконности действий причинителя компетентным органом. Течение срока может быть приостановлено (ст. 202 ГК РФ), прервано признанием долга (ст. 203 ГК РФ) и восстановлен по уважительным причинам, возникшим в последние шесть месяцев срока (ст. 205 ГК РФ); на требования, перечисленные в ст. 208 ГК РФ, давность не распространяется [1, 7]. Истечение срока служит самостоятельным основанием отказа в иске (п. 2 ст. 199 ГК РФ).

3. Исковая давность и процессуальные сроки: спорный вопрос о соотношении

Наиболее отчетливо спорные вопросы проявляются в делах о возмещении вреда, причиненного действиями (бездействием) должностных лиц. В силу ст. 1064, 1069 ГК РФ лицо, требующее возмещения, должно доказать наступление вреда, противоправность поведения причинителя, причинную связь, вину и размер убытков; отсутствие хотя бы одного элемента состава исключает ответственность [2, 31]. Заинтересованные лица вправе как обжаловать постановления, действия (бездействие) должностных лиц службы судебных приставов, так и взыскать убытки, причиненные исполнительными действиями и мерами принудительного исполнения (ст. 119, 122 Закона) [5]; жалоба в суд подается в течение десяти дней со дня вынесения постановления, совершения действия либо установления факта бездействия (ч. 4 ст. 198 АПК РФ, ч. 3 ст. 219 КАС РФ) [3, 4]. Пропуск срока без уважительных причин — самостоятельное основание для отказа в удовлетворении заявления [11, 12], при этом Конституционный Суд РФ связывает установление таких сроков с необходимостью обеспечить стабильность публичных правоотношений: вопрос о причинах пропуска решается судом после возбуждения дела, а при уважительности причин срок подлежит восстановлению [11].

Ключевая позиция сформулирована в п. 7 постановления Пленума ВАС РФ от 16.05.2014 № 27 и п. 4 информационного письма Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 № 145 и воспроизведена в п. 82 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50: тот факт, что постановление, действия (бездействие) пристава не были признаны в судебном порядке недействительными, сам по себе не является основанием для отказа в иске о возмещении вреда; законность этих действий суд оценивает при рассмотрении иска [8, 9, 10]. Предварительное оспа-

ривание для целей деликтного иска, таким образом, не обязательно.

Вместе с тем мониторинг правоприменения выявил отсутствие единообразия практики по вопросу о влиянии пропуска срока, установленного ст. 122 Закона, на исход деликтного иска. Сложились три подхода. Первый: пропуск срока исключает признание действия (бездействия) и постановления незаконным, а значит, невозможность взыскания ущерба ввиду отсутствия условий ст. 1064, 1069 ГК РФ (решение Арбитражного суда Тюменской области по делу № А70–7374/2012) [25]. Второй: ст. 122 устанавливает срок обращения в суд с заявлением об оспаривании, а не срок оценки действий пристава, поэтому законность последних оценивается в деликтном иске независимо от пропуска срока (постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 01.04.2014 № Ф02–1018/14) [26]. Третий: незаконные действия отождествляются с виной должностного лица, что исключает довод о пропуске срока: Ленинский районный суд г. Тюмени по делам № 2–4477/2014 и № 2–7100/2015 указал, что неоспаривание действий пристава само по себе не свидетельствует об отсутствии его вины, а суд вправе самостоятельно оценить действия должностного лица для разрешения вопроса о возложении на государство ответственности за причиненный вред [27].

Как представляется, положения ст. 122 Закона по своей правовой природе являются специальным сроком исковой давности, что подтверждается сходством формулировок со ст. 196 ГК РФ и совпадением последствий истечения. Однако ст. 122 формально устанавливает лишь срок реализации права на административное обжалование и в силу этого не распространяется на исковое производство о взыскании ущерба. Этот разрыв и обусловливает выявленную непоследовательность практики; разъяснений о возможности оценки законности действий (бездействия), постановлений должностных лиц в случае пропуска заявителем срока ст. 122 Закона при рассмотрении иска о взыскании ущерба в актах толкования не содержится [6]. Следовательно, налицо пробел регулирования, требующий устранения в актах толкования права и на уровне закона.

4. Исковая давность в актуальной судебной практике

Верховный Суд РФ за последние пять лет последовательно исходит из того, что деликтная ответственность государства за действия (бездействие) пристава не зависит от их предварительного оспаривания. В определении от 10.06.2022 № 306-ЭС22–866 по делу № А12–28997/2020 кассационный суд необоснованно отказал во взыскании убытков по ст. 395 ГК РФ, ссылаясь на административно-властный характер отношений с ФССП; Верховный Суд напомнил, что по делам о возмещении вреда суд должен установить факт вреда, вину причинителя и причинно-следственную связь, а проценты по ставке рефинансирования по своей сути являются минимальным размером убытков, причиненных незаконным бездействием службы [13]. Идея закреплена и в п. 10 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2023): убытки, причиненные кредитору неправомерным перечислением пристава денежных средств должнику при остатке задолженности, возмещает ФССП России [14]. В определении от 22.11.2022 № 5-КГ22–111-К2 указано: если пристав не исполнил документ за счет имевшихся у должника средств или имущества, оказавшихся впоследствии утраченными, на истца не может быть возложена обязанность доказывать отсутствие у должника иного имущества [15]; тот же подход подтвержден в определении от 26.09.2023 № 67-КГ23–10-К8, где бездействие пристава повлекло взыскание убытков за счет казны РФ [16].

Типичные деликты систематизированы практикой и доктриной: перечисление средств на счет неизвестного лица или в погашение чужого долга [17], списание со счета лица, не являющегося должником [17, 18], утрата возможности взыскания за счет имущества должника [18]. Окружная практика устойчиво взыскивает убытки за несвоевременное перечисление взыскателю присужденных средств (постановление АС Волго-Вятского округа от 05.04.2024 по делу № А82–2093/2023) [19], реализацию имущества ниже рыночной стоимости (постановление АС Уральского округа от 17.07.2024 по делу № А50–18619/2023) [20], неисполнение решений в целом (постановления АС Дальневосточного округа от 13.08.2024 по делу № А51–12712/2023 [21] и Уральского округа от 15.09.2023 по делу № А60–67448/2022 [22]). В судах общей юрисдикции схожие позиции: Ульяновский областной суд в определении от 24.01.2023 по делу № 33–435/2023 взыскал убытки в виде неполученных процентов по срочному вкладу, причиненные преждевременным обращением взыскания на денежные средства должника [23]. Сохраняются и позиции об отказе в иске: само по себе решение о признании действий пристава незаконными не влечет его ответственности при недоказанности совокупности условий ст. 15, 1064, 1069 ГК РФ (апелляционное определение Ростовского областного суда от 11.10.2022 по делу № 33–17082/2022) [24]; в иске будет отказано, если пристав докажет, что принял в разумных пределах все необходимые и достаточные меры для законного исполнения [31].

В аспекте исковой давности практика выработала два подхода. Первый: момент начала течения трехлетнего срока по требованиям к казне определяется осведомленностью истца о нарушении, а не датой признания действий незаконными. Так, в постановлении ФАС Северо-Кавказского округа от 02.12.2009 по делу № А01–2187/2008 общество узнало о нарушении права ранее вынесения окончательного судебного акта по делу об оспаривании бездействия приставов, поэтому исчисление давности с даты признания бездействия незаконным признано необоснованным, а требование, заявленное с пропуском трехлетнего срока, отклонено в силу ст. 199, 200 ГК РФ [28]. Второй подход касается длящихся убытков:

при длительном неперечислении взыскателю денежных средств проценты по ст. 395 ГК РФ признаются минимальным размером убытков, при этом давность исчисляется по каждому периоду отдельно [13, 14]. Сочетание подходов образует сбалансированную модель, однако её предсказуемость снижается из-за спора о соотношении давности и срока обжалования, рассмотренного в части 3 настоящей статьи.

5. Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, исковая давность — институт материального права, устанавливающий срок принудительной реализации права на защиту; её применение носит заявительный характер, а истечение влечет отказ в иске. Во-вторых, особенности применения давности в деликтных обязательствах из деятельности публичной власти обусловлены сочетанием материального (ст. 196, 200, 1064, 1069 ГК РФ) и процессуального (ст. 122 Закона, ч. 4 ст. 198 АПК РФ, ч. 3 ст. 219 КАС РФ) сроков, соотношение которых законодательно не определено. В-третьих, Верховный Суд РФ последовательно обосновывает возможность установления законности действий (бездействия) должностного лица непосредственно в рамках деликтного иска, что оставляет открытым вопрос о юридическом значении пропуска срока обжалования.

В целях устранения выявленной неопределенности представляется необходимым: во-первых, разъяснить в актах толкования права необходимость применения положений ст. 122 Закона при рассмотрении исковых заявлений о взыскании ущерба; во-вторых, дополнить ст. 122 Закона абзацем следующего содержания: «Положения настоящей статьи распространяются также на применение сроков исковой давности при рассмотрении исковых заявлений о взыскании ущерба, причиненных должностными лицами службы судебных приставов в результате совершения исполнительных действий и (или) применения мер принудительного исполнения». Использование термина «ущерб», а не «убытки» (как в ч. 2 ст. 119 Закона) объясняется его широким значением: формулировка объемлет не только убытки, но и требования о возмещении морального вреда и иные компенсационные выплаты [5]. В-третьих, целесообразно закрепить правило о раздельном исчислении давности по требованиям о возмещении длящихся убытков, ориентируя суды на разумный баланс между стабильностью публичных правоотношений и полнотой судебной защиты. Реализация предложенных мер устранит неопределенность регулирования и обеспечит единообразие практики.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с посл. изм.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (с посл. изм.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (с посл. изм.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (с посл. изм.) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
5. Об исполнительном производстве: федер. закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (с посл. изм.) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
6. Об осуществлении мониторинга правоприменения в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 02.08.2023 № 1259 // Официальный интернет-портал правовой информации, 11.08.2023.
7. О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 (в ред. от 22.06.2021) // Российская газета. 2015. 5 окт.
8. О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 (с посл. изм.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 1.
9. О некоторых вопросах применения законодательства об исполнительном производстве: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.05.2014 № 27 // Вестник ВАС РФ. 2014. № 7.
10. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 31.05.2011 № 145 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 8.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 18.11.2004 № 367-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти и их должностных лиц: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 2 // Российская газета. 2009. 12 февр.
13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 10.06.2022 № 306-ЭС22–866 по делу № А12–28997/2020.

14. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2023): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 05.07.2023.
15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22.11.2022 № 5-КГ22–111-К2.
16. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.09.2023 № 67-КГ23–10-К8.
17. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12.07.2021 № 5-КГ21–45-К2.
18. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.05.2021 № 16-КГ21–4-К4.
19. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05.04.2024 по делу № А82–2093/2023.
20. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 17.07.2024 по делу № А50–18619/2023.
21. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.08.2024 по делу № А51–12712/2023.
22. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.09.2023 по делу № А60–67448/2022.
23. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 24.01.2023 по делу № 33–435/2023 (33–5871/2022).
24. Апелляционное определение Ростовского областного суда от 11.10.2022 по делу № 33–17082/2022.
25. Решение Арбитражного суда Тюменской области по делу № А70–7374/2012 (ЗАО «Восход-Бейкер» против старшего судебного пристава и Российской Федерации в лице ФССП России).
26. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 01.04.2014 № Ф02–1018/14 по делу № А58–4978/2012.
27. Решение Ленинского районного суда г. Тюмени от 27.06.2014 по делу № 2–4477/2014 (с учетом апелляционного определения от 24.09.2014); решение от 25.08.2015 по делу № 2–7100/2015.
28. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 02.12.2009 по делу № А01–2187/2008.
29. Кириллова М. Я., Крашенинников П. В. Сроки в гражданском праве. Исковая давность. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2017. — 272 с.
30. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1. Общая часть / отв. ред. Е. А. Суханов. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2019.
31. Казаков А. О. Взыскание убытков за нарушения, допущенные судебным приставом-исполнителем на стадии исполнительного производства // Ex jure. 2024. № 2. С. 22–36.
32. Дедюева М. В. Вопросы возмещения гражданину вреда с государства — Российская Федерация в лице ФССП России — в судебной практике // Российский судья. 2020. № 5. С. 9–14.
33. Дудина А. Н. Объективный срок исковой давности в гражданском судопроизводстве: современные проблемы применения // Вестник магистратуры. 2025.

Защита прав предпринимателей: правовые средства, способы и формы

Петричева Василина Павловна, студент
Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета

Отечественное законодательство, затрагивающее нормы предпринимательской деятельности, является динамичным. В 2019 г. в правовой среде произошло значимое событие — начал функционировать институт самозанятости. В научных кругах их причисляют к субъектам предпринимательской деятельности. Следовательно, еще одна группа физических лиц, как субъекты бизнеса, нуждается в защите прав и законных интересов. Научное исследование направлено на анализ правовых средств, способов и форм защиты прав предпринимателей. В данной статье раскрывается понятие «предпринимательская деятельность», проводится статистический анализ по количеству и численности субъектов коммерческой деятельности за 2023–2025 гг., описывается правовой инструментарий, формы и способы защиты прав и законных интересов бизнесменов.

Ключевые слова: *бизнес, защита прав, индивидуальный предприниматель, правовые средства, предпринимательская деятельность, самозанятый, способы, формы, физические лица, юридические лица.*

Protection of entrepreneurs' rights: legal means, methods, and forms

Domestic legislation concerning the norms of entrepreneurial activity is dynamic. In 2019, a significant event occurred in the legal environment — the institution of selfemployment began to operate. In academic circles, selfemployed individuals are considered to be subjects of entrepreneurial activity. Consequently, another group of individuals, as business entities, needs protection of their rights and legitimate interests. The scientific research is aimed at analyzing the legal means, methods and forms of protecting the rights of entrepreneurs. This article defines the concept of «entrepreneurial activity», provides a statistical analysis of the number and volume

of commercial entities, and describes the legal tools, forms, and methods for protecting the rights and legitimate interests of businesspeople.

Key words: *business, protection of rights, individual entrepreneur, legal means, entrepreneur, entrepreneurial activity, selfemployed, methods, forms, natural persons, legal entities.*

Цель настоящей статьи заключается в исследовании проблемы защиты прав и законных интересов предпринимателей. Для решения поставленной цели важно рассмотреть следующие задачи: 1) раскрыть дефиницию правовых категорий «предприниматель» и «предпринимательская деятельность»; 2) провести статистический анализ динамики количества и численности субъектов предпринимательской деятельности в России за 2023–2025 гг.; 3) исследовать правовые средства, способы и формы защиты прав юридических и физических лиц, зарегистрированных в качестве предпринимателей.

Научное изыскание начнем с решения первой поставленной задачи, т. е. раскроем концептуальный аппарат.

Современное становление предпринимательства в России проявилось на стыке перестройки в 90-е годы. В тот же период зарождается законодательство, регламентирующее основы предпринимательства. Вместе с развитием правовой мысли, происходит теоретическое изучение понятийного аппарата цивилистами и современными исследователями.

В отечественном гражданском законодательстве нет нормы, которая бы гласила о юридической категории «предприниматель». Однако в учебной и научной литературе указанный термин широко освещен. Так, С. М. Леонтьева повествует: «Под предпринимателем понимался арендатор, человек, ведущий общественное строительство» [1].

На законодательном уровне закреплен юридический термин «предпринимательская деятельность». Так, статья 2 Гражданского кодекса Российской Федерации гласит: «Предпринимательская деятельность — самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг» [2].

В свою очередь, изучаемый термин раскрыт в работах современных цивилистов. Например, Е. В. Гужова определяет предпринимательскую деятельность как самостоятельную, рискованную деятельность, цель которой — регулярное получение прибыли от использования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке [3, с. 258].

Автору статьи близка концептуальная позиция Е. Т. Арсланова и С. Н. Тагаевой в части определения о предпринимательской деятельности, которое звучит следующим образом. Предпринимательская деятельность — это самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг, сопряженная с использованием информационных (цифровых) технологий [4, с. 422]. Представленное определение соответствует развитию современного общества, т. к. содержит упоминание о внедрение цифровых технологий в предпринимательскую деятельность. На наш взгляд, определение, представленное в рамках закона и закреплено в Гражданском кодексе Российской Федерации, устарело, т. к. оно не учитывает цифровизацию бизнеса.

Далее решим вторую задачу нашего исследования и проведем статистический анализ динамики количества и численности субъектов предпринимательской деятельности в Российской Федерации за период 2023–2025 гг.

В свою очередь, под субъектами предпринимательства следует понимать бизнес-структуру в виде юридических лиц, а также определенные категории физических лиц, например, индивидуальных предпринимателей, но и физических лиц, применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» — самозанятых [5, с. 154].

Динамику количества и численности субъектов предпринимательской деятельности в Российской Федерации за период 2023–2025 гг. наглядно представим в таблице 1.

Таблица 1. **Динамика количества и численности субъектов предпринимательской деятельности в Российской Федерации за период 2023–2025 гг. [6; 7]**

Наименование	Ед. изм.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Количество юридических лиц, зарегистрированных Федеральной налоговой службой России и числящихся в Едином государственном реестре юридических лиц	шт.	2 285 855	2 260 035	2 196 359
Самозанятые граждане, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный режим»	чел.	9 278 730	12 171 657	15 427 133
Индивидуальные предприниматели	чел.	4 061 916	4 328 500	4 633 768

Данные таблицы 1 свидетельствуют о ежегодном росте численности субъектов бизнеса в качестве индивидуальных предпринимателей. Так, в 2024 г. индивидуальных предпринимателей стало больше на 266 584 чел. (6,6 %) по сравнению с 2023 г. В 2025 г. наблюдается рост численности данных субъектов бизнеса на 305 268 чел. (7,1 %) по отношению к 2024 г.

Наблюдается рост численности самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный режим» к концу 2025 г. В 2024 г. рост самозанятых составил 2 892 927 чел. (31,2 %) к 2023 г. В 2025 г. увеличение самозанятых граждан составило 3 255 476 чел. (26,7 %) к 2024 г. Положительная тенденция к росту количества самозанятых в 2026 г. продолжается. Так, по состоянию на 31 октября 2026 г. самозанятых граждан в России было зарегистрировано 17 954 880 чел., в том числе: физические лица — 16 991 284 чел., индивидуальные предприниматели — 963 596 чел.

Анализ статистических данных показал, что количество юридических лиц ежегодно снижается, что является отрицательной тенденцией. Уменьшение количества юридических лиц обусловлено началом специальной военной операции на Украине; введением санкций против нашего государства и потеря зарубежных партнеров; причины экономического характера, в результате чего предприятия закрываются, в том числе объявляя себя банкротами. В 2024 г. численность юридических лиц уменьшилась на 1,1 % к 2023 г.; в 2025 г. наблюдается снижение количества юридических лиц на 2,8 % к 2024 г.

Таким образом, анализ статистических данных показал, что количество субъектов предпринимательской деятельности ежегодно увеличивается. Это свидетельствует о том, что с каждым годов все больше участников бизнеса будут нуждаться в защите своих прав и законных интересов.

В России государство гарантирует и защищает права и законные интересы лиц, занимающихся бизнесом. Т. Г. Чебоньяна и С. А. Григорянца указывают, что права коммерсантов — набор разрешений, предоставляемых им для определения условий ведения бизнеса. Главное предназначение этих прав обусловлены обеспечением свободы и защите интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность на протяжении всего процесса ведения бизнеса [8].

В систему прав и законных интересов входят следующие права субъектов бизнеса: конституционные, налоговые, предпринимательские права. Система включает в себя законные интересы, т. е. не просто формальные права, а реальные потребности и ожидания бизнеса, которые государство признаёт и защищает: и**нтерес субъектов бизнеса в стабильности правового режима**; интерес в доступе к ресурсам, например, инфраструктура, земля, займы на выгодных условиях и т. д.; и**нтерес в доступе к информации** о планируемых проверках, новых нормативных актах, которые могут повлиять на бизнес.

В научной литературе указано, что защита представляет собой деятельность, нацеленная на устранение препятствий в реализации прав и свобод, и на борьбу со злоупотреблением правом [9, с. 305]. А. Е. Борилова, утверждает, что защита прав и законных интересов бизнесменов — это особый комплекс и баланс, установленных в правовом порядке инструментов, созданных для признания и восстановления нарушенных прав и интересов исследуемой группы субъектов [10, с. 165]. Концепция А. И. Зуйкова гласит так: «Для защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательства функционирует целая система порядков защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, включающая в себе различные порядки и способы защиты прав, дополняющих или заменяющих друг друга» [11, с. 493].

Гражданское право предусматривает материально-правовые и процессуальные способы защиты права предпринимателей:

– материально-правовой способ — объединение правил, ориентированных на защиту прав хозяйствующих субъектов, которые осуществляются на основе норм материального права;

– процессуальный способ — совокупность законно установленных процедур, обеспечивающих защиту прав предпринимателей в ходе самого процесса разрешения спора

Выделяют следующие формы защиты прав предпринимателей:

– неюрисдикционная форма защиты — совокупность регламентируемых законом и (или) не запрещенных им процедур, направленных на пресечение правонарушения и восстановление нарушенных прав самостоятельно, без привлечения третьих лиц: самозащита, претензия (досудебная форма защиты), медиация, переговоры;

– юрисдикционная форма — совокупность законных мероприятий, ориентированных на устранение нарушения закона и восстановление нарушенных прав бизнесменов путем обращения в уполномоченный орган. К данной форме относят: суд (общей юрисдикции, арбитражный), административная защита, третейский суд [12, с. 86].

К правовым средствам защиты прав предпринимателей относят: пресекательные, восстановительные, штрафные. Указанные средства защиты субъектов предпринимательства напрямую восстанавливают нарушенное право или воздействуют на нарушителя.

Иногда защиту обеспечивают не только судебные или внесудебные инструменты, но и специальные институты. К примеру, при нарушениях со стороны контролирующих органов можно опираться на профильное законодательство (федеральный закон № 294-ФЗ о защите прав при госконтроле) [13].

Предприниматели могут реализовать свое право на защиту через институт уполномоченного по защите прав предпринимателей. Е. С. Плахова консолидировала нормы права и сформировала структуру механизма обращения к уполномоченным по защите прав субъектов предпринимательства: обращение в виде жалобы в пись-

менной форме; обращение в виде жалобы в форме электронного документа; обращение в виде ходатайства о запросе определенных документов и материалов в конкретных органах государственной власти и управления в письменной форме или форме электронного документа; обращение в виде предложений по совершенствованию законодательства по предпринимательству [14].

Таким образом, защита прав предпринимателей — это система, включающая в себя правовые средства и инструменты, способы и формы защиты, которые способствуют признавать и восстанавливать нарушенные права или пресекать незаконные действия. Защита прав предпринимателей осуществляется в строгом соответствии с нормами закона.

Литература:

1. Леонтьева, С. М. Концептуальные подходы к определению «предпринимательство»: исторический аспект / С. М. Леонтьева // Дневник науки. — 2025. — № 1. — URL: https://kontur.ru/articles/4818 (дата обращения: 16.11.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. 10.06.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
3. Гужова, Е. В. Актуальные вопросы правового регулирования предпринимательской деятельности, пути решения / Е. В. Гужова // Вестник науки. — 2025. — Т. 3. — № 1 (82). — С. 257–264.
4. Арсланов, К. Т., Тагаева, С. Н. Цифровое предпринимательство: понятие специфика и риски правового регулирования / К. Т. Арсланов, С. Н. Тагаева // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. — 2026. — Т. 12 (78). — № 1. — С. 420–230.
5. Алькова, М. А. К вопросу о понятии субъекта малого и среднего предпринимательства и содержании его специальной предпринимательской правосубъектности / М. А. Алькова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2026. — № 1 (168). — С. 148–155.
6. Статистические данные. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, сведения о которых содержаться в Едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба Российской Федерации. — 2026. — 28 октября. — URL: https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html?t=1794600261687 (дата обращения: 08.11.2026).
7. Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный режим» // Федеральная налоговая служба Российской Федерации. — 2026. — 28 октября. — URL: https://rmsp. nalog.ru/statistics2.html?t=1794600261687 (дата обращения: 30.09.2026).
8. Чебоньян, Т. Г., Григорянц, С. А. Права субъектов предпринимательства: понятие и сущность / Т. Г. Чебоньян, С. А. Гргорянц // Международный научно-исследовательский журнал. — 2026. — № 1 (163). — С. 1–5.
9. Абрамов, Н. А. Защита права на предпринимательскую деятельность: теоретический аспект / Н. А. Абрамов // Молодой ученый. — 2023. — № 3 (450). — С. 304–306.
10. Борилова, А. Е. Актуальные вопросы защиты прав и интересов субъектов предпринимательской деятельности / А. Е. Борилова // Молодой ученый. — 2025. — № 47 (598). — С. 165–167.
11. Зуйков, А. И. Система порядков защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности / А. И. Зуйкова // Молодой ученый. — 2024. — № 49 (548). — С. 491–493.
12. Мещерякова, А. Ф. Защита юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: учебник / А. Ф. Мещерякова. — Пенза: Издательство ПГУ, 2021. — 356 с.
13. Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (ред. 20.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2008. — № 52 (часть I). — Ст. 6249.
14. Плахова, Е. С. Правовой анализ обращения к уполномоченному по защите прав предпринимателей как способа защиты прав субъектов предпринимательской деятельности / Е. С. Плахова // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 2. — С. 39–48.

Причинение смерти по неосторожности: уголовно-правовая и криминологическая характеристика, проблемы предупреждения бытовой и профессиональной неосторожной преступности

Пехота Ксения Дмитриевна, студент магистратуры
Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)

В статье рассматриваются вопросы квалификации, криминологической детерминации и профилактики причинения смерти по неосторожности в бытовой и профессиональной сферах. Сформулированы конкретные направления совершенствования правового регулирования и предупредительной практики.

Ключевые слова: *причинение смерти по неосторожности, преступное легкомыслие, преступная небрежность, профессиональные обязанности, бытовая неосторожность, криминологическая профилактика, Уголовный кодекс Российской Федерации.*

Causing death by negligence: criminal law and criminological characteristics, problems of preventing domestic and professional negligent crime

The article examines the qualification, criminological determination, and prevention of causing death by negligence in domestic and professional spheres. Specific directions for improving legal regulation and preventive practice are formulated.

Keywords: *causing death by negligence, criminal frivolity, criminal carelessness, professional duties, domestic negligence, criminological prevention, Criminal Code of the Russian Federation.*

Охрана жизни человека закреплена в качестве приоритетной задачи уголовного законодательства. Современный этап развития общества характеризуется усложнением производственных процессов, ростом плотности городской среды и широким распространением технических устройств в повседневном быту. В этих условиях несоблюдение элементарных правил предосторожности или профессиональных регламентов нередко приводит к необратимым последствиям в виде гибели людей. Высокая общественная опасность подобных деяний обусловлена не умыслом виновного, а тяжестью наступившего результата, что требует точной юридической оценки и выработки адресных мер криминологического предупреждения.

Уголовно-правовая характеристика данного преступления строится на анализе признаков его состава. Непосредственным объектом посягательства выступает жизнь человека, охраняемая законом с момента начала физиологических родов до наступления биологической смерти. Объективная сторона выражается в противоправном действии либо бездействии, нарушающем общие или специальные правила безопасности, наступлении смерти потерпевшего и наличии прямой причинно-следственной связи между допущенным нарушением и летальным исходом [2, с. 84]. Отсутствие прямой связи исключает ответственность по указанной норме и переводит событие в разряд несчастных случаев.

Субъективная сторона характеризуется исключительно неосторожной формой вины, которая проявляется в виде преступного легкомыслия (самонадеянности) или преступной небрежности. При легкомыслии лицо предвидит абстрактную возможность наступления смерти от своих действий, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывает на ее предотвращение. При небрежности субъект не предвидит возможности гибели потерпевшего, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог ее предвидеть [3, с. 112]. Разграничение данных видов вины с косвенным умыслом и невиновным причинением вреда (казусом) представляет собой одну из ключевых задач правоприменительной практики.

Российский законодатель выделил ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей в самостоятельный квалифицирующий состав (ч. 2 ст. 109 УК РФ), что позволяет отграничивать бытовую неосторожность от дефектов оказания медицинской помощи, строительных и иных работ [1].

Криминологическая характеристика неосторожной преступности, сопряженной с причинением смерти, существенно отличается от структуры умышленных насильственных посягательств. Для личности неосторожного преступника не свойственна устойчивая антисоциальная установка. Как правило, это социально адаптированные граждане, не имеющие судимости, положительно характеризующиеся по месту работы и жительства [4, с. 47]. Главным криминогенным фактором выступает дефект правосознания, выражающийся в пренебрежительном отношении к правилам безопасности, привычке к риску и переоценке собственного опыта. Детерминанты бытовой и профессиональной неосторожности имеют различную природу. В бытовой сфере ключевую роль играют низкая культура безопасности при обращении с огнем, бытовым газом, электроприборами, оружием, а также состояние

алкогольного опьянения, снижающее критичность восприятия обстановки [5, с. 91]. Нередко трагический исход провоцируется виктимным поведением самого потерпевшего. В профессиональной сфере основной причиной выступает несоблюдение технологической дисциплины, дефицит квалифицированных кадров, формальный подход к проведению инструктажей и изношенность производственного оборудования.

Проблемы предупреждения неосторожной преступности связаны с тем, что классические меры уголовно-правового устрашения здесь обладают ограниченной эффективностью, поскольку виновный не планирует преступление заранее. В связи с этим профилактика должна носить комплексный, опережающий характер и разделяться по сферам возникновения рисков:

В сфере бытовой неосторожности необходимы регулярные технические проверки внутридомового газового и электрического оборудования, внедрение обязательных систем автоматического контроля утечек газа и задымления в жилом секторе, ужесточение контроля за оборотом гражданского оружия и проведением охоты, а также системное правовое просвещение населения по вопросам безопасного поведения в быту и на воде [5, с. 94].

В сфере профессиональной неосторожности первостепенное значение имеют цифровизация контроля за соблюдением техники безопасности на опасных объектах, регулярная независимая аттестация специалистов, внедрение стандартизированных клинических протоколов в здравоохранении и исключение практики формального допуска работников без реальной проверки навыков [4, с. 52].

Таким образом, эффективное противодействие причинению смерти по неосторожности требует сочетания точной уголовно-правовой квалификации и адресных криминологических мер. Приоритетным направлением предупредительной политики должно оставаться устранение технических и организационных условий, создающих угрозу жизни человека в повседневной жизни и трудовой деятельности.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Бородин С. В. Преступления против жизни. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — 467 с.
3. Рарог А. И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. — М.: Профобразование, 2001. — 133 с.
4. Тяжкова И. М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. — 278 с.
5. Квашис В. Е. Основы виктимологии. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений. — М.: NOTA BENE, 1999. — 280 с.

Заключение под стражу: обоснование рисков и оценка возможности применения более мягкой меры пресечения

Пономарева Елизавета Андреевна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье рассматриваются основания избрания меры пресечения в виде заключения под стражу через призму оценки рисков: сокрытия от следствия и суда, продолжения преступной деятельности, оказание давления на участников процесса, уничтожения доказательств. На основе анализа норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41, правовых позиций Верховного и Конституционного Судов России и судебной практики предложены критерии оценки возможности применения более мягких мер пресечения — домашнего ареста, запрета определённых действий, залога. Практическая значимость работы состоит в разработке матрицы критериев выбора меры пресечения с градацией рисков и рекомендаций по усилению мотивировки судебных решений.

Ключевые слова: *заключение под стражу, мера пресечения, риски, домашний арест, запрет определённых действий, залог, мотивировка судебного решения, судебная практика, УПК РФ, Пленум ВС № 41.*

Введение

Избрание меры пресечения — один из наиболее значимых этапов уголовного судопроизводства, поскольку напрямую затрагивает конституционное право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции Российской Федерации) [1]. Заключение под стражу, будучи самой строгой мерой, должно применяться только при наличии достаточных оснований и невозможности достижения целей уголовного преследования иными средствами.

Актуальность темы обусловлена большим, по сравнению с другими мерами, количеством рассматриваемых судами ходатайств об избрании/продлении меры пресечения в виде заключения под стражу, а также необходимости детальной проработки качества мотивировки решений о заключении под стражу, а также расширением практики применения альтернативных мер — домашнего ареста, залога, запрета определенных действий. При этом в практике имеется тенденция к избыточному применению заключения под стражу на основании формальных критериев (прежде всего тяжести обвинения), без детальной проработки альтернативных вариантов.

Цель настоящей статьи — выявить типичные риски, служащие основанием для заключения под стражу, и предложить критерии оценки возможности применения более мягких мер на основе актуальной судебной практики.

Статистика Верховного Суда Российской Федерации подтверждает данные доводы [2]. Так по данным статистической отчетности за 2024–2025г.г. за 2025 год году областными и равными им судами, а также районными судами РФ рассмотрено 235,4 тыс. ходатайств об избрании, продлении меры пресечения в виде заключения под стражу; в 2024–246,9 тыс. ходатайств. Из них удовлетворено в 2025 году 219,3 тыс. ходатайств, в 2024 году — 242,2 тыс. ходатайств. В 2025 году в удовлетворении 13,3 тыс. ходатайств об избрании, продлении меры пресечения в виде заключения под стражу отказано, в 2024 году — 13,2 тыс. ходатайств.

К сравнению, областными и равными им судами, а также районными судами РФ ходатайства об избрании и продлении таких мер пресечения как домашний арест, залог, запрет определенных действий, за 2025 год суммарно рассматривались в количестве 50,1 тыс. ходатайств, за 2024 год — 45,8 тыс. ходатайств. Из них суммарно удовлетворено судами за 2025 год 46,2 тыс. ходатайств, за 2024–38,5 тыс. ходатайств. Отказано в удовлетворении в 2025 году в 3,1 тыс. ходатайств, в 2024 году — 2,9 тыс. ходатайств.

Подсчитано автором статьи на основе данных судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024, 2025 гг.

Таким образом, можно с уверенность говорить о том, что мера пресечения в виде заключения под стражу является наиболее часто применяемой мерой пресечения в период предварительного расследования из всех существующих мер пресечения, применяемых по решению суда.

Цифры говорят о том, что удовлетворяемость ходатайств об избрании/продлении меры пресечения в виде заключения под стражей остается стабильно высокой на протяжении последних двух лет. Тогда как, к примеру, ходатайства об избрании залога носили единичный характер — всего 46 обращений за 2025 год и 78 за 2024 год. Альтернативные меры хотя и демонстрируют рост, по масштабам несопоставимы с заключением под стражу, суды по-прежнему удовлетворяют девять из десяти ходатайств следствия о заключении под стражу, что свидетельствует о сохранении практики формальной проверки рисков и недостаточной проработки альтернатив.

Нормативная база и правовые позиции

Правовую основу регулирования мер пресечения составляют нормы Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ) [3]:

— ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации — основания для избрания меры пресечения (наличие достаточных оснований полагать, что обвиняемый может скрыться, продолжить преступную деятельность, угрожать участникам процесса, уничтожить доказательства);

— ст. 99 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации — обстоятельства, учитываемые при избрании меры (тяжесть преступления, личность, возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и др.);

— ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации — специальные правила избрания заключения под стражу.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 41 (с изменениями от 27.05.2025) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» [4] (далее Постановление № 41) подчеркивается необходимость конкретизации рисков, проверки их доказанности и обязательной проработки возможности применения альтернатив.

Опираясь на Постановление № 41 судам при рассмотрении вопросов о мерах пресечения стоит сделать акцент на следующих моментах:

— **Соблюдение баланса** между публичными интересами (расследование, правосудие) и важностью права на свободу личности. Меры, ограничивающие свободу, применяются только тогда, когда более мягкая мера невозможна.

— **Обязательное обсуждение более мягких мер** в каждом случае (домашний арест, залог, запрет определенных действий), даже если стороны не ходатайствуют об этом и независимо от стадии процесса. Отказ должен быть мотивирован: суд обязан указать конкретные обстоятельства, из-за которых более мягкая мера невозможна.

— **Проверка обоснованности подозрения** перед избранием заключения под стражу. Суд проверяет, есть ли в материалах конкретные данные, подтверждающие причастность лица к преступлению (например, застигнут на месте, очевидцы указали, обнаружены следы преступления). Нельзя ограничиваться формальной ссылкой на то, что у следствия есть достаточные данные.

— **Условия для заключения под стражу**. По общему правилу, в отношении лица, подозреваемого в преступлении средней тяжести без применения насилия, заключение под стражу возможно только в исключительных

случаях. При этом наряду с основаниями из ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации должно быть одно из обстоятельств из подп. «а»-«г» п. 1 ч. 1 ст. 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (нет места жительства, личность не установлена, нарушена ранее избранная мера, скрылся от следствия или суда). Для преступлений небольшой тяжести заключение под стражу тоже возможно лишь в исключительных случаях и при наличии особых условий.

— **Особые категории лиц**. В Постановлении № 41 отдельно разъяснены подходы к лицам, в отношении которых по общему правилу заключение под стражу избираться не может: несовершеннолетние, беременные женщины, женщины с малолетними детьми, мужчины — единственные родители малолетних детей, усыновители, опекуны. Исключение — если такое лицо обвиняется в преступлении средней тяжести с применением насилия или в преступлении, прямо указанном в законе.

— **Запрет для отдельных категорий преступлений**. В документе закреплен запрет на заключение под стражу в отношении лиц, обвиняемых в ряде экономических преступлений (например, ч. 5–7 ст. 159, ч. 2 ст. 171 и др.), если эти преступления совершены индивидуальным предпринимателем в связи с предпринимательской деятельностью — при отсутствии специальных обстоятельств из закона.

— **Учет обстоятельств личности**. При рассмотрении ходатайства суд должен учитывать не только тяжесть преступления, но и сведения о личности: возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие факторы.

— **Продление срока**. При рассмотрении ходатайств о продлении срока содержания под стражей суд исходит из того, что обстоятельства, послужившие основанием для первоначального заключения, могли измениться. Если ходатайство подается неоднократно с одной и той же мотивировкой (нужно провести те же следственные действия), суд выясняет причины. Неэффективная организация расследования — повод отказать.

— **Требования к мотивированности решения**. В Постановлении подчеркивается: решение суда должно быть детально обосновано. Нельзя ссылаться в постановлении на доказательства, которые не оглашались и не обсуждались в заседании.

Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ) в своих определениях также неоднократно указывал на требование соразмерности ограничения свободы и необходимости детальной оценки совокупности обстоятельств.

В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2020 года № 6-О [5] подчеркивается: ограничение права на свободу и личную неприкосновенность (в том числе при избрании меры пресечения) должно быть соразмерным. Такой вопрос не может решаться произвольно или лишь на основе формальных условий — суд обязан самостоятельно оценить существенные обстоятельства, соблюдая баланс между публичными интересами правосудия и правами участника процесса.

В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2025 года № 2561-О [6] КС РФ отметил, что возможность и соразмерность ограничения права на свободу подлежат оценке исходя из целого комплекса факторов: тяжести и характера инкриминируемого деяния, сведений о личности подозреваемого или обвиняемого (возраст, состояние здоровья, семейное положение), его поведения в ходе производства по делу, а также из наказания, которое в случае признания виновным может быть назначено и реально отбыто (с учетом институтов освобождения от наказания и смягчения).

Классификация рисков и их доказывание в судебной практике

На основе анализа практики можно выделить четыре основных риска, которые суды используют как основания для заключения под стражу:

Риск скрыться. Подтверждается, например, отсутствием постоянного места жительства, наличием загранпаспорта, попытками покинуть регион, отсутствием работы или источников дохода, сведениями о наличии имущества/связей за рубежом.

Риск продолжения преступной деятельности. Чаще обосновывается судимостью, рецидивом, характером инкриминируемого деяния, наличием криминальных связей, отсутствием социальной адаптации.

Риск оказания давления на участников процесса. Доказывается угрозами, попытками контакта с потерпевшими/свидетелями, наличием рычагов влияния (в том числе по должности), сведениями о попытках подкупа или запугивания.

Риск уничтожения или сокрытия доказательств. Подтверждается попытками уничтожить носители информации, удалить переписку, скрыть следы преступления, а также доступом к вещественным доказательствам или системам хранения данных.

Наиболее уязвимым местом мотивировки является абстрактное указание на «наличие риска» без конкретики и ссылок на доказательства. Например, формулировка «может скрыться» без указания на конкретные обстоятельства (отсутствие регистрации, наличие билетов, попытки скрыться) расценивается вышестоящими судами как недостаточная [7].

Критерии выбора более мягких мер пресечения

Альтернативные меры (домашний арест, запрет определенных действий, залог) применяются, когда совокупность обстоятельств позволяет обеспечить цели уголовного преследования без изоляции от общества. Согласно ст. 97 и ч. 1 ст. 108 УПК РФ заключение под стражу возможно только при невозможности применения иной, более мягкой меры. П. 2 Постановления Пленума № 41 гласит: «меры пресечения, ограничивающие свободу, применяются исключительно по судебному решению и только

в том случае, когда применение более мягкой меры пресечения невозможно»

Типичные условия, при которых суды избирают более мягкую меру:

— наличие постоянного места жительства и регистрации. Отсутствие регистрации само по себе не является основанием для стражи» [4];

— есть подтвержденные источники дохода и стабильная занятость. Суд учитывает «род занятий и другие обстоятельства» [3; 4];

— отсутствие судимости и фактов уклонения от следствия/суда [3]. Имеется место жительства, ранее избранная мера пресечения не нарушена, нет данных о том, что лицо скрывалось или принимало к этому попытки;

— преступление не связано с насилием или угрозой общественной безопасности. Такие решения в основном принимаются по делам о преступлениях ненасильственного характера. «С применением насилия» заключение под стражу возможно для преступлений средней тяжести [3];

— следствие находится на завершающей стадии и основные доказательства уже собраны. П.п. 18–19 Пленума № 41 о продлении: обстоятельства, послужившие основанием для стражи, могут измениться [4];

— обвиняемый/подозреваемый сотрудничает со следствием, не препятствует производству по делу. Учитывается «поведение лица после преступления — явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию» [4].

Типичные ошибки и отмена решений

Наиболее частые ошибки судов:

— формальная ссылка на тяжесть обвинения без анализа конкретных рисков. «Сама по себе тяжесть преступления не может являться единственным и достаточным основанием для заключения под стражу… суды обоснованно отказывали в удовлетворении таких ходатайств… если приходили к выводу о том, что не исключается возможность применения иной, более мягкой, меры пресечения» [8];

— отсутствие доказательств наличия риска (общие фразы без ссылок на материалы дела). «При отсутствии указания в постановлении на такие данные либо в тех случаях, когда их достоверность не проверялась в судебном заседании, суды вышестоящих инстанций отменяли судебные решения» [8];

— игнорирование возможности применения альтернативной меры;

— недостаточный учет обстоятельств, характеризующих личность (семья, здоровье, место жительства, работа, поведение до и после задержания).

Обобщение практики показывает, что наиболее частые ошибки судов — формальная ссылка на тяжесть обвинения без анализа конкретных рисков, отсутствие в постановлении данных, подтверждающих риск, игнорирование возможности альтернативной меры и недостаточный учет обстоятельств личности. Такие решения устранялись вышестоящими инстанциями, указывавшими на необходимость детальной мотивировки и проработки альтернатив [9].

Примеры из практики

Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 02.07.2024 № 77–865/2024, 77–924/2024 [9].

Ессентукский городской суд 20.04.2024 отказал следствию в заключении подозреваемого под стражу и избрал домашний арест (с учетом характера деяния и онкологического заболевания — рак предстательной железы IV стадии). Ставропольский краевой суд 03.05.2024 по представлению прокурора отменил это решение и заключил обвиняемого под стражу, а 11.06.2024 городской суд продлил стражу еще на 3 месяца. Защита подала кассационные жалобы на оба решения.

Позиция кассации такова. Апелляция нарушила ч. 1 ст. 108 УПК РФ — ее постановление не содержит конкретных фактических обстоятельств, подтверждающих риски скрыться или повлиять на свидетелей; решение обосновано лишь тяжестью обвинения. Кроме того, апелляция вопреки ст. 17 УПК РФ придала заранее установленную силу заключению врачебной комиссии (болезнь не входит в правительственный перечень, но суд не сопоставил его с иными медицинскими документами) и оставил без оценки безупречное поведение обвиняемого за период домашнего ареста: не скрывался, явился по вызову следователя, запреты не нарушал. Кассация также сформулировала позицию: учет состояния здоровья по ч. 1 ст. 99 УПК РФ **не ограничен** перечнем заболеваний, препятствующих содержанию под стражей, — суд обязан оценивать все медицинские документы в совокупности.

В итоге апелляционное постановление отменено с передачей дела на новое апелляционное рассмотрение в ином составе; продление стражи изменено — обвиняемому вновь избран домашний арест с.

Данное Кассационное постановление образцовый пример кассационной проверки: в нем наглядно показаны сразу несколько типичных ошибок нижестоящих судов. Вопервых, апелляция подменила оценку реальных рисков простой ссылкой на тяжесть обвинения. Вовторых, не привела конкретных доказательств того, что обвиняемый способен скрыться или повлиять на ход расследования. Втретьих, не рассмотрела возможность применения более мягкой меры пресечения. Отдельно и очень важно — суд кассационной инстанции подчеркнул, что состояние здоровья лица надо оценивать полноценно, а не ограничиваться формальной проверкой на соответствие перечню заболеваний: нужно изучать все медицинские документы и учитывать тяжесть состояния в совокупности с другими обстоятельствами.

Постановление Нагатинского районного суда города Москвы от 29 апреля 2026 года № 3/2–304/2026 [10] по хо-

датайству следователя о продлении срока содержания под стражей обвиняемому по факту приготовления к особо тяжкому преступлению — ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 228.1 УК РФ (сбыт наркотиков в крупном размере, преступление особо тяжкое, до 15–20 лет). Мера избрана 06.02.2026, продлевается уже второй раз. Суд удовлетворил ходатайство следствия: продлил стражу до 04.07.2026 и отказал защите в изменении меры пресечения. Обвиняемый в заседании не участвовал — проходил стационарную психиатрическую экспертизу (защита при этом против продления возражала).

В данном постановлении допущена **подмена мотивировки тяжестью обвинения.** Ключевой вывод суда: «с учетом тяжести предъявленного обвинения… суд приходит к выводу о невозможности применения иной меры пресечения». Это тот стереотип, который Пленум № 41 и Обзор от 18.01.2017 прямо отвергают: тяжесть — это не самостоятельное основание. Ч. 1 ст. 108 УПК РФ (в ред. ФЗ № 13-ФЗ) требует указать конкретные фактические обстоятельства, однако в данном постановлении их нет.

Отсутствие доказательств рисков. Формула «может скрыться от следствия и суда» ничем не подкреплена: не указано, какие данные это подтверждают. Суд **сам перечислил** «низкорисковые» данные о личности (несудим, зарегистрирован и фактически проживает по адресу) — и проигнорировал их противоречие со своим выводом о риске сокрытия.

Круговая ссылка на ст. 109 вместо проверки оснований ст. 97. Суд сослался на «отсутствие волокиты» и выполненные следственные действия — но это условия продления срока следствия, а не основания изоляции. Наличие оснований ст. 97 УПК РФ на дату продления не проверено: суд лишь констатировал, что «новых обстоятельств не установлено», хотя обязан был проверить, не отпали ли прежние (в том числе поведение обвиняемого).

Итоговые выводы противоречат тексту постановления. Суд пишет, что обвиняемый «не имеет определенного рода занятий, стабильного источника дохода», хотя выше сам указал «не работающего» — это данные о личности, а не фактические обстоятельства риска, и в любом случае анализ сведен к перечислению, без оценки, почему домашний арест или запрет определенных действий не обеспечат целей.

Игнорирование альтернатив. Возражение защиты об изменении меры отклонено одной фразой, без обсуждения мягких мер — вопреки п. 2 Пленума № 41 и позиции о двустороннем обсуждении.

Формальный характер проверки. Фразы «ходатайство составлено с соблюдением норм», «заявлено в установленные сроки», «поддержано прокурором» — это проверка процессуальной формы, а не существа. Оценка согласованности следствия и прокурора подменяет судебную проверку обоснованности.

Двойное продление при незавершенной экспертизе — данные о поведении лица в условиях экспертизы могли бы иметь значение, но не оценены.

По сути, данное постановление пример «конвейерного» продления, о котором Пленум № 41 (п. 21) предупреждает: обстоятельства, послужившие основанием избрания стражи, не всегда достаточны для продления. Наглядно показывает разрыв между стандартом Пленума№ 41 и реальной практикой.

Постановление Кунгурского городского суда Пермского края от 19 марта 2026 года № 3/2–8/2026 [11] по ходатайству следователя о продлении срока содержания под стражей обвиняемого К. по ч. 1 ст. 111 УК РФ. (преступление тяжкое), обвиняемый ранее судим, освобожден по УДО, стража длилась с 13.08.2025, продлевалась многократно. Следователь просил продлить ее еще на 18 суток — для завершения расследования (решение по несовершеннолетнему свидетелю, гл. 30 УПК, обвинительное заключение). Суд отказал в продлении и по собственной инициативе (п. 2 ч. 8 ст. 109 УПК РФ) изменил меру на домашний арест с тремя запретами по ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ; обвиняемый освобожден в зале суда.

Данным постановлением суд по своей инициативе избрал более мягкую меру. Использовал п. 2 ч. 8 ст. 109 УПК РФ не формально, а реально: отказал в продлении и назначил домашний арест. Суд зафиксировал устойчивые социальные связи (регистрация, проживание с матерью и братом, официальная работа и доход) — и не ограничился их перечислением, а превратил в правовое основание: согласие собственников жилья на совместное проживание, возможность родных обеспечить быт. Это конкретная исполнимость меры, а не декларация. А также дана корректная оценка «дежурных» аргументов следствия**.** Формула «может скрыться, оказать давление» не принята на веру: суд сопоставил ее с проверенными данными о личности. Таким образом суд отказался продлевать стражу ради «технических» действий, фактически разделил интересы следствия (завершить расследование) и цели меры пресечения (изолировать) — то, чего не сделал Нагатинский суд в деле от 29.04.2026.

Постановление Кунгурского городского суда от 3 сентября 2026 года № 3/1–69/2026 [12] по вопросу меры пресечения в отношении подозреваемого Б. по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (кража с незаконным проникновением в жилище, средняя тяжесть, ненасильственная). Следователь просила стражу, ссылаясь на рецидив, неудовлетворительную характеристику, «бродяжнический образ жизни», розыск по прошлому делу. Суд в страже **отказал,** применил ч. 1 ст. 108 УПК РФ и избрал запрет определенных действий, установив ночной запрет выхода из места жительства (21:00–06:00), запрет общения с потерпевшей, ограничение средств связи.

Суд механически и чисто провел четырехступенчатую проверку: категория (средняя тяжесть) → ненасильственный характер → отсутствие одного из четырех

исключительных обстоятельств → вывод «стража невозможна по закону».

Суд отверг ссылку на прежний розыск, признав ее юридически релевантной только тому уголовному делу, по которому он объявлялся: настоящее расследование к ней отношения не имеет. Обвиняемый по новому делу никуда не скрывался и охотно дал показания — значит, довод следствия утратил доказательственное значение. Пример качественной содержательной оценки обстоятельств, а не механического суммирования негативных фактов.

Воспользовавшись ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ, суд не просто зафиксировал право, а аргументированно выбрал вид меры: домашний арест исключен из-за неустановленной позиции собственников жилого помещения, в котором проживает подозреваемый. Ограничение обосновано фактом, а не декларацией.

Негативные сведения (судимости, круг общения из ранее судимых, эпизоды опьянения) не остались не замеченными — суд их исследовал и сопоставил с проверяемыми данными о фактическом поведении по текущему делу: задержан без сопротивления, добровольно сотрудничал, показания дал. Вывод о риске сформулирован, но использован соразмерно — как довод в пользу контроля, а не изоляции.

Примечательно, что прокурор не поддержал ходатайство следователя и поддержал мягкую меру.

Проанализировав нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41, правовые позиций Верховного и Конституционного Судов России и судебную практику для повышения качества мотивировки предлагается использовать **матрицу критериев выбора меры пресечения** (таблица 1).

Таблица 1. **Матрица критериев выбора меры пресечения**

№	**Критерий** (основание)	**Высокий риск** (заключение под стражу)	**Средний риск** (альтернатива возможна)	**Низкий риск** (альтернатива предпочтительна)
1	Категория преступления (ч. 1 ст. 108)	Особо тяжкое; насильственное тяжкое; насильственная средняя тяжесть	Тяжкое ненасильственное вне перечней ч. 1.1–1.2	Ненасильственная средняя тяжесть (стража возможна лишь при исключительных обстоятельствах ч. 1 ст. 108)
2	Специальные ограничения (ч. 1.1, 1.2, 2, 2.1 ст. 108)	Состав под фильтр не подпадает	Лицо подпадает под ч. 2, но состав тяжкий	Лицо из ч. 2 или болезнь; состав из перечней ч. 1.1/1.2 — стража исключена или исключительна
3	Невозможность более мягкой меры (ч. 1 ст. 108; п. 3 пост. № 41)	Альтернативы реально не обеспечивают ни одну из целей ст. 97 (проверено по существу)	Часть рисков альтернатива нейтрализует — требуется комбинированная мера (запреты по ч. 6 ст. 105.1)	Альтернатива исполнима: есть жилье, контроль, отсутствие нарушений прежней меры
4	Доказательства риска (ст. 97; п. 6 пост. № 41)	Конкретные факты: скрывался, нарушал меру, угрожал участникам, продолжал преступную деятельность	Риск обоснован, но частично: например, судимости без фактов по настоящему делу	Факты риска отсутствуют; поведение подтверждает надлежащее поведение (явка, показания, соблюдение запретов)
5	Конкретность мотивировки (ч. 1 ст. 108; ст. 7 УПК)	Выводы опираются на исследованные в заседании фактические обстоятельства	Смешанная мотивировка: часть аргументов конкретна, часть — общие формулы	В мотивировке преобладают общие фразы («может скрыться»). Стражу избирать нельзя
6	Оценка личности (ст. 99; п. 6 пост. № 41)	Устойчивые связи отсутствуют: нет жилья, регистрации, дохода, семьи	Связи есть, но неустойчивы (временная работа, спор о месте проживания)	Постоянное жилье, семья, работа или доход, отсутствие судимости — либо судимость сбалансирована совокупностью прочих данных
7	Сохранение оснований при продлении (ч. 2 ст. 109; п. 21 пост. № 41)	Основания ст. 97 сохраняются и подкреплены новым поведением (нарушения, срыв экспертиз)	Основания частично ослабли — оправдан переход на мягкую меру с запретами	Основания отпали: поведение безупречно, расследование не страдает от свободы лица — стража подлежит отмене/замене
8	Пределы проверки при продлении (ст. 109)	Продление обосновано риском, а не объемом следственных действий	Продление мотивировано и риском, и объективной сложностью расследования	Продление лишь «техническое» (остались оформление, экспертиза) — достаточного основания нет
9	Инициативные полномочия (ч. 7.1 ст. 108; п. 2 ч. 8 ст. 109)	Суд вправе ужесточить контроль при нарушении мягкой меры	Суд избирает мягкую меру с расширенным набором запретов и обязанностью явки	Суд избирает минимально достаточную мягкую меру; в страже и продление отказывает

Предложения по совершенствованию практики

Обязательная проработка альтернативы. В постановлении суда должна быть отражена оценка возможности применения более мягкой меры и причины, по которым она не может быть избрана.

Конкретизация рисков. Каждый риск должен быть подтвержден доказательствами с указанием на материалы дела.

Учет индивидуальных обстоятельств. Необходимо детально анализировать личность обвиняемого (семья, работа, поведение, сотрудничество со следствием).

Использование матрицы критериев. Внедрение системного подхода к оценке рисков повысит качество мотивировки и снизит долю формальных решений.

Методическое сопровождение. Целесообразно разработать методические рекомендации для судей и следователей по обоснованию меры пресечения с образцами мотивировки.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Заключение под стражу остается самой строгой мерой пресечения, и ее применение должно быть исключением, а не правилом. Анализ действующего законодательства, правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации (Постановление Пленума от 19.12.2013 № 41) и Конституционного Суда Российской Федерации (Определения № 6-О и № 2561-О) показывает, что правовая модель исходит из принципа соразмерности: ограничение свободы допустимо лишь тогда, когда цели уголовного преследования не могут быть достигнуты более мягкими средствами. Однако правоприменительная практика не в полной мере следует этой модели: в мотивировке судебных решений о заключении под стражу по-прежнему преобладают формальные ссылки на тяжесть обвинения и абстрактное указание на риски без конкретных доказательств.

Исследование позволило систематизировать четыре базовых риска, лежащих в основе избрания заключения под стражу: риск скрыться, риск продолжения преступной деятельности, риск давления на участников процесса и риск уничтожения доказательств, и предложить критерии их доказывания. Разработанная матрица критериев выбора меры пресечения позволяет перейти от интуитивной к структурированной оценке рисков: каждый риск соотносится с совокупностью конкретных обстоятельств дела (личность обвиняемого, его социальные связи, стадия расследования, поведение в процессе), что дает основание для выбора между заключением под стражу, домашним арестом, запретом определенных действий и залогом.

Анализ конкретных судебных решений подтверждает практическую значимость предложенного подхода. Там, где суд ограничился шаблонными формулировками и не выяснил причины невозможности применения альтернативы, решение может оказаться уязвимым для отмены вышестоящей инстанцией; напротив, суд, исследовавший устойчивые социальные связи обвиняемого и соотнесший риски с меньшим ограничением прав, избрал более мягкую меру, обеспечив при этом надлежащее производство по делу. Кассационная практика дополнительно свидетельствует, что состояние здоровья и безупречное поведение обвиняемого подлежат обязательной оценке в совокупности, а не по формальному перечню заболеваний.

Предложенные рекомендации — обязательная проработка альтернатив, конкретизация рисков ссылками на материалы дела, детальный учет обстоятельств личности и внедрение системного инструмента оценки рисков — направлены на усиление мотивировки судебных решений и снижение доли избыточного применения заключения под стражу. Их реализация будет способствовать достижению баланса между публичными интересами правосудия и конституционным правом на свободу и личную неприкосновенность. Дальнейшие исследования могут быть направлены на оценку эффективности предложенных критериев в конкретных категориях дел и разработку методических материалов для правоприменителей.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.11.2026). — Текст: электронный.
2. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2024 году // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [официальный сайт]. — URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 12.11.2026). — Текст: электронный.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // КонсультантПлюс: [справочная правовая система]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 12.11.2026). Текст: электронный.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (в редакции постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 2025 года № 1) // КонсультантПлюс: [справочная правовая система]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506357/ (дата обращения: 12.11.2026). Текст: электронный.

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2020 г. № 6-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ефимова Александра Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 109 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. — URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision451270.pdf (дата обращения: 12.11.2026). Текст: электронный.
6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 сентября 2025 г. № 2561-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Танасогло Ильи Дмитриевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. — URL: https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision866361.pdf (дата обращения: 12.11.2026). — Текст: электронный.
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 марта 2020 г. № 72-УД20–1 «Об отмене судебных решений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Литуева Е. В». // КонсультантПлюс: [справочная правовая система]. — URL:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=622044#GQHw2bVIL934i0WB1 (дата обращения: 12.11.2026). — Текст: электронный.
8. Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении сроков содержания под стражей: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 18 января 2017 г. — URL:https://sudrf.cntd.ru/document/456036899 (дата обращения: 12.11.2026). — Текст: электронный.
9. Кассационное постановление Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 2 июля 2024 года № 77–865/2024, 77–924/2024 // КонсультантПлюс: [справочная правовая система]. — URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ005&n=60868#9qJ14kUH3wF01me4 (дата обращения: 12.11.2026). — Текст: электронный.
10. Постановление Нагатинского районного суда города Москвы от 29 апреля 2026 года № 3/2–304/2026 [о продлении срока содержания под стражей] // СудАкт: [сайт]. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/yS2oEYJxmErF?ysclid=mwdt4kga34353337683 (дата обращения: 12.11.2026). — Текст: электронный.
11. Постановление Кунгурского городского суда Пермского края от 19 марта 2026 года по материалу № 3/2–8/2026 [об отказе в продлении срока содержания под стражей и избрании меры пресечения в виде домашнего ареста] // Доступ из справочной правовой системы ГАС «Правосудие». (дата обращения: 12.11.2026). — Текст: неопубликованный.
12. Постановление Кунгурского городского суда Пермского края от 3 сентября 2026 года по материалу № 3/1–69/2026 [об отказе в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий // Доступ из справочной правовой системы ГАС «Правосудие». (дата обращения: 12.11.2026). — Текст: неопубликованный.

Правовые аспекты и статистический анализ цифрового образования в регионах России

Порватова Анна Константиновна, студент магистратуры
Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена статистической оценке реализации полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере формирования и развития цифровой образовательной среды. Исследование основано на анализе нормативных правовых актов и опубликованных в 2026 году статистических материалов ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. Рассмотрены показатели использования электронных журналов и дневников, применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, а также скорости интернет-соединения в школах. Установлено, что широкое распространение отдельных цифровых сервисов сочетается с существенным различием в качестве инфраструктурного доступа между городскими и сельскими образовательными организациями. Обосновывается необходимость оценивать региональную цифровизацию с учетом скорости, надежности и фактической доступности цифровых сервисов.

Ключевые слова: *цифровая образовательная среда, субъекты Российской Федерации, полномочия органов государственной власти, электронное обучение, интернет-инфраструктура.*

Цифровая трансформация образовательной сферы не сводится исключительно к формальному внедрению платформ и электронных ресурсов, а предполагает создание комплексных условий для их реального использования. Для органов государственной власти субъектов Российской Федерации данная задача имеет прикладной

характер. Именно на региональном уровне принимаются управленческие решения, от которых напрямую зависят: техническая оснащенность образовательных учреждений, качество интернет-связи, уровень поддержки пользователей, а также успешное объединение региональных систем с федеральными цифровыми сервисами.

Цель статьи — сопоставить актуальные статистические данные о цифровизации образовательных организаций с правовым распределением полномочий между федеральным и региональным уровнями. Методологическую основу составляют анализ нормативных актов и описательное сопоставление статистических показателей ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. В статье учитываются данные сборника «Индикаторы образования: 2026», статистика за 2025 год, опубликованная ВШЭ в апреле 2026 года, и сведения Минпросвещения России о цифровых образовательных сервисах.

Правовую основу участия регионов в развитии цифровой образовательной среды составляет Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Согласно ст. 8 указанного закона к полномочиям субъектов РФ относятся: разработка и реализация региональных программ развития образования, организация предоставления общего и среднего профессионального образования, обеспечение государственных гарантий, мониторинг системы образования на региональном уровне и др. [1]. Закон предусматривает возможность учитывать социально-экономические, демографические и иные особенности субъектов при планировании региональной образовательной политики.

В 2026 году действующее законодательство было дополнено прямым указанием на инфраструктурную роль регионов. Федеральный закон от 4 августа 2026 года № 310-ФЗ установил, что органы государственной власти субъектов РФ вправе обеспечивать муниципальные общеобразовательные организации услугами по предоставлению доступа к государственным, муниципальным и иным информационным системам, а также к сети Интернет [2]. Формулировка закрепляет юридическую возможность регионального участия, но не устанавливает безусловную обязанность субъекта обеспечить одинаковый уровень доступа каждой школе. Практическая реализация зависит от регионального финансирования, выбора технических решений и распределения ответственности между органами власти и образовательными организациями.

Изменения коснулись и взаимодействия ФГИС «Моя школа» с региональными государственными информационными системами. Постановлением Правительства РФ от 1 августа 2026 года № 962 уточнены правила такого взаимодействия, в том числе предусмотрено использование витрин данных и типового программного обеспечения для региональных систем. В постановлении также отражены вопросы защиты компонентов региональных информационных систем, взаимодействующих с федеральной платформой [3]. Следовательно, современная модель цифровизации предполагает одновременное развитие федеральной инфраструктуры, региональных систем и механизмов безопасного обмена данными.

Опубликованный ИСИЭЗ НИУ ВШЭ в 2026 году сборник «Индикаторы образования: 2026» содержит подробный раздел о цифровизации образования. В нём представлены, в частности, данные об электронных журналах и дневниках, применении электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, компьютерном оснащении и скорости интернет-соединения [4]. При этом показатели цифровой инфраструктуры школ в сборнике в основном относятся к 2024 году или к 2024/2025 учебному году, что необходимо учитывать при их использовании.

Одним из наиболее распространённых цифровых инструментов являются электронные журналы и дневники. По данным ВШЭ, к концу 2024 года их использовали 95,4 % общеобразовательных организаций. Среди государственных и муниципальных организаций показатель достигал 95,8 %, тогда как среди частных- 78 %. Динамика за 2020–2024 годы показывает устойчивый рост охвата: общий показатель увеличился с 88,6 до 95,4 % [4, с. 80]. Эти сведения отражают высокий уровень распространения одного из базовых цифровых сервисов, но не должны трактоваться как свидетельство равного качества цифровой среды. Использование журнала или дневника не сообщает, насколько стабильным является подключение, доступны ли школе другие ресурсы и обеспечено ли сопровождение пользователей. Более того, различие между государственными и муниципальными, с одной стороны, и частными организациями- с другой, указывает на неодинаковый охват даже в рамках одного показателя.

Другой индикатор — применение электронного обучения в общеобразовательных программах. На начало 2024/2025 учебного года электронное обучение применялось для 4,8 млн обучающихся, или 26,7 % их общего числа. Дистанционные образовательные технологии применялись для 3,68 млн обучающихся, или 20,5 %. Исключительно электронное обучение при этом использовалось для 23,7 тыс. обучающихся (0,1 %), а исключительно дистанционные технологии- для 51,6 тыс. (0,3 %) [4, с. 81–82]. Эти показатели не следует складывать: они характеризуют разные формы и могут частично пересекаться.

Наиболее существенное для региональной политики различие выявляется при анализе скорости интернет-соединения. По данным ВШЭ за 2024 год, скорость 100 Мбит/с и выше была зафиксирована у 35 % школьных зданий в целом. В городской местности такой показатель составил 64,5 %, в сельской- 7,6 %. Одновременно в сельской местности у 69,8 % школьных зданий скорость находилась в диапазоне 50–99,9 Мбит/с [4, с. 98]. В таблице ВШЭ показатель рассчитывается для зданий образовательных организаций, подключённых к Интернету. Следовательно, эти значения нельзя автоматически интерпретировать как долю всех школ соответствующей

территории. Разница между городской и сельской местностью по доле подключённых школьных зданий со скоростью не ниже 100 Мбит/с составляет 56,9 процентного пункта. Это свидетельствует о том, что формальное наличие интернет-подключения не исчерпывает вопроса цифровой доступности. Для использования платформ и цифрового контента имеют значение также пропускная способность и стабильность сети, особенно при одновременной работе нескольких классов и педагогов. Поэтому показатель факта подключения следует анализировать совместно с распределением соединений по скоростным категориям.

Статистика домохозяйств дополняет картину инфраструктурного неравенства, хотя не является прямой оценкой школьной среды. Согласно опубликованным ИСИЭЗ НИУ ВШЭ данным Росстата за 2025 год, доступ к Интернету имели 92 % домохозяйств России. Вместе с тем в региональном разрезе показатель варьировался: например, он составлял 72 % в Орловской области, 82 % в Псковской области и 100 % в отдельных регионах-лидерах. Таким образом, среднероссийский уровень не отражает различий между субъектами и не позволяет судить о качестве подключения конкретных школ [5].

В официальном сообщении Минпросвещения России от 11 ноября 2026 года указано, что более 12 млн человек пользуются российскими цифровыми образовательными сервисами, включая ФГИС «Моя школа», библиотеку цифрового образовательного контента и «Сферум» [6]. Эта цифра характеризует совокупную аудиторию названных сервисов, а не число пользователей одной ФГИС. Поэтому её корректно использовать как показатель масштаба распространения цифровых образовательных решений, но не как замену статистике по отдельной системе или региону.

Представленные данные указывают на двухуровневую картину цифровизации. С одной стороны, электронные журналы и дневники используются почти во всех общеобразовательных организациях, а электронное обучение охватывает значительную долю учащихся. С другой стороны, сохраняется выраженное различие в скорости доступа к Интернету между городскими и сельскими школьными зданиями. Следовательно, высокий показатель охвата отдельными сервисами не означает, что цифровая образовательная среда имеет одинаковые характеристики во всех регионах и типах местности.

В этой связи целесообразны следующие направления развития региональной политики:

Конкретизация региональных механизмов обеспечения доступа. Субъектам РФ следует определять в региональных программах и планах, какие школы требуют первоочередного улучшения соединения, каким образом финансируются услуги доступа и техническое обслуживание и кто отвечает за работоспособность инфраструктуры. Приоритетное внимание должно уделяться сельским территориям, где доля школьных зданий с соединением не ниже 100 Мбит/с существенно ниже городского уровня.

Совершенствование системы мониторинга. Показатели регистрации образовательных организаций и наличия подключения целесообразно дополнять данными о скорости и устойчивости соединения, частоте и продолжительности сбоев, регулярности использования сервисов педагогами и обучающимися, обеспеченности технической поддержкой. Публикация таких показателей в разрезе муниципалитетов и типов местности позволит оценивать не только охват, но и фактическую доступность цифровой среды.

Согласование региональных систем с федеральными решениями. Развитие ФГИС «Моя школа» и обновлённые правила её взаимодействия с региональными системами предполагают совместимость, корректный обмен данными и применение средств защиты информации. Региональные органы должны учитывать эти требования при модернизации собственных информационных систем, сохраняя при этом непрерывность предоставления образовательных услуг.

Оценка цифровизации по качественным результатам. Статистика использования электронного журнала или дистанционных технологий показывает распространённость соответствующих инструментов, но сама по себе не позволяет заключить, что они повысили качество обучения. Региональный мониторинг должен учитывать методическую поддержку педагогов, доступность проверенного цифрового контента, возможности использования ресурсов обучающимися с особыми образовательными потребностями и наличие альтернативных способов взаимодействия при сбоях.

Наконец, показатели, опубликованные в 2026 году, целесообразно сопоставлять с дальнейшими ежегодными данными по тем же методикам. Это позволит отделять изменения, связанные с реальным улучшением инфраструктуры, от различий в охвате обследований, определениях показателей и сроках сбора статистики.

Литература:

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 17.11.2026).
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14.07.2022 N 310-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421888/ (дата обращения: 17.11.2026).

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.08.2026 № 962 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 13.07.2022 № 1241». — Текст: электронный // ГАРАНТ. — URL: https://base.garant.ru/414717559/?ysclid=mwo52yscbq986338842 (дата обращения: 17.11.2026).
4. Индикаторы образования: 2026: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2026.
5. Кузина Л. С., Щербаков Р. А. (2026) Интернет стал нормой жизни россиян. Режим доступа: https://issek.hse.ru/news/1143575318.html.
6. Сергей Кравцов: более 12 млн человек пользуются российскими цифровыми образовательными сервисами // Министерство просвещения Российской Федерации: официальный сайт. 11.11.2026. URL: edu.gov.ru (дата обращения: 17.11.2026).

Профессионализация сотрудников уголовно-исполнительной системы в Российской Федерации

Потемкина Евгения Сергеевна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова

Профессионализация сотрудников уголовно-исполнительной системы — комплексный, непрерывный процесс формирования и развития у служащих совокупности профессиональных знаний, умений и навыков, а также профессионально значимых личностных качеств, обеспечивающих эффективное исполнение служебных обязанностей в условиях повышенного риска и специфического контингента. Профессионализация охватывает не только обучение, но и весь цикл служебного становления — от отбора кандидатов и первоначальной подготовки до адаптации, развития в течение службы и удержания кадров.

Актуальность темы обусловлена многими факторами. УИС находится в стадии активного реформирования: трансформируются виды исправительных учреждений, развиваются институты УДО и принуждения, связанные с исполнением наказаний, не связанных с изоляцией от общества, что требует от сотрудников принципиально новых компетенций. Ускоряющаяся цифровизация ведомства предъявляет качественно новые требования к цифровой грамотности персонала. УИС испытывает острый кадровый дефицит, при этом ежегодный приток выпускников ведомственных образовательных организаций не компенсирует отток кадров, прежде всего молодых сотрудников первых лет службы. Помимо прочего, службы УИС проигрывают конкуренцию на рынке труда смежным силовым структурам по уровню денежного довольствия и социальных гарантий.

Правовую основу профессионализации составляет прежде всего Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации», который: закрепляет право и обязанность сотрудника поддерживать уровень квалификации, необходимый для надлежащего исполнения должностных обязанностей; предусматривает профессиональное обучение; устанавливает гарантии и компенсации, связанные с прохождением обучения.

Профессиональное становление сотрудника УИС целесообразно рассматривать как последовательность трёх взаимосвязанных уровней:

Ценностно-смысловой уровень — этап профессионального самоопределения, на котором у курсанта формируются профессионально-ценностные ориентации. Слабость ценностно-смыслового звена — одна из главных причин ухода из системы в первые годы службы.

Социально-адаптационный уровень — осознание социальной значимости профессии, включение в профессиональную среду, усвоение корпоративной культуры, норм и традиций ведомства. На этом этапе очень важно качество наставничества, так как именно наставник становится проводником ценностей и образцом исполнения обязанностей.

Адаптационно-производственный уровень — самостоятельное исполнение обязанностей на конкретной должности, освоение типовых служебных ситуаций, накопление профессионального опыта и его осмысление.

Специальное первоначальное обучение выступает стартовым элементом всей системы профессионализации — оно организуется для лиц, впервые поступивших на службу, в учебных центрах УИС в течение определённого срока (до шести месяцев) и завершается сдачей квалификационного экзамена. Ключевыми условиями его эффективности являются: профессиональная компетентность и методическая подготовленность наставника; социальное партнёрство образовательных организаций ФСИН и территориальных органов УИС; освоение сотрудниками профессионально-этических норм взаимодействия со спецконтингентом, поскольку деонтологический компонент службы в УИС во многом определяет и её безопасность, и авторитет ведомства.

По результатам анализа практики можно выделить ряд нерешённых проблем:

– отсутствие вариативности обучения — преобладание унифицированных программ, слабая диффере-

ненциация по категориям должностей и по специфике учреждений (СИЗО, исправительные колонии общего/строгого/особого режимов, воспитательные колонии, колонии-поселения);

– территориальная отдалённость учебных центров — существенная часть регионов не имеет собственных центров профессиональной подготовки, из-за чего командирование сотрудников сопряжено с отвлечением от службы и значительными материальными затратами;

– несоответствие должностных обязанностей при расстановке кадров — распространённые случаи, когда выпускник направляется на должность, не соответствующую полученному профилю подготовки, либо сотрудник переведён на службу без прохождения первичной подготовки;

– профессиональная деформация и эмоциональное выгорание — хронические стрессы, переработки, дефицит психологической поддержки приводят к профессиональному выгоранию, снижению эмпатии, что напрямую сказывается на качестве исполнения обязанностей и показатели;

– низкая конкурентоспособность службы на рынке труда — денежное довольствие и социальный пакет УИС уступают сопоставимым структурам, что снижает приток квалифицированных кадров и стимулирует отток.

На основе проведённого анализа представляется целесообразным предложить ряд направлений совершенствования подхода к профессионализации.

Внедрение дистанционных образовательных технологий — развитие ведомственной платформы дистанционного обучения, вебинаров, имитационных тренажёров для решения проблемы территориальной отдалённости.

Развитие института наставничества — нормативное закрепление статуса наставника, его стимулирование, внедрение системы оценки качества наставнической работы.

Усиление психологического сопровождения — регулярные психодиагностические обследования, психологические курсы восстановления, профилактика выгорания, психологическое сопровождение сотрудников, участвовавших в нештатных ситуациях.

Увеличение материального и социального стимулирования — адресные меры поддержки молодых специалистов, развитее ведомственной жилплощади, санаторно-курортного обеспечения, надбавок за выслугу лет и уровень квалификации.

Реальная подготовка кадрового резерва — формирование резерва на основе аттестации и оценке компетенций, целевое обучение, ротация и карьерные треки для мотивированных сотрудников.

Профессионализация сотрудников УИС — системный процесс, требующий одновременного решения нормативных, образовательных, психологических, социальных и экономических задач. Действующая нормативная база создаёт достаточную основу для планомерной работы, однако кадровый дефицит, низкая мотивация, отсутствие должного обучения остаются серьёзными барьерами.

Литература:

1. Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»» (с изм. и доп.) //
2. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» (с изм. от 27.05.2023 № 1374-р).
3. Приказ ФСИН России от 13 июня 2023 г. № 382 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации».
4. Долинин А. Ю. Кадровый потенциал уголовно-исполнительной системы: оценка и развитие: монография. — М.: Проспект, 2017. — 248 с.
5. Брыков Д. А. Современное состояние кадрового обеспечения уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. — 2022. — № 2. — С. 188–196.
6. Брыков Д. А. Совершенствование системы правового регулирования службы в уголовно-исполнительной системе // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2022. — № 2. — С. 152–159.
7. Долинин А. Ю. Проблемные аспекты в работе с кадровыми резервами учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний и направления повышения её эффективности // Вестник Кузбасского института. — 2024. — № 1. — С. 42–54.
8. Электронная библиотека «КиберЛенинка». — URL: (дата обращения: 23.09.2026).
9. Научная электронная библиотека eLibrary.ru. — URL: (дата обращения: 23.09.2026).

Актуальные вопросы обеспечения безопасности и противодействия терроризму и экстремизму в уголовно-исполнительной системе

Потемкина Евгения Сергеевна, студент магистратуры
Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирясова

В учреждениях УИС растёт доля лиц, осуждённых за преступления террористического и экстремистского характера. Это повышает риски, так как лица могут активно распространять радикальные идеи среди других осуждённых и заниматься их вербовкой. Отсюда вытекает задача — выстроить систему, которая позволит вовремя выявлять таких лиц и минимизировать их влияние.

Рост числа лиц, осуждённых за преступления террористического и экстремистского характера, в учреждениях уголовно-исполнительной системы создаёт серьёзные угрозы безопасности как внутри учреждений, так и за их пределами.

Документом, регламентирующим организацию противодействия терроризму и экстремизму в УИС, является Приказ ФСИН России от 24 ноября 2017 г. № 1111 «Об организации мероприятий по противодействию терроризму, экстремистской деятельности в учреждениях и органах уголовноисполнительной системы». В нём обозначены задачи по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию соответствующих преступлений, а также по пресечению каналов поступления определённых материалов на территорию учреждений.

Несмотря на наличие нормативной базы, в системе остаётся ряд существенных пробелов. Вопервых, отсутствует прямая регламентация содержания лиц, осуждённых за экстремистские и террористические преступления: не закреплены отдельные режимы, требования к размещению, надзору и учёту.

Вовторых, не хватает специальных методических разработок для работы с данным контингентом. Втретьих, подготовка психологов и социальных работников не даёт ожидаемого результата при работе с этими категориями осуждённых: действующие курсы повышения квалификации не содержат достаточного объёма практических инструментов.

Практически каждое преступление экстремистской направленности в учреждениях УИС совершается с использованием информационнокоммуникационных технологий и сети Интернет. Нелегальный оборот средств мобильной связи в учреждениях УИС и следственных изоляторах представляет общественную опасность и напрямую влияет на частоту организованной преступности. Такой оборот позволяет экстремистам практически свободно получать и переводить финансовые средства, совершать преступления удалённо и вербовать новых людей в число преступников. В условиях ограниченного контроля за цифровой средой внутри учреждения эти действия могут носить скрытый, но системный характер.

Сотрудники УИС находятся на переднем крае противодействия, однако это не исключает того, что они сами могут стать объектом вербовочной деятельности. Преступные группы нередко пытаются установить доверительные отношения с персоналом, используют шантаж, подкуп или угрозы в отношении близких. В связи с этим требуется специализированная подготовка кадров для работы с осуждёнными экстремистской направленности, тщательный отбор и проверка сотрудников, а также внедрение механизмов выявления признаков внешнего влияния на персонал.

Для сокращения количества категории данных преступлений целесообразно реализовать комплекс мер:

– Нормативное закрепление порядка содержания осуждённых за экстремистские и террористические преступления. Необходимо разработать и утвердить отдельный регламент, предусматривающий определенные условия размещения, усиленный надзор, особый порядок учёта и контроля, а также правила взаимодействия с другими категориями осуждённых;

– Разработка и внедрение единых методических рекомендаций по выявлению признаков и работе с соответствующими категориями осуждённых;

– Усиление контроля за поступлением цифровых устройств и доступом к сети Интернет в учреждениях. Это включает расширение практики использования средств подавления сотовой связи, внедрение систем обнаружения и изъятия мобильных устройств, а также постоянный мониторинг каналов поступления техники на территорию учреждения.

– Эффективная профилактика невозможна без обмена информацией, проведения совместных учений и координации оперативных мероприятий с территориальными органами ФСБ, МВД, Росфинмониторинга. Перспективным направлением является создание межведомственных центров компетенций по противодействию экстремизму и терроризму, в том числе с учётом моделей зарубежного опыта.

– Целесообразно внедрить систему мониторинга и прогнозирования рисков, основанную на сборе и анализе данных о поведении осуждённых, их связях, интересах и активности в цифровой среде. Это позволит своевременно выявлять потенциально опасные группы и принимать меры.

Противодействие распространению экстремистских и террористических взглядов в учреждениях УИС требует комплексного подхода, сочетающего нормативно-правовое регулирование, организационные меры, специальную подготовку персонала и межведомственное взаимодействие.

Литература:

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».
2. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».
3. Постановление Правительства РФ от 14 ноября 2014 г. № 1193 «Об утверждении требований к антитеррористической защищённости объектов (территорий) уголовно-исполнительной системы».
4. Постановление от 11 апреля 2023 г. № 586 «Требования к антитеррористической защищённости объектов (территорий) уголовно-исполнительной системы Российской Федерации».
5. Приказ ФСИН России от 24 ноября 2017 г. № 1111 «Об организации мероприятий по противодействию терроризму, экстремистской деятельности в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы».
6. Анализ экстремистской активности в исправительных учреждениях // Материалы Самарского юридического института ФСИН России, 2025.
7. КиберЛенинка: «К вопросу о повышении эффективности противодействия преступлениям экстремистской направленности, совершаемым в учреждениях УИС».
8. КиберЛенинка: «Особенности процесса радикализации осуждённых в условиях лишения свободы и пути его предупреждения».

Место военных судов в судебной системе России

Рюмин Борис Алексеевич, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассматривается место военных судов в судебной системе Российской Федерации. Анализируются конституционно-правовые основы их организации, система военных судов, сложившаяся после судебной реформы 2019 года, их компетенция и соотношение с иными звеньями судебной системы. Особое внимание уделено дискуссионным вопросам: соотношению принципа территориальности и специализации судов, возможности исключения отдельных составов преступлений из подсудности военных судов.

Ключевые слова: *военные суды, судебная система Российской Федерации, суды общей юрисдикции, гарнизонный военный суд, окружной военный суд, кассационный военный суд, подсудность, военнослужащие, конституционное право.*

Военные суды занимают особое положение в судебной системе Российской Федерации. Будучи судами общей юрисдикции, они при этом организационно обособлены от обычных судов, действуют по особым правилам формирования и рассматривают специфическую категорию дел. Их существование обусловлено историческими традициями российской государственности, особым характером военной службы и необходимостью обеспечения правовой защиты военнослужащих в условиях, отличных от гражданской жизни.

Конституция Российской Федерации не содержит специальной нормы о военных судах, однако принципиальные основы их существования вытекают из статьи 118, закрепляющей судебную систему, устанавливаемую Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом. Судебная система Российской Федерации определена Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», который прямо относит военные суды к федеральным судам общей юрисдикции.

Специальным актом, определяющим организацию военных судов, является Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации». Он закрепляет, что военные суды являются федеральными судами общей юрисдикции и входят в единую судебную систему Российской Федерации. Таким образом, законодатель изначально разрешил вопрос о «природе» военных судов: они не образуют отдельную ветвь судебной власти, а представляют собой её специализированное звено.

Принципиально важной особенностью является территориальный принцип построения системы военных судов. В отличие от советской модели, при которой военные суды создавались по штабам военных округов и армий и полностью подчинялись военному ведомству, современная система строится по территориальному принципу: военные суды создаются по месту дислокации, а их судьи назначаются в общем порядке — Президентом Российской Федерации по представлению Председателя Верховного Суда РФ. Это обеспечивает организационную независимость военных судов от военного командования.

До 2019 года система военных судов была трёхзвенной: гарнизонные военные суды, окружные (флотские) военные суды и Верховный Суд РФ (Судебная коллегия по делам военнослужащих). Федеральным конституционным законом от 29 июля 2018 г. № 12-ФКЗ система была пере-

строена по образцу реформы судов общей юрисдикции: созданы апелляционные и кассационные военные суды, рассмотревшие дела, ранее относившиеся к компетенции окружных (флотских) судов.

В настоящее время система военных судов включает четыре звена:

– гарнизонные военные суды — основное звено, рассматривающее подавляющее большинство уголовных, гражданских и административных дел в качестве суда первой инстанции, а также уголовные и административные дела в порядке апелляции по жалобам на решения военных судов низших звеньев военного управления;

– апелляционные военные суды — рассматривают дела в апелляционном порядке на не вступившие в силу решения гарнизонных военных судов; созданы в пределах военных округов;

– кассационные военные суды — проверяют вступившие в силу судебные акты гарнизонных и апелляционных военных судов; территориальная юрисдикция распространяется на несколько регионов;

– Верховный Суд РФ, в структуре которого действуют Судебная коллегия по делам военнослужащих и Апелляционная коллегия по делам военнослужащих, рассматривающие дела в порядке надзора, по первым инстанциям по делам особой важности и по жалобам на решения апелляционных военных судов.

Компетенция военных судов определяется по двум критериям — субъектному и предметному. По субъектному критерию военным судам подсудны дела о всех преступлениях, совершённых военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, а также о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершённых лицами, состоящими на службе в войсках и воинских формированиях, не являющихся частью Вооружённых Сил РФ (защита законных интересов военнослужащих).

По предметному критерию военные суды рассматривают гражданские и административные дела, связанные с защитой прав и свобод военнослужащих от действий и решений органов военного управления и воинских должностных лиц. Важным нововведением последних лет стало отнесение к подсудности военных судов значительной части дел об административных правонарушениях, совершаемых военнослужащими, что практически устранило избыточные административные процедуры в армейской среде.

Особую категорию составляют дела, подсудность которых определяется не субъектом, а предметом: военным судам подсудны дела о преступлениях против военной службы независимо от категории; по ним гражданский суд не может рассматривать дело, если обвиняемый — военнослужащий, даже если деяние совершено вне военной службы.

Граждане, не связанные с военной службой, в отдельных случаях также становятся участниками процесса в военном суде: при рассмотрении дел о преступлениях, совершённых группой лиц, в которую входят военнослужащие, дело в отношении всех подсудимых может быть рассмотрено военным судом. Это положение иногда критикуется как сужающее право гражданина на рассмотрение его дела судом по месту жительства.

В доктрине высказываются различные мнения о природе военных судов. Одни авторы рассматривают их как специализированные суды наряду с арбитражными судами и судами по рассмотрению экономических споров; другие полагают, что это обычные суды общей юрисдикции с особой подсудностью. Представляется, что второй подход более корректен: военные суды применяют тот же процессуальный порядок (ГПК РФ, УПК РФ, КАС РФ, КоАП РФ), что и иные суды общей юрисдикции, а их особенность состоит в подсудности и организации.

Дискуссионным остаётся вопрос о пределах подсудности. С одной стороны, существует позиция о необходимости передачи в компетенцию военных судов всех дел с участием военнослужащих, включая уголовные дела о преступлениях против военной службы, совершённых за пределами части. С другой стороны, предлагается ограничить компетенцию военных судов исключительно делами о воинских преступлениях, исключив из их подсудности общеуголовные составы. Каждая из позиций имеет свои доводы: сторонники первой указывают на необходимость специального правосудия для военнослужащих, сторонники второй — на опасность сосредоточения в одной системе слишком широкого круга дел и на целесообразность «разгрузки» военных судов.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о гарантиях независимости судей военных судов. Поскольку военные суды территориально нередко размещаются в зданиях военных гарнизонов, существует опасение о фактическом влиянии военного командования. Вместе с тем формальные гарантии — порядок назначения, срок полномочий, несменяемость, материальное обеспечение — идентичны гарантиям для судей иных федеральных судов, что в значительной мере нивелирует указанные опасения.

Военные суды являются неотъемлемым элементом судебной системы Российской Федерации, будучи федеральными судами общей юрисдикции со специализированной компетенцией. Реформа 2019 года привела их систему в соответствие с общей инстанционной структурой судов общей юрисдикции, что усилило единство судебной системы и повысило доступность правосудия для военнослужащих.

Основные направления дальнейшего совершенствования института военных судов видятся, во-первых, в уточнении критериев разграничения подсудности между военными и гражданскими судами; во-вторых, в устранении территориальной изоляции военных судов и обеспечении их более органичной интеграции в общую судебную инфраструктуру; в-третьих, в развитии цифровизации правосудия по делам военнослужащих, что особенно важно для граждан, проходящих службу в отдалённых гарнизонах.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru).
2. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. от 04.08.2026).
3. Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (публикация: «Российская газета» от 29 июня 1999 г. № 120; «Собрание законодательства Российской Федерации» от 28 июня 1999 г. № 26 ст. 3170)
4. Гармаев, Ю. П. Военная юстиция в Российской Федерации: учебник / Ю. П. Гармаев. — М.: Юрлитинформ, 2019. — Текст: непосредственный.
5. Загорский, Г. И. Судебная реформа в Российской Федерации и военные суды / Г. И. Загорский. — М.: Норма, 2015. — Текст: непосредственный.
6. Клеандров, М. И. Статус военных судов: российский и международный опыт / М. И. Клеандров. — М.: Юрайт, 2018. — Текст: непосредственный.
7. Кирхин, А. Ю. О понятии и месте военных судов в судебной системе России / А. Ю. Кирхин. — Текст: непосредственный // Юридический мир. — 2016. — № 4.
8. Пивоварова, М. А. Военная юстиция Российской империи и её влияние на современную систему военных судов России: монография / М. А. Пивоварова. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. — Текст: непосредственный.

Понятие и виды примирительных процедур в современном праве

Рюмина Виктория Вячеславовна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

В статье рассматриваются понятие, признаки и классификация примирительных процедур в современном российском праве. Анализируются соотношение примирительных процедур и альтернативного разрешения споров, содержание отдельных видов примирительных процедур, а также примирительные механизмы уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: *примирительные процедуры, медиация, судебное примирение, мировое соглашение, переговоры, альтернативное разрешение споров, урегулирование конфликта.*

Стремительный рост нагрузки на судебную систему, длительность судебного разбирательства и высокая стоимость правосудия побуждают государство и общество искать способы разрешения юридических конфликтов вне строгих процессуальных рамок. Одним из наиболее перспективных направлений правовой политики является развитие примирительных процедур — урегулирования споров при содействии третьих лиц либо непосредственно сторонами, направленного на достижение взаимоприемлемого соглашения и прекращение конфликта.

В действующем законодательстве легальное определение примирительной процедуры отсутствует. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» раскрывает лишь смежное понятие: медиация — способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. В процессуальном законодательстве термин «примирительные процедуры» употребляется без нормативного закрепления его содержания: так, ст. 153.8 АПК РФ определяет судебное примирение как примирительную процедуру, однако общего определения закон не даёт.

В доктрине примирительные процедуры традиционно рассматриваются в двух значениях: узком (как процедуры с участием нейтрального посредника) и широком (как любые допустимые правом способы урегулирования правового конфликта, включая непосредственные переговоры сторон). Сторонники широкого подхода обосновывают позицию тем, что переговоры и претензионный порядок выполняют ту же функцию — достижение соглашения, прекращающего спор, — и потому должны охватываться единым понятием.

Обобщая нормативный материал и доктринальные подходы, примирительную процедуру можно определить как урегулированную правом совокупность действий сторон спора (при возможном участии независимого посредника или судьи), направленных на достижение взаимоприемлемого соглашения, прекращающего правовой

конфликт, без вынесения обязательного для сторон решения органом государственной власти.

Признаками примирительной процедуры выступают:

1) наличие правового спора или конфликта;

2) добровольность участия сторон;

3) направленность на достижение соглашения, а не на вынесение властного решения;

4) конфиденциальность;

5) равноправие сторон;

6) сотрудничество и содействие в поиске взаимоприемлемого решения;

7) правовой результат, юридическое значение которого (обязательность, возможность принудительного исполнения) зависит от вида процедуры.

Многообразие примирительных механизмов требует их научной классификации.

По стадии разрешения спора различают: досудебные примирительные процедуры (переговоры, претензионный порядок, досудебная медиация), примирительные процедуры в рамках судебного разбирательства (медиация по переданному в суд спору, судебное примирение, заключение мирового соглашения в суде) и примирительные процедуры в исполнительном производстве (мировое соглашение на стадии исполнения судебного акта).

По участию нейтрального посредника процедуры делятся на процедуры без посредника (непосредственные переговоры, переписка, претензионный порядок) и процедуры с посредником, который, в свою очередь, может быть как независимым от сторон лицом (медиатор, судебный примиритель), так и уполномоченным органом.

По обязательности применения выделяются добровольные процедуры, применяемые исключительно по соглашению сторон, и процедуры, применение которых в определённых случаях обязательно в силу закона (например, обязательный досудебный претензионный порядок по ряду категорий экономических споров). В зарубежных правопорядках встречаются и модели обязательной медиации, однако российский законодатель последовательно придерживается принципа добровольности.

Переговоры представляют собой наиболее доступную форму урегулирования спора, при которой стороны непосредственно взаимодействуют друг с другом без привлечения третьего лица. Правовая природа переговоров носит преимущественно фактический характер, однако их результат может приобретать юридическое значение при оформлении достигнутого соглашения как гражданско-правовой сделки.

Претензионный порядок — направление письменного требования об устранении нарушения с установлением срока ответа. Для большинства экономических споров соблюдение претензионного порядка является обязательным условием обращения в арбитражный суд; его значение двойственно: он выступает и фильтром неосновательных исков, и реальной возможностью досудебного урегулирования.

Медиация — центральный вид примирительных процедур с участием посредника. Медиатор организует переговоры, помогает сторонам выявить их интересы и выработать взаимоприемлемое решение. Медиативное соглашение имеет силу гражданско-правовой сделки; по спору, переданному в суд, оно может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения, а внесудебное соглашение — удостоверено нотариусом с приданием ему силы исполнительного документа.

Судебное примирение, введённое законом № 197-ФЗ, проводится судьёй в отставке, привлечённым к деятельности в качестве судебного примирителя. Регламент проведения судебного примирения утверждён постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 2019 г. № 41. Особенностью процедуры является её бесплатность и интегрированность в судебный процесс: судебный примиритель содействует сторонам в выработке мирового соглашения, однако не разрешает спор по существу.

Мировое соглашение занимает особое место: оно представляет собой результат большинства примирительных процедур и одновременно самостоятельный примирительный механизм. Утверждённое судом мировое соглашение приобретает силу судебного акта и подлежит принудительному исполнению в порядке исполнительного производства, что отличает его от обычной гражданско-правовой сделки.

Особую группу образуют примирительные механизмы уголовного судопроизводства. Статья 76 УК РФ предусматривает освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам небольшой и средней тяжести, а ст. 76.2 УК РФ — в связи с возмещением ущерба и заглаживанием вреда (судебная штрафная практика). Примирение потерпевшего и обвиняемого, в том числе в формате восстановительной медиации, выполняет здесь функцию восстановления нарушенных отношений, что сближает уголовно-правовые механизмы с гражданско-правовыми примирительными процедурами.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы. Примирительные процедуры образуют сложную систему, включающую процедуры с участием посредника (медиация, судебное примирение) и без него (переговоры, претензионный порядок), действующие на досудебной стадии, в судебном процессе и в исполнительном производстве. Их объединяют общие признаки: добровольность, конфиденциальность, направленность на соглашение, а не на властное решение.

Перспективы развития института связаны с детализацией правового регулирования, повышением информированности участников оборота, введением процессуальных стимулов к примирению и систематизацией примирительного законодательства, которая позволила бы рассматривать примирительные процедуры не как набор механизмов, а как целостный элемент правовой системы, снижающий конфликтность и нагрузку на суды.

Литература:

1. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 N 193-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 01.11.2026).
2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 26.07.2019 N 197-ФЗ (последняя редакция). — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_329959/ (дата обращения: 01.11.2026).
3. Закон «О медиации» (с изменениями, внесенными Постановлением от 31.08.2015 г.), Германия. — Текст: электронный // WIPO Lex: [сайт]. — URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17670 (дата обращения: 01.11.2026).
4. Примирение в праве: понятие и виды. — Текст: электронный // disserCat: [сайт]. — URL: https://www.dissercat.com/content/primirenie-v-prave-ponyatie-i-vidy (дата обращения: 15.11.2026).
5. Судебное примирение в российском, зарубежном гражданском и арбитражном процессах: монография / В. А. Носов, М. А. Рожкова, О. А. Тарасенко [и др.]. — М.: Статут, 2016. — Текст: непосредственный.
6. Шилов Павел Игоревич Институт медиации как способ разрешения судебных споров // European science. 2015. № 6 (7). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-mediatsii-kak-sposob-razresheniya-sudebnyh-sporov (дата обращения: 15.11.2026).

Ятрогенные преступления: правовые проблемы и особенности правоприменительной практики

Сабусов Илья Андреевич, студент магистратуры
Международный юридический институт (г. Москва)

В статье рассматриваются правовые и этические аспекты ятрогенных преступлений в медицинской практике. Анализируются проблемы квалификации деяний медицинских работников, установления причинно-следственной связи между нарушением стандартов оказания помощи и наступившими последствиями, а также определения формы вины (легкомыслие, небрежность) в соответствии со статьёй 26 УК РФ. Особое внимание уделено разграничению профессиональной ошибки и преступления, роли судебно-медицинской экспертизы и необходимости единообразия судебной практики при привлечении врачей к уголовной ответственности.

Ключевые слова: *ятрогенное преступление, медицинская ошибка, причинно-следственная связь, вина, экспертиза.*

Конституция Российской Федерации декларирует право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41). В развитие данного конституционного положения Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет профессиональные обязанности медицинских работников, устанавливает гарантии безопасности пациента.

В реалиях граждане не редко сталкивается с различными негативными ситуациями в медицине, в том числе, как указывает В. М. Кратенко [1], с профессиональной некомпетентностью врача, с наличием проблем организационного характера, некачественной медицинской техникой, отсутствием лекарственных препаратов и многим другим, что приводит к неблагоприятному исходу для пациента. За причинение вреда здоровью и жизни пациента при ненадлежащем оказании медицинской помощи установлена юридическая ответственность.

В правовой доктрине для обозначения умышленных или неосторожных деяний, совершаемых медицинскими работниками при исполнении профессиональных или служебных обязанностей с нарушением установленных законом принципов и условий оказания медицинской помощи, повлекших (ставящих под угрозу) причинение вреда пациенту, используется термин «ятрогенные преступления» [2, с. 41].

Как отмечает А. В. Казакова [3, с. 3], в действующем Уголовном кодексе РФ содержится более полутора десятков составов преступлений, которые можно причислить к рассматриваемой группе преступных деяний, в том числе: ст. 109 (причинение смерти по неосторожности), ст. 118 (причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, ст. 124 (неоказание помощи больному), ст. 235 (незаконное занятие частной медицинской практикой), а также ст. 238 (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности) Уголовного кодекса Российской Федерации.

Проблема привлечения к ответственности медицинских работников за профессиональные правонарушения является одной из наиболее острых и дискуссионных в современной юриспруденции.

Наибольшую сложность в правоприменительной практике вызывает установление границ между ненаказуемой профессиональной ошибкой и преступлением, «точное определение вины, её формы и вида» [4, с. 163], прямой причинной связи между дефектом оказания медицинской помощи и наступившими последствиями.

Разграничение врачебной ошибки и преступления имеет ключевое значение для правоприменительной практики.

Врачебная ошибка представляет собой добросовестное заблуждение медицинского работника, основанное на объективных причинах: атипичное течение заболевания, несовершенство существующих методов диагностики, неполнота объективных данных о состоянии пациента и т. д. Врачебная ошибка не является виновным деянием и не влечет уголовной ответственности. Преступление же предполагает наличие вины, причинной связи между деянием (неправильная диагностика заболевания; ошибочный выбор тактики лечения или метода оперативного вмешательства; неправильного применения лекарственных средств или медицинского оборудования, иные дефекты) и наступившими последствиями.

Ятрогенные преступления представляют собой сложный правовой феномен, находящийся на стыке медицины, уголовного права и профессиональной этики. Юридическая природа ятрогенных преступлений определяется двойственностью их сущности: с одной стороны, врачебная деятельность всегда сопряжена с риском и элементом неопределённости, с другой — медицинский работник обязан действовать строго в рамках стандартов и правил оказания медицинской помощи (ст. 37 ФЗ № 323-ФЗ).

Не единичны случаи, когда врачи действуют строго в рамках современных медицинских стандартов, но в результате возникает патология в организме пациента. Установить причинно-следственную связь в таких случаях проблематично. Она может носить не прямой, а опосредованный характер. Например, неверно поставленный диагноз и применение релевантных диагнозу методов лечения могут привести к негативным последствиям для пациента. В таких случаях необходимо доказать не просто наличие связи, а ее юридически значимый характер, то есть то, что именно дефект оказания помощи, а не иные факторы, сыграли решающую роль в наступлении неблагоприятного исхода.

Наступление негативных последствий возможно и при наличии нарушений при оказании медицинских услуг. При этом прямая причинная связь между нарушениями и наступившими последствиями отсутствует. Судебная практика при схожих обстоятельствах не отличается единообразием.

Так, Абаканский городской суд рассматривал уголовное дело в отношении врачей медицинского учреждения, обвинявшихся в причинении смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей (ст. 109 УК РФ). Пациент скончался после оказания медицинской помощи, при этом следствием было установлено нарушение требований к диагностике и лечению. Оценив представленные доказательства и заключения судебно-медицинских экспертиз, суд пришёл к выводу, что нарушения стандартов оказания медицинской помощи имели место. Однако сама по себе неполнота или дефекты медицинского вмешательства не могут образовывать состав преступления без доказательства того, что именно эти действия явились непосредственной причиной смерти пациента. Признав отсутствие прямой причинно-следственной связи между действиями медицинских работников и наступившей смертью пациента, 24.08.2021 г. суд вынес оправдательный приговор.

Бурейский районный суд в схожей ситуации, не усмотрев между дефектами оказания медицинской помощи и смертью пациентки прямой причинно-следственной связи, тем не менее пришел к выводу о виновности подсудимого [6], квалифицировав его действия по ч. 1 ст. 238 УК РФ (оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей), исключив квалифицирующий признак «повлекшее смерть по неосторожности человека».

В специальной литературе [5] указывается, что противоречивость в юридической оценке объективной стороны деяния, наблюдается и в случаях, когда имеет место прямая причинная связь, идентичные последствия и способы совершения преступления. В одном случае деяние квалифицируется как тяжкое преступление (Приговор Людиновского районного суда Калужской области от 27 июля 2018 г. по делу № 1–1–45/2018, п «в» ч.2 ст.238 УК РФ), в других как преступление небольшой тяжести (Постановление Скопинского районного суда Рязанской области от 12 ноября 2018 г. по делу № 1–129/2018, ч.2 ст.109 УК РФ.).

Нередко врачи вынуждены прибегать к риску и совершать действия нарушающие прямые предписания стандартов и клинических рекомендаций (явно ятрогенного характера), но приводящие в итоге к улучшению физического или эмоционального состояния человека. Объективно оценить действия врачей с точки зрения верности принятого решения, в таких ситуациях затруднительно. Представляется, что при оценке правомерности таких действий следует учитывать соотношение между важностью медицинской цели и реальными возможностями её достижения в конкретных обстоятельствах.

Объективная сторона ятрогенных преступлений выражается в ненадлежащем исполнении медицинским работником своих профессиональных обязанностей, повлекшем за собой смерть или тяжкий вред здоровью пациента. Оценка качества оказания медицинской помощи, правомерности действий медицинских работников требует привлечения специалистов, проведения экспертных исследований. Столь сложная миссия как уста-

новление наличия причинной связи возлагается на экспертные комиссии. Тем не менее, в юридическом аспекте, решающий вывод относительно наличия такого элемента объективной стороны преступления, как причинно-следственная связь следственные органы и суды принимают исходя из совокупности собранных по делу доказательств.

Субъективная сторона ятрогенного преступления характеризуется формами неосторожности — легкомыслие и небрежность (ст. 26 УК РФ).

Проблема определения вины в ятрогенных преступлениях является одной из наиболее сложных в судебно-медицинской и уголовно-правовой практике, требующая комплексного подхода, включающего оценку медицинских стандартов, конкретной клинической ситуации, субъективного отношения врача к последствиям и уровня профессиональной осмотрительности, что делает подобные дела одними из самых сложных в уголовно-правовой практике.

Установление волевого момента при совершении ятрогенных преступлений имеет важное значение, так как непосредственно свидетельствует об отношении субъекта к наступившим последствиям и учитывается при определении наказания.

При легкомыслии врач предвидит возможность наступления вредных последствий своих действий, но без достаточных на то оснований рассчитывает на их предотвращение — например, полагаясь на опыт, технические средства или благоприятное стечение обстоятельств. В медицинской практике это проявляется, когда врач, осознавая риск осложнений, тем не менее сознательно отступает от стандартов лечения, считая, что сможет избежать неблагоприятного исхода.

При небрежности, напротив, специалист не предвидит возможности наступления вредных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог их предвидеть. Такая форма вины типична для случаев некачественного ведения медицинской документации, поверхностного осмотра, несвоевременной диагностики или недооценки тяжести состояния пациента.

Однако доказательство того, что врач «должен был и мог предвидеть» последствия своих действий, требует специальных знаний, экспертной оценки и тщательного анализа конкретных обстоятельств дела.

Проблема усугубляется коллективным характером оказания медицинской помощи: участие нескольких специалистов размывает индивидуальную ответственность и затрудняет установление, чьи конкретно действия (или бездействие) повлекли вред.

Представляется, что проблема уголовно-правовой оценки ятрогенных деяний требует системного подхода, сочетающего юридическую доктрину, судебную практику и профессиональную медицинскую этику. Целесообразно разработать специальные методические рекомендации и стандарты экспертной оценки в делах о ятрогенных преступлениях, а также сформировать единую судебную практику по квалификации исследуемой категории преступлений.

Литература:

1. Кратенко М. В. Вред при медицинском вмешательстве: проблемы компенсации и предотвращения (сравнительно-правовое исследование). М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2024. 240 с.
2. Ситникова А. И. Ятрогенные преступления: уголовно-правовой и процессуальный аспекты // Медицинское право. 2018. № 2. С. 41–44.
3. Казакова А. В. Некоторые особенности расследования ятрогенных преступлений // Администратор суда. 2024. № 1. С. 25–29
4. Радов В. В. Некоторые проблемы вины в ятрогенных преступлениях// Медицинское право: теория и практика», № 2 (12), август-декабрь 2020 г., с. 163–168.
5. Сазонова М. Уголовная ответственность медицинского работника: когда лечение становится преступлением. (ГАРАНТ.РУ, 24 мая 2023 г.) [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://clck.ru/3QR978 (дата обращения 12.11.2025).
6. Приговор Бурейского районного суда Амурской области от 24 марта 2023 г. по делу N 1–5/2023 [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://sudact.ru/ (дата обращения: 05.11.2025).

6

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 47 (650) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета М. В. Голубцов

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 02.12.2026. Дата выхода в свет: 09.12.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; https://moluch.ru/

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.